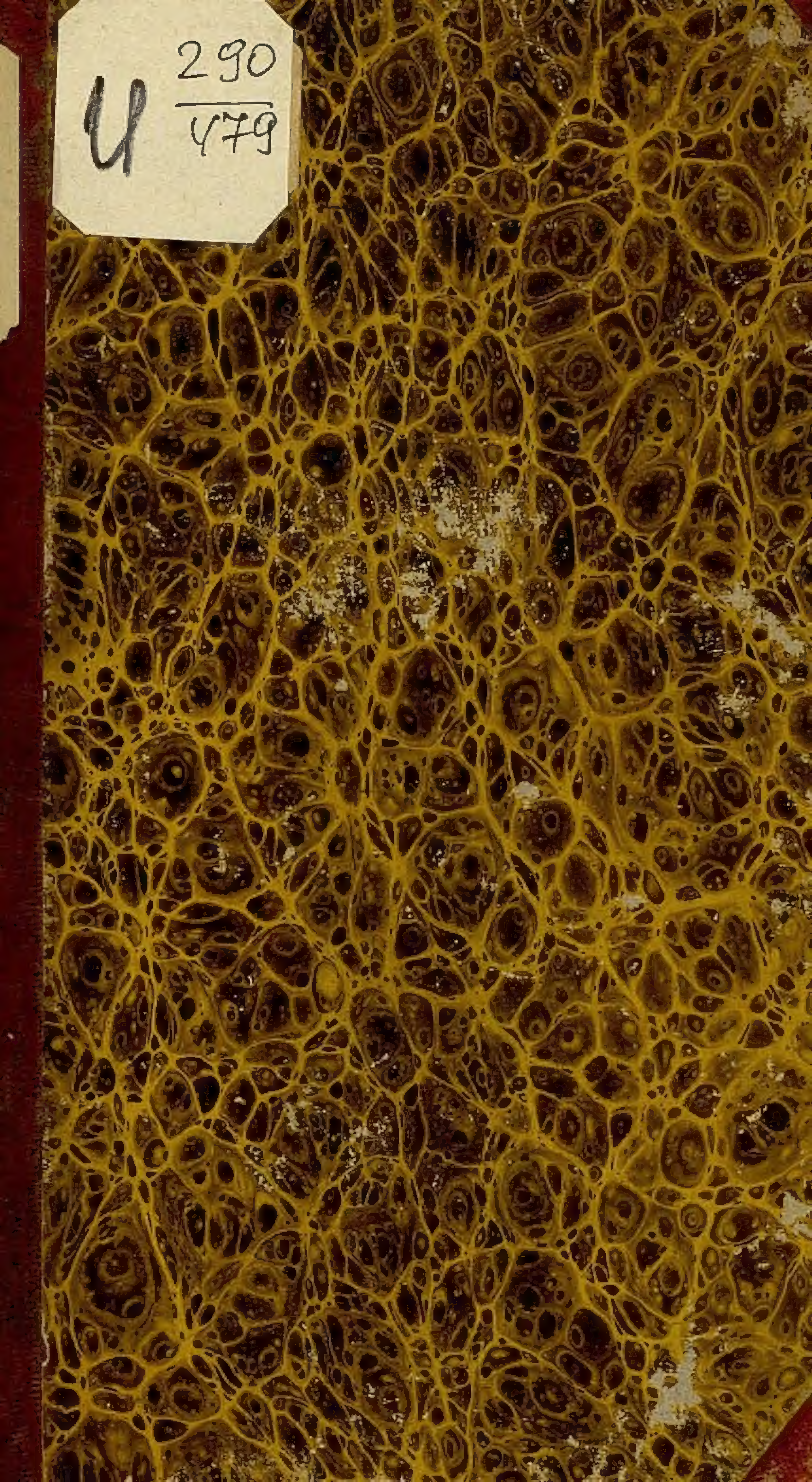

И
290
479

VII
226
И 290/479

28 ДНЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ИЛИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА ВЪ ГЕРМАНІЮ.

Николая Греча.

1835.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1837.

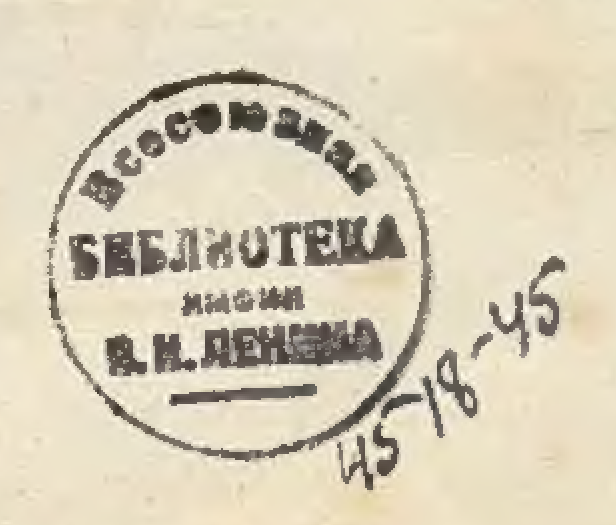
18 III/5 37

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 18-го Декабря 1836.

Цензоръ А. Никитенко.



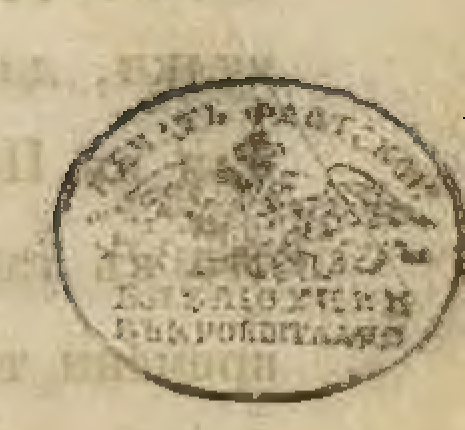
въ типографіи Н. Греча.

ДРУЗЬЯМЪ,

ЗДѢШНИМЪ

И

ЗАМОРСКИМЪ.



I.

ПАРОХОДЪ.

Отправленіе въ путь. Пароходъ Ольга. Дипломаты. Артисты. Прощаніе. Пароходъ Александра. Начало пути. Устройство парохода. Занятія. Капитанъ Дицъ. Кронштадтскій докторъ. Травемюнде. Любекъ. Спутницы. Hotel du Nord.

Къ самымъ счастливымъ, благодѣтельнымъ и обильнымъ послѣдствіями изобрѣтеніямъ девятнадцатаго вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежатъ пароходы: они уничтожили дальнія разстоянія, сблизили чуждые другъ другу народы, ослабили владычество бурь и волнъ морскихъ. Теперь вы, при пособіи этого коврика-самолета, можете изъ Петербурга прибыть на четвертый день въ Гамбургъ, на шестой въ Лондонъ, на осьмой въ Парижъ; можете съѣздить въ

эти и другія мѣста, за дѣломъ, для прогулки, для забавы, какъ въ Царское Село или въ Петергофъ, зная почти навѣрное, что въ такой-то день поѣдете, столько-то времени тамъ пробудете и тогда-то воротитесь. «Куда вы ѣдете?» спрашивали у меня знакомые, прочитавъ имя мое въ газетахъ. — «Въ Гамбургъ и въ Берлинъ,» отвѣчалъ я. — «И на долго?» — «Я отпущенъ на мѣсяцъ.» — «И, полно-те! Что можно видѣть въ одинъ мѣсяцъ? Стоитъ ли это труда!» — «Увидите. Поѣду въ Гамбургъ, попользуюсь тамошними купальнями, заверну въ Берлинъ, порадую душу свою картиною живаго движенія наукъ, искусствъ и литературы, повидаюсь съ знакомыми, познакомлюсь съ другими — и чрезъ мѣсяцъ явлюсь, какъ листъ передъ травой, отдохнувъ, освѣжившись, собравъ новыя силы для продолженія моей утомительной работы.»

Въ Среду, 19-го Іюня, въ половинѣ перваго часа, отправился я, въ сопровожденіи моихъ родныхъ и домашнихъ, тихимъ шагомъ къ пароходу Ольгѣ, стоявшему у Англійской Набережной, насупротивъ дома Коммерческаго Клуба, гдѣ помѣщается контора пароходовъ. Народъ тѣснился густою толпою на палубѣ парохода и на набережной. Обнимались, цѣловались, плакали, смѣялись, желали другъ другу счастливаго пути. Въ часъ зазвонили въ первый разъ, чрезъ пять минутъ во второй, еще черезъ пять минутъ въ третій. Наступило мгновеніе разлуки. Друзья, родные обнялись еще разъ; провожающіе поспѣшили по узенькой дошечкѣ на берегъ; она поднялась; пароходъ оторвался отъ берега, поворотилъ къ устью Невы; колеса заскрипѣли, дымъ хлынулъ густыми клубами, и мы понеслись впередъ. На берегу стояли оставшіеся друзья, и провожая насъ гла-

*

зами, подавали намъ знаки; мы отвѣчали имъ такъ же; они исчезали мало по малу изъ глазъ нашихъ, и чрезъ четверть часа мы потеряли ихъ изъ виду. Посвятивъ имъ еще сердечный вздохъ, мы обратили взоръ въ будущее. Предъ нами волновались пучины коварнаго Балтійскаго Моря, и манили насъ къ юго-западнымъ берегамъ своимъ.

Небольшой пароходъ Ольга служитъ сообщеніемъ съ Кронштадтомъ для пассажировъ, отправляющихся за море на большихъ пароходахъ. Обыкновенно бываетъ онъ наполненъ множествомъ людей, провожающихъ друга или роднаго. И въ это время было такъ. Пестрая толпа двигалась и шумѣла на палубѣ. Въ числѣ пассажировъ были Повѣренные въ дѣлахъ Англійскій и Французскій, дипломаты Испанскіе и Португальскіе: они провожали одного чиновника Англійскаго посольства, Лорда

Чельзи (Chelsea). Людніе всѣхъ было отдѣленіе артистовъ. Гайцингеръ съ женою возвращался во-свояси, предъ окончаніемъ срока ихъ отпуска изъ Карлсру. Бывшій Петербургскій актеръ Поллертъ ѣхалъ въ Германію съ женою своею, которая составляла украшеніе Нѣмецкаго театра нашего, но фамильными обстоятельствами принуждена была оставить службу. Суфлеръ Французскаго театра, Геленъ, выслуживъ урочные годы, возвращался во Францію съ пенсіономъ, благословляя добрую и щедрую Россію. — Было нѣсколько больныхъ, отправлявшихся въ теплый климатъ и на цѣлительныя воды, для возвращенія и возстановленія своего здоровья. Всякъ занимался чѣмъ нибудь. Матери укачивали младенцевъ; отцы удерживали мальчиковъ отъ неосторожныхъ прыжковъ. Въ дымѣ сигаръ летали разноязычныя фразы. Нѣкоторыхъ начало укачивать. Одна моло-

денькая дама чрезъ четверть часа должна была прилечь отъ нездоровья. Не видно было, какъ мы прилетѣли въ Кронштадтъ. Миновавъ военный портъ, полюбовавшись прекраснымъ царскимъ пароходомъ Геркулесъ, мы, не выходя на берегъ, пристали къ пароходу Александра, долженствующему везти насъ въ Травемюнде. Въ большой каютѣ накрытъ былъ столъ человѣкъ на шестьдесятъ. Пріѣзжіе расположились группами; дипломація заняла особое отдѣленіе. Разстающіеся друзья съ веселіемъ, надеждою и любовію проводили между собою послѣднія минуты. Захлопали пробки, полилось шипучее; раздались тосты на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, но все умолкло при тихихъ звукахъ гитары, и прелестный голосъ Гайцингера раздался въ глубокой тишинѣ. Онъ запѣлъ пѣснь прощанія, унынія и надежды; къ нему присоединились выразительные звуки одушевленнаго голо-

са жены его, и вскорѣ пѣснь тоскливаго недоумѣнія перешла въ радостные звуки свиданія, сбывшихся надеждъ и неразлучной любви. Вѣнскія народныя пѣсни смѣнили выраженіе чувствъ этой минуты. Сладостная гармонія пролила умиленіе и отраду въ сердца слушателей. Всѣ встали съ мѣстъ, и единогласно пожелали счастливаго пути благороднымъ артистамъ; они отвѣчали искреннимъ выраженіемъ желанія своего и несомнѣнной надежды скоро возвратиться въ Петербургъ, гдѣ ихъ приняли съ такимъ уваженіемъ, любовію и радушіемъ. Музыка расположила всѣхъ ко взаимнымъ изліяніямъ; разговоръ сдѣлался шумнѣе и живѣе, и даже одинъ деревянный Англичанинъ, сидѣвшій подлѣ насъ, хотѣлъ что-то сказать. По окончаніи обѣда мы еще разъ обнялись съ остающимися друзьями, крѣпко, крѣпко; они перешли на пароходъ Ольгу, и понеслись обратно

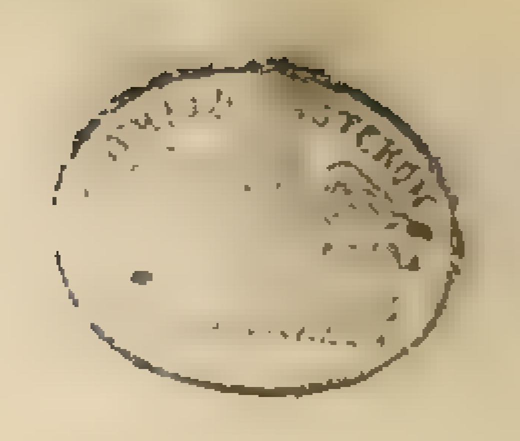
въ Петербургъ. Долго еще размахивали и мы и они шляпами и платками. Наконецъ они исчезли......

Мы осмотрѣлись. Пароходъ Александра стоялъ на якорѣ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. Чтò бы, кажется, теперь же сняться съ якоря, да и въ путь! Нѣтъ! должно дожидаться Петербургской почты. Это, какъ говорятъ Нѣмцы, значитъ убить однимъ камнемъ двухъ птицъ. Но камень этотъ попадетъ въ одну птицу — въ бѣднаго путешественника. Къ вечеру прибылъ изъ Петербурга пароходъ Берда съ остальными спутниками нашими. На кораблѣ *шумъ, гамъ и стрекотанье разно*, какъ говоритъ одинъ нашъ поэтъ. Я пытался заснуть — не тутъ-то было. Почты нѣтъ. Пароходъ не движется. Въ четыре часа утра я вышелъ на палубу. Солнце ужъ высоко. Одна нѣжная чета прогуливается по палубѣ. Жена ѣдетъ на теплыя воды.

Мужъ проводилъ ее до Кронштадта, и ждетъ почтовой шлюпки, чтобъ съѣхать съ парохода. Въ пять часовъ, наконецъ, появилась вождѣленная щлюпка, нагруженная чемоданами; ихъ приняли на бортъ; капитанъ выдалъ расписку; нѣжный супругъ, поцѣловавъ любезную жену, опустился въ шлюпку, и у насъ начали поднимать якорь.

Пароходъ вскорѣ пришелъ въ движеніе и понесся въ синюю даль.... Многіе изъ нашихъ соотчичей, грамотные и даже писатели, ѣздили на пароходѣ, и никто не потрудился описать его — не въ техническомъ, а въ жизненномъ отношеніи. Всѣ думаютъ: кто не знаетъ парохода! стоитъ только сходить на Англійскую Набережную. Но Петербургъ не вся Россія. Что намъ кажется вседневнымъ, обыкновеннымъ, даже ничтожнымъ, то можетъ быть весьма любопытно и занимательно для иногороднаго. И такъ, для почтенныхъ моихъ чи-

тателей въ Торжкѣ, въ Сингилеѣ, въ Семипалатинскѣ и въ Зашиверскѣ намѣренъ я заняться поверхностнымъ описаніемъ прекраснаго парохода Александра, на которомъ скоро, счастливо и чрезвычайно пріятно перенесся я въ Германію. Пароходъ этотъ есть длинное и довольно широкое судно; во второй половинѣ его находится паровая машина, приводящая въ движеніе по одному большому колесу по обѣимъ сторонамъ. Эти колеса, вертясь, гребутъ воду широкими своими лапами, и приводятъ судно въ движеніе какъ будто веслами. На случай попутнаго вѣтра есть на пароходѣ и паруса. Отъ другихъ судовъ пароходъ съ перваго взгляда отличается высокою желѣзною трубою, изъ которой безпрестанно клубится черный дымъ; этотъ дымъ въ случаѣ безвѣтрія стоитъ надъ поверхностью моря длинною полосою. Путь парохода направляется обыкновеннымъ рулемъ. Въ случаѣ



надобности можно остановить ходъ его въ одну секунду. Все приложено, все придумано къ успѣшному и безостановочному дѣйствію. Опасности во сто кратъ менѣе, нежели на другомъ мореходномъ суднѣ. Нельзя сказать, чтобъ ея не было вовсе: прошлою осенью пропали безъ вѣсти три Англійскіе парохода; но сколько въ то же время погибло кораблей парусныхъ! Палуба, ровная, чистая, просторная, служитъ гульбищемъ для пассажировъ. Въ задней части (въ кормѣ) парохода находится каюта для пассажировъ — продолговатая, просторная, свѣтлая комната, въ которой завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ. По сторонамъ ея расположены спальныя каморки; въ каждой помѣщаются по два человѣка. Кровати устроены одна надъ другою; если товарищъ вашъ не расположенъ къ морской болѣзни, то лучше спать на нижней. Съ перваго взгляду кровати кажутся ко-

роткими, но въ самомъ дѣлѣ онѣ довольно длинны, только узковаты; спишь въ струнку, какъ во фронтѣ. Впрочемъ, въ срединѣ лѣта, пассажировъ бываетъ немного, и почти каждый изъ нихъ имѣлъ особую каморку. Въ другомъ отдѣленіи, сообщающемся съ первымъ посредствомъ корридора, въ которомъ устроена лѣстница для всхода на палубу, находятся жилища дамъ, то есть, такія же каморки, сообщающіяся съ залою, менѣе первой. Сюда воспрещенъ входъ мужчинамъ безъ особеннаго позволенія. Далѣе расположены фамильныя отдѣленія, на двѣ, на три, на четыре особы. Еще далѣе находятся вторыя мѣста, въ которыхъ жить тѣснѣе и непріятнѣе, нежели въ первыхъ. За то они значительно дешевле: этими мѣстами пользуются люди небогатые, ремесленники, и т. п., которые, бывало, на купеческихъ корабляхъ помѣщались еще хуже. Есть еще мѣста

для слугъ, служанокъ, кучеровъ и т. п. Посреди палубы возвышается кухня, въ которой кушанье готовится дѣйствіемъ пара. У насъ былъ поваромъ сѣдой мулатъ, жившій нѣсколько лѣтъ на Островѣ Св. Елены.

Главная бесѣда, на пароходахъ, о вѣтрѣ и погодѣ, а главное занятіе ѣсть и пить. Люди самые умѣренные и постные дѣлаются на морѣ жадными гастрономами, и считаютъ часы и минуты отъ одного стола до другаго. Поутру, часовъ въ восемь, утоляютъ первый голодъ чашкою кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ девять часовъ подаютъ чай, т. е. чай, свѣжія яйца въ смятку, ветчину, солонину и т. п. Въ три часа обѣдъ, сытный и хорошій. Припасы свѣжіе; хлѣбъ пекутъ ежедневно. Иногда подаютъ знаменитую Гамбургскую солонину. Въ девять часовъ вечера ужинъ, такой, что послѣ этого должно часа два погулять по

палубѣ. Въ промежутки наслажденій столомъ пассажиры занимаются бесѣдою, чтеніемъ, картами. Писать трудно, да и читать не очень ловко: буквы прыгаютъ въ глазахъ; хотя и нѣтъ качки, но отъ движенія машины пароходъ подергивается ежесекундно, какъ бы въ лихорадкѣ. — Мы наслаждались пріятнѣйшею погодою, и у насъ не было ни одного больнаго. И тѣ, которыхъ укачало было на проѣздѣ отъ Петербурга до Кронштадта, не чувствовали въ послѣдствіи ни малѣйшей дурноты. Пароходомъ управлялъ капитанъ Дицъ, человѣкъ въ своемъ дѣлѣ искусный, рачительный, неутомимый, притомъ пріятный въ обращеніи, привѣтливый и веселый. Общество пассажировъ на Александрѣ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразное, но хорошее и мирное. Въ числѣ пассажировъ обращалъ на себя вниманіе докторъ Г., изъ Кронштадта, родомъ Нѣмецъ, долго служившій

во флотѣ. Лѣтъ за восемь предъ симъ онъ лишился употребленія обѣихъ ногъ отъ простуды, и съ тѣхъ поръ разъѣзжаетъ въ креслахъ на колесцахъ, но сохранилъ веселость нрава, любитъ бесѣдовать съ добрыми людьми, и слушать и разсказывать. Недавно получилъ онъ письмо изъ Оснабрюка отъ своей племянницы: она увѣдомляла его, что выходитъ замужъ, и изъявляла сожалѣніе, что онъ не можетъ быть у ней на свадьбѣ. Вздоръ! закричалъ старикъ, взялъ мѣсто на пароходѣ, перебрался туда съ вѣрнымъ своимъ служителемъ, отставнымъ матросомъ, и теперь ѣдетъ въ Оснабрюкъ. Для сухопутнаго проѣзда, онъ взялъ съ собою дрожки. Ein sonderbares Cariol! говорили матросы въ Травемюнде, выгружая Русскій экипажъ. Благополучный нашъ переѣздъ еще украшенъ былъ талантами и любезностью Гайцингеровъ. За обѣдомъ и за ужиномъ раздава-

лись у насъ прекраснѣйшія аріи и дуэты. Госпожа Гайцингеръ, которую мы произвели въ Амалію Егоровну, иногда и представляла намъ комическія сцены: Берлинскую торговку, которая, читая Шиллерову Дѣву Орлеанскую, торгуется съ извощикомъ и бранится съ сосѣдкою; старуху, которая, взявъ книгу вверхъ ногами, сердится на мелкую печать нынѣшняго времени, и т. д.

Въ обѣдъ перваго дня миновали мы островъ Гохландъ; на другой, въ 11 часовъ до полудня, обогнули Дагерортъ. На третій прошли Эландъ и Готландъ; на четвертый утромъ, миновавъ Борнгольмъ, который остался у насъ въ лѣвой рукѣ, подошли къ Шведскому городку Истадту (собственно Mariestadt), и взяли тамошнюю почту. Картина прекрасная. На зеленомъ скатѣ волнистаго берега виднѣлись бѣленькіе домики съ красными крышками. По-

среди ихъ возвышалась колокольня церкви. Вѣтряныя мельницы размахивали крыльями. Въ зрительныя трубы можно было различить крестьянъ, работающихъ въ полѣ. Какъ пріятенъ видъ берега и послѣ кратковременнаго морскаго плаванія! — Отъ Истадта мы неслись почти прямо къ югу. Начало попахивать свѣжимъ сѣномъ.

Въ сумерки затеплилась прямо противъ насъ лампадка — это маякъ Травемюндскій. Прибылъ лоцманъ, и повелъ пароходъ къ устью Травы. Нетерпѣніе возрастало съ каждою минутою. Наконецъ, когда смерклось совершенно, часовъ въ десять, мы подошли къ берегу и бросили якорь. Сдѣлалась ужасная суматоха. Начали выгружать вещи, пожитки, товары. Кто съѣхалъ на берегъ, кто остался ночевать на пароходѣ, кто пересѣлъ на другой меньшій, чтобъ ѣхать прямо въ Любекъ. Я стоялъ въ грустномъ раздумьѣ на палубѣ, и смо-

трѣлъ, какъ поднимали мои вещи изъ трюма. Подлѣ меня стояли двѣ молодыя дамы съ маленькою дѣвочкою, и толковали, какъ имъ ѣхать одиѣмъ. Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ затруднительное. Въ это время подошелъ ко мнѣ Гайцингеръ, и повторилъ предложеніе свое занять порожнее мѣсто въ его коляскѣ до Любека. — «Нѣтъ, благодарю, вамъ и безъ меня будетъ тѣсно,» отвѣчалъ я, и приблизился къ дамамъ. «Если вамъ не достаетъ только спутника и охранителя въ дорогѣ,» сказалъ я имъ: «то я предлагаю вамъ мои услуги. Мнѣ самому и грустно и страшно на этомъ чужомъ берегу. Позвольте мнѣ ѣхать съ вами. Мнѣ будетъ казаться, что я все еще въ кругу моего семейства.» Дамы эти (первая изъ нихъ, жена извѣстнаго медика въ Петербургѣ, съ своею воспитанницею; вторая, дѣвица, сестра другаго почтеннаго нашего доктора) знали меня

уже по Петербургу, но не воображали, чтобъ человѣкъ, который написалъ грамматику и бранится въ журналахъ, могъ быть услужливъ и учтивъ въ обращеніи съ дамами; онѣ изумились, но приняли мое предложеніе съ благодарностью. — Въ глубокомъ мракѣ, доискавшись ощупью нашихъ чемодановъ, перебрались мы на малый пароходъ, Германію, и поплыли вверхъ по Травѣ къ Любеку. Это странствіе, продолжавшееся часа два, было скучнѣе, затруднительнѣе и даже опаснѣе четырехсуточнаго плаванія на Александрѣ. Въ Травѣ много отмелей и вбитыхъ въ рѣку свай, которыхъ должно было рачительно избѣгать. Заунывный, иногда опасливый голосъ штурмана ежеминутно прерывалъ единообразный плескъ струй, разсѣкаемыхъ колесами парохода. Наконецъ остановились. Пошли опять шарить во мракѣ: кое-какъ выбрали свои вещи, и нагрузили

ими нѣсколько нумерованныхъ носильщиковъ. Къ счастью, явилась какая-то колымага; мы сѣли въ нее и велѣли ѣхать въ Hôtel du Nord. Въѣхали въ городъ. Все спало. Улицы узкія. Домы высокіе съ узорчатыми крышами. Всѣ что-то старинное, дикое, готическое. Колымага взъѣхала во дворъ. Крыльце освѣтилось огнями. Появился учтивый трактирщикъ съ прислужниками и повелъ насъ вверхъ. Гайцингеры встрѣтили насъ съ радостными восклицаніями. Амалія Егоровна приняла дамъ и повела въ нанятую для нихъ комнату, а я отправился въ свой нумеръ, и съ несказаннымъ удовольствіемъ кинулся на неподвижную кровать, на мягкую перину. Хорошо, хорошо на пароходѣ, а все лучше, когда полъ подъ вами не колеблется, кровать не бьетъ въ бока, и волна не шепчетъ изъ-за тонкой перегородки: здѣсь гибель и смерть!

II.

ЛЮБЕКЪ.

Видъ города. Жители. Домы. Hausflur. Г. Шлецеръ. Солдаты. Церковь Св. Маріи. Соборная церковь. Славянщина. Отъѣздъ. Гнусная дорога. Вандсбекъ. Въѣздъ въ Гамбургъ. Hôtel de Russie. Стойло.

Часа въ четыре проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ громомъ, разбудилъ меня. Я протеръ было глаза, но зажмурилъ ихъ опять отъ блесковъ молніи, и мысленно благодарилъ Бога, что̀ эта гроза случилась не за сутки предъ тѣмъ. Громъ утихъ, и я уснулъ снова. Вставши часу въ осьмомъ, я подошелъ къ окну, и посмотрѣлъ на улицу. Погода была ясная и тихая. Гроза освѣжила воздухъ. Мнѣ представилась картина патріархальной Германіи во всей своей прелести. Я былъ пе-

ренесенъ, какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла, изъ нашего юнаго, великолѣпнаго, свѣтлаго Петербурга въ средину старинной Ганзы, живой донынѣ своими нравами, обычаями и повѣрьями. Точно будто я вошелъ въ Михайловскій театръ, и поднялась завѣса въ Нѣмецкомъ представленіи! Предо мною возвышался рядъ домовъ высокихъ, узкихъ, островерхихъ, съ разнообразными вычурными украшеніями и надписями о построеніи и возобновленіи ихъ въ XV и XVI вѣкѣ, но чистыхъ, миловидныхъ, уютныхъ. Вотъ растворяется широкая дверь въ нижнемъ жильѣ одного дома; выходитъ чистенькая, въ бѣломъ чепчикѣ, старушка, садится на скамейкѣ подлѣ воротъ, подъ густою липою, вынимаетъ изъ корзиночки чулокъ, и начинаетъ вязать; посматривая на прохожихъ, а ихъ было еще немного: школьникъ съ книгами подъ мышкою, служанка съ плетеною на

рукѣ корзинкою, водоносъ съ полными ведрами. Но вотъ является знакомка: обѣ почтенныя гражданки раскланиваются; старушка приглашаетъ новопришедшую занять мѣсто подлѣ нея; онѣ садятся другъ подлѣ друга, и быстрыя движенія губъ ихъ, едва поспѣвающія за движеніемъ чулочныхъ спичекъ, доказываютъ, что время у нихъ не проходитъ попустому. Улица оживляется болѣе и болѣе: отпираются домы, лавки; изо всѣхъ воротъ и дверей выходятъ служанки, и начинаютъ чистить и обмывать мостовую. И какія служаночки! опрятненькія, бѣленькія! Жаль, что не берутъ отсюда на наши театры статистокъ для нѣмыхъ ролей. Да то бѣда: тогда перестали бы смотрѣть на актрисъ! — Вообще любопытно слѣдить за измѣненіемъ народныхъ физіономій: здѣсь, въ Любекѣ, и между самымъ простымъ народомъ найдете лица, совершенно схожія съ тѣми, которыя за

нѣсколько сотъ лѣтъ писаны Гольбейномъ и Кранахомъ. Устройство домовъ здѣсь совершенно отлично отъ нашего. Собственныхъ дворовъ въ Любекѣ незамѣтно; за то, въ нижнемъ ярусѣ каждаго дома, выходитъ широкою дверью на улицу родъ сарая или большихъ сѣней, такъ называемая Hausflur. Подлѣ этихъ сѣней, съ обѣихъ сторонъ, помѣщаются кухня, прачечная. Въ самой Hausflur хозяинъ обыкновенно занимается своимъ ремесломъ, производятся многія домашнія работы, лежатъ громоздкія вещи и т. п. Опрятность и порядокъ тамъ удивительные. Въ задней части Hausflur стеклянная дверь идетъ обыкновенно въ небольшой садикъ.

Часу въ девятомъ пошелъ я къ нашему консулу, Г. Шлецеру, сыну знаменитаго историка, и долго не могъ найти его дома, по непонятному для меня указанію трактирнаго коммиссіонера. Я рѣшился спро-

сить, гдѣ онъ живетъ, и вошелъ въ первую Hausflur. Мнѣ отвѣчали учтиво: извольте пройти еще три дома, по лѣвой рукѣ. Сначала показалось мнѣ, что я зашелъ въ магазинъ шелковыхъ или галантерейныхъ товаровъ, но, вообразите, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что стою въ лавкѣ мясника: части говядины, телятины, бараньи головы и т. п. висѣли на стѣнахъ, лежали по столамъ, какъ модные чепцы и бальныя платья въ магазинахъ мадамъ Сихлеръ или Ксавье!

Я вскорѣ нашелъ искомый мною домъ, по надписи: *Russisch-Kaiserliches Consulat.* Вхожу въ Hausflur — нѣтъ никого; далѣе, въ контору — ни души. Книги, бумаги, письма, деньги лежатъ на столахъ и конторкахъ. Воротясь въ Hausflur, я началъ кашлять и шаркать; появилась служанка, и объявила, что Г. консулъ еще не пріѣзжалъ съ дачи, а молодой госпо-

дииъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ сынъ Г. Шлецера, *Несторъ*, воспитывавшійся въ Россіи, и видавшій меня въ Петербургѣ, и привѣтствовалъ меня по-Русски. — «Помилуйте,» сказалъ я ему: «у васъ всѣ двери стоятъ настежь. Какъ вы не боитесь воровъ?» Онъ успокоилъ меня замѣчаніемъ, что воровство у нихъ, въ Любекѣ, вещь почти вовсе неслыханная, и что тамошняя полиція совершенно ограждаетъ мирныхъ жителей. — Вскорѣ пріѣхалъ Г. Шлецеръ, отецъ, и принялъ меня очень ласково. Я бесѣдовалъ съ нимъ о многихъ предметахъ и случаяхъ, любопытныхъ для насъ обоихъ, и съ удовольствіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ на прекрасный портретъ безсмертнаго отца его, съ Русскою надписью: *Лѣта вѣчная помянухъ*. Г. Шлецеръ, замѣтивъ мое любопытство, обѣщалъ ко вторичному моему

пріѣзду припасти гравированную съ него копію, мнѣ на память.

Послѣ этого визита оставалось мнѣ два часа времени. На обратномъ пути въ Hôtel du Nord, я осматривалъ нѣкоторыя улицы и площади города, любопытныя и почтенныя своею неподдѣльною стариною, пріятныя на взглядъ опрятностью. У ратуши, изукрашенной готическими вычурами среднихъ вѣковъ, стояли солдаты Ганзеатическаго легіона — не тѣ старинныя карикатуры, которыми славились имперскіе города во время оно. Выправка ихъ, правда, не наша молодецкая, но они бодры, поворотливы, и на распросы мои отвѣчали учтиво и умно. Мундиры ихъ покроемъ и цвѣтомъ похожи на наши армейскіе, только пуговицы на нихъ въ два ряда, какъ у Пруссаковъ; кивера ниже нашихъ и сверху шире, какъ кучерскія шляпы. — Подлѣ ратуши находится биржа, а подъ нею

погребъ городоваго совѣта (Rathskeller), необходимая принадлежность всякой Германской ратуши: въ этомъ погребѣ хранилось, въ теченіе столѣтій, заповѣдное вино, и отпускалось только при большихъ случаяхъ и для больныхъ. Въ нынѣшнія времена это просто погребъ, какъ и всякій другой.

Что всего любопытнѣе въ Любекѣ? спросилъ я у хозяина трактира. «Двѣ старинныя церкви,» отвѣчалъ онъ: «Св. Маріи и соборная. Совѣтую посмотрѣть ихъ, если вы хотите полюбоваться Германскою стариною. Наемный слуга васъ проводитъ.» Я отправился сперва въ церковь Св. Маріи — зданіе старинное, огромное, величественное; превосходное произведеніе готической архитектуры. Своды выведены высокіе и острые; окна стрѣльчатыя. Деревянная рѣзная работа, позолота и живопись среднихъ временъ. Эта церковь,

какъ и прочія, построена во время владычества Католическаго Исповѣданія, но въ ней нѣтъ слѣдовъ того пуританскаго фанатизма, съ которымъ католическіе храмы превращены въ протестантскіе въ Женевѣ и Лозаннѣ. Католическіе образа, изваянія, надписи сохранились въ цѣлости, и тщательно поддерживаются. Измѣнена только форма престола, и вынесены исповѣдныя, какъ излишнія при новыхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ здѣшнихъ церквахъ уцѣлѣли многія достопамятности среднихъ вѣковъ, истребленныя въ другихъ странахъ протестантскихъ. Органы считаются въ числѣ самыхъ большихъ и лучшихъ во всей Германіи. Позади алтаря находятся астрономическіе часы, сооруженные въ 1405 году неизвѣстнымъ художникомъ, исправленные потомъ по системѣ Коперника, и въ 1809 снабженные столѣтнимъ календаремъ. Ровно въ полдень, съ послѣднимъ

ударомъ двѣнадцати часовъ, выходятъ изъ дверецъ надъ часами семь курфирстовъ бывшей Римской Имперіи и самъ императоръ; онъ останавливается посрединѣ; курфирсты проходятъ мимо и кланяются ему; потомъ всѣ уходятъ въ противоположныя дверцы. Фигуры величиною въ поларшина. Механизмъ придуманъ очень замысловато. — Въ одномъ придѣлѣ находится прекрасная картина, представляющая входъ Спасителя въ Іерусалимъ, трудовъ молодаго Любекскаго гражданина Овербека, живущаго теперь въ Римѣ. Онъ сынъ или племянникъ Любекскаго сенатора Овербека, Германскаго Беранже, автора многихъ прекрасныхъ пѣсень, сдѣлавшихся народными, какъ напримѣръ знаменитая: Freut euch des Lebens. — Въ особомъ отдѣлѣ, между широкими готическими столбами, помѣщается извѣстный танецъ мертвыхъ: смерть ведетъ на тотъ свѣтъ короля и папу, кардинала и воина,

купца и невѣсту. Эта картина, состоящая изъ множества фигуръ, любопытна особенно потому, что даетъ точное понятіе о костюмахъ среднихъ вѣковъ. — Соборная церковь (Domkirche) уступаетъ древностью и огромностью предъидущей, но не менѣе любопытна, какъ архитектурою, такъ и многими памятниками сѣдой старины. На одной стѣнѣ ея изображенъ на бѣломъ грунтѣ олень, преслѣдуемый охотникомъ. Это знаменитѣйшая Любекская легенда. Преданіе говоритъ, что Карлъ Великій, забавляясь охотою на мѣстѣ Любека, покрытомъ въ то время густымъ лѣсомъ, поймалъ прекраснаго оленя, и пожалѣвъ убить его, надѣлъ на него богатое ожерелье, и пустилъ на волю. Лѣтъ чрезъ четыреста Генрихъ Левъ на семъ самомъ мѣстѣ убилъ этого оленя, у котораго между рогами выросъ двойной золотой крестъ. Найденное на немъ драгоцѣнное ожерелье

употреблено было на постройку церкви, а двойной крестъ внесенъ въ гербъ ея капитула. Надъ хоромъ изображенъ левъ, въ память Гейнриха. — По сторонамъ, между столбами, находятся гробницы Любекскихъ епископовъ, патрицiевъ и другихъ знаменитыхъ людей. Иконостасъ украшенъ удивительною рѣзьбою изъ дерева; каѳедра искусно изваяна изъ камня; бронзовая купѣль покрыта множествомъ обронныхъ изображенiй, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ искусствъ въ средніе вѣки: я замѣтилъ въ нихъ *нѣкоторое* сходство съ Новгородскими вратами. Но важнѣйшія художественныя произведенія въ этой церкви суть: прекраснѣйшее каменное изваяніе Пресвятой Дѣвы, трудовъ плѣнника, съ подписью 1509 года, и еще изображеніе Страстей Господнихъ, на трехъ картинахъ, въ двадцати трехъ группахъ. Сіи картины отличаются въ числѣ лучшихъ произведеній

Германской Школы, живостью изображеній, тщательностью отдѣлки и яркостью красокъ. Недостатки перспективы, соразмѣрности и строгой правильности рисунка исчезаютъ въ неотъемлемыхъ красотахъ этого мастерскаго произведенія. Полагаютъ, что сіи картины написаны Гансомъ Гемлингомъ въ 1451 году.

Я долго стоялъ предъ ними, и разглядывалъ ихъ подробности, разнообразныя, мелкія, богатыя. Каждая травка отдѣлана какъ на картинкахъ въ Естественной Исторіи. Вдругъ ударилъ колоколъ. Я вздрогнулъ и взглянулъ на огромные часы, на хорахъ. Стрѣлка показывала полдень. Скелетъ, изображающій время, билъ молотомъ часы. Въ срединѣ циферблата изображено было въ солнцѣ лице человѣческое: глаза двигались въ ту и другую сторону, съ каждымъ движеніемъ маятника.

Пора ѣхать изъ Любека! Взглянувъ еще

разъ съ любопытствомъ и сожалѣніемъ на эту громаду памятниковъ среднихъ временъ, и поблагодаривъ учтиваго и образованнаго кистера, который показывалъ и толковалъ мнѣ эти рѣдкости, вышелъ я изъ церкви на свѣжій воздухъ. На лугу играли миловидныя дѣти; торговцы и торговки проходили по улицѣ; на площадкѣ учился взводъ солдатъ. Мнѣ чудилось, когда я глядѣлъ на всѣ эти лица, что изображенія видѣнныя мною въ церкви, сняты не за триста или четыреста лѣтъ предъ симъ, а третьяго дня, вчера, сегодня съ этихъ самыхъ лицъ, которыя теперь мнѣ встрѣчаются. — Любекъ заслуживаетъ вниманія сѣвернаго, Русскаго путешественника и въ историческомъ отношеніи. Древнѣйшіе обитатели береговъ Травы и здѣшняго поморья были Славяне. Самое имя Любека не Германское. Славянскій Князь Любый, въ началѣ девятаго вѣка, срубилъ горо-

докъ при впаденіи рѣки Швартовы въ Траву, и назвалъ его *Любыкъ.* И теперь видны тамъ слѣды стариннаго городища. Въ половинѣ XII вѣка, Графы Голстинскіе завели по берегамъ Травы Нѣмецкія колоніи; но дикіе, воинственные Славяне неоднократно ихъ опустошали. Генрихъ Левъ, Герцогъ Саксонскій и Баварскій, побѣдилъ Славянъ, покорилъ ихъ грады и веси, и принудилъ ихъ принять Христіанство. Съ тѣхъ поръ Германскій духъ водворился на берегахъ Балтики. Въ послѣдствіи Любекъ вошелъ въ мирныя торговыя сношенія съ Новымъ-городомъ. Донынѣ есть въ Любекѣ *Новгородская Контора* (Schlüsselbuden, No 196). — Я шелъ домой медленно, посматривая по обѣ стороны улицы на готическіе домы, въ которыхъ живали наши Новгородскіе бородачи посреди древнихъ Любскихъ гражданъ, красовавшихся въ черныхъ мантіяхъ, съ бѣлыми брыжами....

*

Спутницы мои уже были готовы къ отъѣзду. Мы наняли до Гамбурга четвероместную, очень порядочную коляску, тройкою, за пять червонцевъ. Дорога эта составляетъ слишкомъ 60 верстъ — не дорого! Но, за то, что за дорога! Она напомнила мнѣ путешествіе мое, въ 1833 году, отъ Москвы къ Троицкой Лаврѣ, куда я ѣздилъ съ Сѣверо-Американскимъ посланникомъ, Г. Бухананомъ, и Португальскимъ секретаремъ посольства, Г. Герреро. Наша Русская дорога, по крайней мѣрѣ, вездѣ равно плоха, а Нѣмецкая дурна съ варіаціями. Выѣхавъ изъ Любека, мы катились версты двѣ по хорошему шоссе; но вдругъ бѣлый съ красными полосками шлагбаумъ возвѣстилъ намъ о вступленіи нашемъ въ Датскія владѣнія, и о томъ, что начинается искусъ. Съ насъ взяли пошлину за шоссе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно прекращается! Пошли толчки, пинки. Дорога, въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ не вымощена, а выложена по срединѣ крупнымъ булыжникомъ, который очень часто разступается подъ колесами, и накрениваетъ экипажъ. Ѣдучи же краемъ, того и смотри, что опрокинешься въ канаву. Въ рѣдкія минуты ровной ѣзды по сыпучему песку, любовались мы сельскими усадьбами по дорогѣ. Опрятные домики, съ свѣтлыми окнами, окруженные садами, въ которыхъ цвѣтутъ пышныя розы, казались намъ не крестьянскими избами, а загородными домами зажиточныхъ гражданъ. Мы обѣдали въ Шенебергѣ, довольно порядочно. Когда смерклось, въѣхали мы въ знаменитый *Вандсбекъ*, гдѣ жили и писали Штольбергъ, Клаудіусъ и другіе классическіе авторы золотаго вѣка Германской литературы. Датское правительство искони покровительствовало наукамъ и словесности: оно награждало пенсіями великихъ писателей Германіи, давало имъ

у себя пріютъ и пропитаніе. Было время, что званіе писателя служило паспортомъ въ богадѣльню. Обогащались книгопродавцы, наслаждалась публика, а поэтъ умиралъ съ голоду.

Версты черезъ двѣ, пошли загородные домики, составляющіе предмѣстіе Гамбурга. Всѣ они въ одинъ, много въ два этажа. Изъ-за чистыхъ оконъ, уставленныхъ цвѣточными горшками, свѣтятся огни. Передъ домами тянутся рядомъ густыя липы. Какое-то выраженіе тишины, спокойствія и довольства выглядывало изъ каждаго окна. Тутъ опять пошло ровное шоссе, и мы отдохнули. — Самыя дурныя дороги въ сѣверной Германіи пролегаютъ по Датскимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, изъ Берлина ѣдешь въ Гамбургъ, чрезъ Пруссію и Мекленбургскія владѣнія по прекраснѣйшему шоссе, но съ Бойценбурга начинается головоломная ѣзда чрезъ Лауэнбургскую область, принадлежащую

Даніи, и продолжается до начала Гамбургской земли. Что этому причиною? Недостатокъ денегъ? Нѣтъ! Граждане Гамбурга и Любека берутся устроить на свои деньги хорошее сообщеніе между обоими городами, и Прусское правительство давно домогается только согласія Даніи, на продолженіе шоссе отъ Берлина до Гамбурга. Причиною этому — расчетъ. Жители пограничныхъ Датскихъ областей боятся лишиться дохода за провозъ товаровъ чрезъ ихъ мѣстечки, когда Ганзейскіе города будутъ имѣть, между собою и Пруссіею, легкое и удобное сообщеніе. Нечего сказать, великодушно!—Говорятъ, что какая-то Англійская компанія берется построить на свой счетъ, между Гамбургомъ и Любекомъ, чугунную дорогу, и возить товары и путешественниковъ на паровыхъ фурахъ. Хорошо, да что-то не вѣрится: слишкомъ хорошо!

Вотъ и городскія ворота Гамбурга! — Стой! — Это что такое? Одиннадцатый часъ: извольте платить штрафъ. Въ девять часовъ закрываются въ Гамбургѣ всѣ ворота: проѣзжіе и прохожіе должны платить въ десятомъ часу небольшую пошлину; въ одиннадцатомъ вдвое, въ двѣнадцатомъ вчетверо. Въ полночь ворота запираются накрѣпко, и до утренней зари, никого не впустятъ въ городъ и не выпустятъ. — Операція уплаты и отдача билета въ контрольную будку продолжается нѣсколько секундъ. — Вотъ мы и въ Гамбургѣ. Куда прикажете ѣхать? спрашиваетъ извощикъ. Куда! въ Hôtel de Russie. Насъ привезли къ освѣщенному яркими фонарями подъѣзду большаго дома, на людной улицѣ. Нѣсколько прислужниковъ высыпало къ намъ навстрѣчу. Мы вошли въ гостинницу. Въ большой столовой залѣ нашли мы нѣсколько нашихъ спутниковъ

и спутницъ съ парохода, и обрадовались имъ, какъ старымъ знакомымъ. Всѣ занимались однимъ — ужиномъ. Сытный Гамбургскій столъ, извѣстный во всей Германіи, вознаграждалъ странниковъ за умѣренныя трапезы на дорогѣ. Въ антрактахъ раздавались возгласы на ужасную дорогу отъ Любека. Подлѣ Госпожи Гайцингеръ сидѣлъ директоръ Гамбургскаго театра, искусный актеръ и счастливый комическій писатель, Лебренъ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, онъ, по окончаніи спектакля, явился къ ней съ просьбою сыграть раза два въ Гамбургѣ; но она рѣшительно отказалась, спѣша явиться къ сроку въ Карлсру. Лебренъ, по общему свидѣтельству, въ этотъ вечеръ прекрасно сыгралъ роль пьянаго.

Мнѣ отвели на ночь какое-то стойло. Въ эту гостинницу пріѣзжаетъ столько путешественниковъ, что хозяинъ нашелся принужденнымъ разгородить одну большую

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

залу на нѣсколько отдѣленій. Тѣсно, неуютно, скучно. Но дѣлать нечего. Утро вечера мудренѣе!

III.

ГАМБУРГЪ.

Видъ города. Бельведеръ. Завтракъ. Землякъ. Биржа. Börsenhalle. Погребеніе. Театръ. Пѣсни. Примѣты Русскихъ.

Первый взглядъ на Любекъ возбуждаетъ въ путешественникѣ воспоминанія о почтенной старинѣ а картина Гамбурга, дѣятельнаго, шумнаго, обновленнаго, радуетъ настоящимъ. Выбравшись поутру изъ стойла, которое обращалось окномъ на тѣсную улицу, я вышелъ на главный подъѣздъ гостиницы, на знаменитомъ Гамбургскомъ гульбищѣ, der Jungfernstieg (Дѣвичья Тропа). Какъ мило и привлекательно! Вокругъ большаго, четвероугольнаго водоема (съ перваго взгляда не ви-

дать, рѣка ли это или прудъ) тянутся ряды великолѣпныхъ зданій; по берегу идетъ усаженный липами бульваръ, кипящій народомъ. Нѣтъ! я ни за что не останусь въ моемъ стойлѣ. «Нѣтъ ли у васъ порожнихъ комнатъ на улицу?» спросилъ я у хозяйскаго сына. — «Есть, но ихъ бережемъ для генеральши N., которая пріѣдетъ сюда сегодня.» — «Ну, такъ ждите меня, когда я буду генераломъ!» сказалъ я трактирному аристократу, и пошелъ искать себѣ другаго пріюта. Онъ скоро нашелся. Въ концѣ гульбища, на самомъ углу, возвышается высокое зданіе съ надписью: *Hôtel du Belvedère*. Изъ него видъ простирается во всѣ стороны, и главный бульваръ виденъ во всю длину. Мнѣ отвели въ нижнемъ ярусѣ два отдѣленія; окошки ихъ выходили на лицевую сторону. Я поспѣшилъ воротиться за моими спутницами, которыхъ въ Hôtel de Russie отправили

на чердакъ, недалеко отъ небеснаго свода. Онѣ тамъ горько скучали, и крайне обрадовались новому нашему жилищу. Переправа была исполнена въ полчаса. Между тѣмъ воротились мы въ Hôtel de Russie, чтобъ проститься съ своими пароходными спутниками. Мы сѣли за сытный завтракъ, въ ожиданіи той минуты, въ которую разъѣдемся во всѣ стороны, можетъ быть, навѣки. Всѣ толковали о Россіи; всѣ иностранцы изъявляли искреннюю любовь къ нашему отечеству, и желали скорѣе къ намъ воротиться. «Es lebe Russland!» вскричалъ одинъ, взявшись за бокалъ! — «Знаете ли вы,» спросилъ я ихъ, «въ какой день пьете за благо Россіи? Сегодня рожденіе нашего Государя!» — «Въ самомъ дѣлѣ!» закричали всѣ: «Es lebe der Kaiser von Russland! Ура!» — Тостъ этотъ произнесенъ былъ на чужой сторонѣ, большою компаніею, въ которой Русскихъ было

только два человѣка, но съ такою же искренностію, съ такимъ же восторгомъ, какъ бы въ Москвѣ или Петербургѣ. Въ немъ участвовалъ мой старинный знакомецъ и пріятель, нашъ вице-консулъ въ Гамбургѣ, Ѳома Ефимовичъ Масъ, бывшій за двадцать за пять лѣтъ предъ симъ моимъ ученикомъ въ Петровской Школѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, онъ тотчасъ меня отыскалъ, и сдѣлался съ тѣхъ поръ моимъ путеводителемъ. Отъ этого обстоятельства, думаю я, жизнь въ Гамбургѣ мнѣ такъ понравилась: и самый городъ, и жители его, и весь тамошній бытъ произвели во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Я говорилъ съ Масомъ по-Русски, могъ спросить у него обо всемъ, что мнѣ встрѣчалось; могъ, безъ обиняковъ, не боясь оскорбленія предразсудковъ народныхъ, говорить ему и мое мнѣніе. Возвращаясь домой, я находилъ моихъ любезныхъ спут-

ницъ, бесѣдовалъ съ ними какъ съ родными, и менѣе нежели гдѣ нибудь чувствовалъ свое одиночество и удаленіе изъ отечества. Когда вы начинаете распрашивать путешественника о чужихъ краяхъ, всегда предварительно освѣдомляйтесь, въ какомъ онъ былъ расположеніи духа. Въ глазахъ человѣка есть такія же разноцвѣтныя стеклышки, какъ на театральныхъ закулисныхъ лампахъ: внутренній свѣтъ лампы все тотъ же, но цвѣтъ всѣхъ окружныхъ предметовъ перемѣняется отъ того, сквозь какое стекло проходитъ первый. Немногіе дни пребыванія моего въ Гамбургѣ провелъ я безъ малѣйшаго огорченія, въ кругу людей почтенныхъ и любезныхъ — отъ этого и Гамбургъ мнѣ понравился болѣе другихъ мѣстъ Германіи.

Распростившись съ добрыми Гайцингерами, и взявъ съ нихъ слово, что они при первой возможности опять посѣтятъ Пе-

тербургъ, я отправился съ Масомъ на Гамбургскую биржу. Тутъ въ первый разъ представилось мнѣ движеніе богатаго торговаго Нѣмецкаго города, кипящаго жизнію и дѣятельностью. Улицы кривыя и тѣсныя; домы высокіе, узкіе; нижніе ярусы состоятъ изъ лавокъ и магазиновъ. Народъ на улицахъ волнуется безпрерывно. Вотъ древняя ратуша, украшенная старинными статуями Императоровъ Римскихъ! Вотъ пресловутый Гамбургскій банкъ! Въ подвалахъ его, омываемыхъ каналомъ, хранятся сокровища, золото и серебро въ полосьяхъ. Даву разграбилъ его, но королевское Французское правительство уплатило большую часть. Остальная дополнена въ послѣдствіи благоразумнымъ управленіемъ. Вотъ извѣстный *Эймбекскій домъ* (das Eimbecksche Haus), о которомъ безпрестанно читаешь въ Гамбургскихъ газетахъ. Домъ этотъ, называемый и *высокимъ* (das hohe Haus),

построенъ въ 1325 году для продажи въ немъ знаменитаго тогда Эймбекскаго пива, а нынѣ заключаетъ въ себѣ разныя конторы: страховую, таможенную и лоттерейную, аукціонную камеру для публичной продажи недвижимыхъ имуществъ и кораблей, коммерческій судъ и коммисаріатъ. Подъ нимъ находится погребъ городоваго совѣта, учрежденный въ 1326 году. У входа грубая статуя Бахуса, а внутри древнія бочки (Mutterfässer) съ Рейнскимъ и Мозельскимъ виномъ 1620 года. Французы домогались прибрать къ рукамъ и устамъ это святилище (Heiligthum, какъ называютъ его здѣсь), но Гамбургцы уступили банкъ, а вина не выдали. Народъ со вкусомъ!

Вотъ и биржа! Небольшое пространство, ступенями двумя ниже улицы, обведенное старинною рѣшеткою. Надъ частію его надстроена, въ половинѣ XVI вѣка, бир-

жевая зала, на четырнадцати двойныхъ колоннахъ, оклеенныхъ множествомъ объявленій и афишъ. Посреди площади возвышается на столбѣ черная доска: на ней большими бѣлыми буквами изображены имена злостныхъ банкротовъ. Тысячи людей, во фракахъ и сертукахъ, большая часть съ сигарами во рту, всѣ въ шляпахъ, толпились на биржѣ и въ окрестныхъ улицахъ. На биржевое время, ставятъ въ этихъ улицахъ караулъ, прекращаютъ проѣздъ экипажей, и не позволяютъ никому проходить съ ношею. Гамбургскіе жители соглашаются, что помѣщеніе ихъ биржи тѣсно, неудобно, непріятно, и говорятъ, что со временемъ непремѣнно выстроятъ для нее другое, приличнѣйшее зданіе. Для замѣны этого недостатка, сооружена, въ 1804 г., такъ называемая биржевая палата (Börsenhalle), недалеко отъ биржи. Тамъ купцы находятъ, за неболь-

шую въ годъ плату, всѣ удобства для отправленія дѣлъ своихъ. Главное удобство въ томъ, что они въ ней, въ ненастное и холодное время, охранены отъ дѣйствія враждебныхъ стихій. При входѣ въ палату, на черныхъ доскахъ, написаны мѣломъ извѣстія о времени полученія иностранныхъ почтъ. Нижній ярусъ служитъ залою собранія. Въ верхнемъ газетная комната,—огромная зала, уставленная столами. Надъ каждымъ столомъ надпись: газеты Англійскія, Французскія, Голландскія, Русскія.

Подлѣ залы редакція извѣстной коммерческой и политической Гамбургской газеты: Liste der Börsenhalle, которая выходитъ по вечерамъ, и сообщаетъ своимъ подписщикамъ извѣстія 14 часами прежде другихъ газетъ. Сверхъ того, стоитъ посреди газетной комнаты черная доска, на которой всякъ можетъ написать о новомъ, по-

*

лученномъ имъ извѣстіи. Господинъ Масъ познакомилъ меня тутъ же съ учредителемъ и хозяиномъ этой палаты, Г. фонъ Гострупомъ, человѣкомъ образованнымъ, умнымъ и привѣтливымъ. Въ его кабинетѣ нашелъ я разнообразное, пріятное общество иностранныхъ дипломатовъ, Гамбургскихъ банкировъ, и тутъ же былъ приглашенъ на нѣсколько обѣдовъ. — Оставивъ Маса любоваться прейскурантами и наслаждаться курсомъ, я пошелъ бродить по городу, и вскорѣ увидѣлъ прелюбопытную картину — Гамбургское погребеніе. Хоронили молодаго врача Симонсена, человѣка достойнаго и всѣми уважаемаго. Впереди ѣхалъ, въ двумѣстной каретѣ, запряженной двумя тучными лошадьми, церемоніймейстеръ въ черномъ одѣяніи. За нимъ везли гробъ на дрогахъ, запряженныхъ также парою лошадей, въ черныхъ попонахъ. Гробъ покрытъ чернымъ

сукномъ, безъ херувимчиковъ и т. п. За дрогами шли шестнадцать человѣкъ, по два въ рядъ, въ черномъ платьѣ, въ короткихъ Испанскихъ плащахъ, съ широкими вокругъ шеи брыжами, при шпагахъ, въ башмакахъ, въ бѣло напудренныхъ круглыхъ парикахъ. Я сначала подумалъ, что это духовенство, но подошедъ поближе, и разглядѣвъ ихъ деревянныя, безтолковыя физіономіи, увѣрился, что это народъ рядовой. Потомъ объяснили мнѣ, что это верховые служители ратуши, гвардія сената, необходимая примѣсь всякаго чрезвычайнаго торжества. На погребеніяхъ ходятъ они, какъ я описалъ выше; гостей на свадьбы приглашаютъ они въ красномъ нарядѣ, обшитомъ галунами, расчесавъ волосы, съ парадною шляпою подъ мышкой, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Въ случаѣ выѣзда бургомистровъ на охоту и при другихъ экстренныхъ происшествіяхъ

являются они грозными брамарбасами, верхомъ, въ драгунскихъ колетахъ и каскахъ, съ саблями и ружьями. — Вслѣдъ за гробомъ ѣхало нѣсколько каретъ, но въ нихъ сидѣли одни мужчины: здѣсь женщины при погребеніяхъ не бываютъ. Что городъ то норовъ. Я подумалъ при этомъ, какъ странны должны быть въ глазахъ иностранца наши Петербургскіе обряды: факелы, при солнечномъ свѣтѣ; провожатые въ разодранныхъ, черныхъ порыжѣлыхъ мантіяхъ и круглыхъ шляпахъ съ широкими, *изузоренными*, какъ нынѣ говорятъ (и пишутъ!) полями; сквозь прорѣхи проглядываетъ сѣрый кафтанъ или отслужившая 18 кампаній солдатская шинель; на козлахъ, въ черной же мантіи, пьяная, брадатая рожа, которая сегодня послѣ обѣда свезетъ васъ на Крестовскій Островъ. Одно у насъ лучше, и это важнѣе всѣхъ наружныхъ обрядовъ; это благоговѣйное уваженіе народа

къ праху почившаго брата, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. Въ Гамбургѣ не замѣтилъ я ни малѣйшаго тому слѣда: прохожіе безчувственно глазѣли на поѣздъ.

Вечеромъ, въ угожденіе моимъ спутницамъ, отправился я съ ними въ театръ. Давали оперу Обера: Маскарадъ, или Смерть Густава III. Театръ просторенъ и хорошо выстроенъ. Декораціи прекрасныя — трудовъ искуснаго живописца Кокки, который былъ у насъ въ Петербургѣ прошлаго года, и написалъ нѣкоторыя декораціи Роберта. Музыкою я не могъ наслаждаться, слыша ее въ первый разъ. По мнѣ, музыка тогда доставляетъ намъ удовольствіе, когда мы знаемъ ее почти наизустъ. Въ первый же разъ она мнѣ кажется какимъ-то предисловіемъ къ чему-то. Да и пѣвцы были ординарные. Содержаніе оперы было бы непріятно и огорчительно для всякаго

нравственнаго чувства, если бъ не было до крайности нелѣпо! Выставить на позорище одного изъ достойнѣйшихъ государей Европы, современника многихъ изъ насъ, какимъ-то приторнымъ селадономъ, который волочится за придворною дамою, назначаетъ ей свиданіе, и падаетъ отъ руки оскорбленнаго мужа. Гдѣ совѣсть? гдѣ приличіе? Да тутъ музыка сферъ отзовется въ душѣ скрипомъ немазаннаго колеса! Ужаснѣйшая духота въ залѣ, при несносномъ жарѣ, довершила мое мученіе. Оно достигло высшей степени, когда я увидѣлъ балетъ Гамбургскій. Толкучій рынокъ! — Нѣтъ! прости, Гамбургскій театръ! впередъ не заманишь. Приводивъ домой моихъ дамъ, я пошелъ еще освѣжиться на вечернемъ воздухѣ, и изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное нелѣпымъ спектаклемъ. Слышу, на улицѣ, звуки музыки. Что это? Человѣкъ пожилой играетъ на скрипкѣ,

дѣвушка миловидная на арфѣ. Они поютъ Нѣмецкія народныя пѣсни; имъ вторитъ прекрасный альтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Я съ удовольствіемъ ихъ слушалъ; простые безъискусственные звуки вытѣснили изъ памяти моей слышанное въ театрѣ. Когда они спѣли двѣ аріи, я далъ имъ бездѣлицу и попросилъ пропѣть еще что нибудь. Но видно, что singen Sie noch etwas, произнесено было: *зингенъ зи нохъ этвасъ.* Они по произношенію моему узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и запѣли (разумѣется Нѣмецкими словами): вотъ мчится тройка удалая! Я выслушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ, и заплатилъ вчетверо. — Вообще хотите ли знать, по какимъ примѣтамъ узнаютъ насъ въ Германіи? Во-первыхъ, не скроется наше произношеніе. Какъ ни старайся выговаривать: *майнъ, дайнъ*, а Русскій *ъръ* непремѣнно измѣнитъ. Во-вторыхъ, узнаютъ насъ по запа-

ху. Вы не вѣрите! По запаху Русской кожи на нашихъ сапогахъ. Вотъ что значитъ — Русью пахнетъ! — Въ-третьихъ, по нашей манерѣ пить вино. Нѣмецъ понемногу прихлебываетъ изъ рюмки, и старается продлить удовольствіе. Французъ процѣживаетъ вино сквозь зубы, чтобъ насладиться букетомъ; у насъ, въ Россіи, опоражнваютъ стаканъ залпомъ. Когда я сегодня, отъ всеусердія, понашему хватилъ бокалъ шампанскаго за любезный намъ тостъ, Масъ съ восторгомъ бросился ко мнѣ на шею, и воскликнулъ: Россія не измѣнилась!

IV.

ГАМБУРГЪ.

Положеніе города. Эльба. Альстеръ. Jungfernstieg. Павиліоны. Лебеди. Гостиницы. Извощики. Довольство. Дешевизна. Гамбургская Гора. Фирланденъ. Розы.

Во всѣхъ географіяхъ печатаютъ, что вольный Ганзейскій городъ Гамбургъ лежитъ на берегу Эльбы; но вы можете прожить въ Гамбургѣ нѣсколько дней, недѣль и мѣсяцевъ, побывать во многихъ людныхъ частяхъ его, осмотрѣть разныя зданія и любопытныя мѣста — и не видать Эльбы. Гамбургъ прислоняется къ этой рѣкѣ западною своею частью, гдѣ находятся пристани, пакгаузы, амбары, жилища кораблехозяевъ и тому подобныя отдѣленія большаго торговаго города, обращаю-

щія на себя вниманіе статистика, негоціанта, а не досужаго путешественника, ищущаго гульбищъ, зрѣлищъ, хорошихъ зданій, всенародныхъ монументовъ. Западная часть Гамбурга застроена высокими старинными, некрасивыми домами, лежащими на самомъ краю Эльбы (Vorsätze): тамъ увидите одинхъ матросовъ, дрягилей, поденщиковъ и т. п. Гамбургскіе жители смѣются надъ великимъ Германскимъ поэтомъ Шиллеромъ, который, въ одной изъ своихъ трагедій (Коварство и Любовь) заставляетъ героиню прогуливаться въ Гамбургѣ по берегу Эльбы! Жители внутреннихъ странъ Германіи спѣшатъ въ Гамбургѣ въ гавань, чтобъ насладиться картиною приморскаго порта, и не могутъ нахвалиться этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ. Для меня, всегдашняго жителя Петербургскаго, эта картина была вовсе неоригинальна. То же, что у насъ на биржѣ и въ Кронштад-

тѣ. Эльба раздѣляется здѣсь на многіе рукава, образующіе нѣсколько низменныхъ острововъ, покрытыхъ тучною зеленью. По ту сторону рѣки лежатъ обширные огороды и сады, въ которыхъ разводятъ овощи и зелень для потребленія города. Торговки, въ большихъ лодкахъ, безпрестанно переправляются чрезъ рѣку. Подлѣ берега цѣлый лѣсъ мачтъ корабельныхъ. Нѣсколько пароходовъ стоятъ на якорѣ. Сегодня или завтра отправятся они въ Лондонъ, Амстердамъ или Гавръ; въ нѣсколько часовъ перенесутъ васъ за тридевять земель. Любо! Были бы деньги да время!

Лучше поведу васъ въ восточную часть, свѣтскую, шумную, разнообразную. Гамбургъ лежитъ между двумя рѣками, широкою Эльбою и небольшимъ Альстеромъ, приближающимся къ нему съ восточной стороны. Эта послѣдняя рѣка, до вступленія въ городъ, расширяется большимъ во-

доемомъ, и наполнивъ водою своею городскіе рвы, сообщается съ Эльбою посредствомъ каналовъ, снабженныхъ шлюзами для удержанія напора Эльбской воды при морскомъ приливѣ. Изъ Эльбы проведены въ городъ еще многіе другіе каналы, называемые Flecten: они проходятъ вплоть у самыхъ домовъ, съ задней ихъ стороны, и служатъ для подвоза товаровъ къ самымъ амбарамъ, а въ случаѣ пожара даютъ возможность имѣть вездѣ достаточное количество воды. Во время отлива, эти каналы мелѣютъ до самаго дна, но это не причиняетъ ни малѣйшаго вреда здоровью и чистотѣ воздуха. Испаренія со дна не имѣютъ времени подняться до наступленія новаго прилива, который опять наполняетъ каналы. Сверхъ того весь городъ обведенъ широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, и валомъ, который въ прежнія времена со-

ставлялъ часть укрѣпленій, а нынѣ превращенъ въ прекраснѣйшее гульбище.

Бассейнъ Альстера раздѣляется городскимъ валомъ на двѣ части, *внѣшнюю* и *внутреннюю* (Aussen-Alster и Binnen-Alster). Первая находится за чертою города, а послѣдняя въ самомъ городѣ: онѣ сообщаются между собою широкимъ проливомъ. Внѣшній Альстеръ окруженъ красивыми сельскими видами и загородными домами. Внутренній лежитъ посреди прекраснѣйшей части города, составляя довольно правильный квадратъ. Одна сторона его застроена, подлѣ самаго берега, высокими домами старинной архитектуры. По другой тянется упомянутое уже мною, прекрасное гульбище Jungfernstieg. Это широкій бульваръ, усаженный густыми липами, между линіею большихъ, благообразныхъ домовъ и берегомъ чистаго водоема. По третьей сторонѣ идетъ такой же бульваръ, но де-

ревья его меньше; домы по линіи новѣе: это новый Jungfernstieg, построенный въ послѣднія десять лѣтъ. Онъ идетъ не прямо, но въ послѣдней трети, по длинѣ своей, сворачиваетъ чувствительно влѣво. Эта *кривизна* есть свидѣтельство Нѣмецкой *прямоты*. Для постройки новаго бульвара надлежало скупить и сломать всѣ бывшія тамъ строенія. Домохозяева уступили ихъ городу, который платилъ за нихъ въ тридорога. Только одинъ владѣлецъ дома, на самомъ углу Альстера, кажется, столяръ, заломилъ такую ужасную цѣну, что не было возможности пріобрѣсть его домъ. Онъ надѣялся принудить къ увеличенію платы вдесятеро. Сенатъ, истощивъ всѣ средства убѣжденія, рѣшился оставить этотъ домъ, и провести линію домовъ далѣе влѣво. Ветхій домъ столяра остался на своемъ мѣстѣ, какъ памятникъ уваженія къ правамъ частнымъ, и монументъ глупости его

хозяина, которому теперь не даютъ и половины дѣйствительной цѣны его дома. По моему мнѣнію, не худо было бы принять повсюду законъ, существующій во Франціи и у насъ, въ Россіи, по которому правительство, для достиженія общеполезной цѣли, имѣетъ право брать частное имущество, вознаградивъ владѣльца достаточнымъ и безобиднымъ образомъ. Обыкновенными причинами отказовъ со стороны владѣльцевъ бываютъ или низкое корыстолюбіе или глупое упрямство. Такимъ образомъ, въ Берлинѣ испорчена новая готическая Фридрихъ-Вердерская церковь, мастерское произведеніе Шинкеля. Владѣльцы лежащихъ подлѣ этой церкви ветхихъ и безобразныхъ домовъ не согласились продать ихъ, и архитекторъ принужденъ былъ построить зданіе гораздо уже противъ надлежащаго. Отъ этого нарушены въ церкви всѣ правила Акустики, и при богослу-

женія вовсе не слышно голоса пастора. — Но пора воротиться на Jungfernstieg. Четвертую сторону Альстера составляетъ городской валъ, покрытый зеленью, деревьями и милліонами розъ. Посреди его вѣтряная мельница; влѣво прекрасный мостъ, перегибающійся чрезъ каналъ, которымъ внутренняя часть водоема сообщается съ внѣшнею. — Картина несравненная! Здѣсь видите вы и остатки Германской древности, и памятники великолѣпія временъ новыхъ, и слѣды грозныхъ валовъ, и прекрасныя гульбища мирныхъ гражданъ, и движеніе многолюднаго, шумнаго, пыльнаго города, и картину сельской природы и трудовъ земледѣльческихъ! Кто бывалъ въ Гамбургѣ, тотъ со мною согласится.

Бульваръ съ утра до ночи покрытъ народомъ. Одни прогуливаются, другіе спѣшатъ по дѣламъ. Отличительная черта Гам-

бурга есть та, что здѣсь конечно девять десятыхъ взрослыхъ мужчинъ курятъ сигарки, которыхъ, какъ сказываютъ, потребляютъ тамъ въ день по сту тысячъ штукъ. Многіе неоставляютъ ихъ и наулицѣ. Отъ этого, безпрестанно носится на бульварѣ легкое облако табачнаго дыма. Между бульваромъ и берегомъ построены два павиліона, въ которыхъ можно читать газеты, ѣсть мороженое, пить кофе и т. п., при звукахъ музыки. Третій такой же павильонъ выстроенъ на углу новаго Jungfernstieg. Эти павильоны были позорищемъ дракъ между молодыми гражданами Гамбургскими и Жидами. Объ этомъ разскажу послѣ. Посреди Альстера, на плоту, устроена прекрасная купальня, въ которой можно имѣть ванну изъ какой воды угодно: теплой, холодной, желѣзной, морской, и т. п. Эта купальня освободила меня отъ необходимости ѣхать въ Куксгавенъ: здѣсь купал-

ся я въ водѣ соленаго Нѣмецкаго Моря, полученной изъ первыхъ рукъ. — Еще особенность Альстера. По поверхности его плаваютъ лебеди цѣлыми стаями. Лѣтъ за сто предъ симъ, какая-то птицелюбивая дѣва отказала городу значительную сумму на содержанiе лебедей на водахъ Альстера изъ ея процентовъ. Это завѣщанiе свято исполняется. — По берегу Альстера, на сторонѣ стараго Jungfernstieg, находятся лучшiя гостиницы города: Бельведеръ, Кронпринца, Hôtel de Russie. Старый городъ Лондонъ, Римскаго Императора и т. д. — Вечеромъ, при шумѣ гуляющаго по берегу народа, катаются по Альстеру въ лодкахъ любители музыки инструментальной и пѣнiя. Прелестная гармонiя несется съ тихихъ водъ его. Я провелъ тамъ нѣсколько прiятнѣйшихъ вечеровъ, въ бесѣдѣ съ умными и любезными людьми. — Сначала думалъ я, что прекрасные экипажи, стоя-

щіе на углу бульвара, принадлежатъ зажиточнымъ гражданамъ: на дверцахъ надписаны были общія армейскія Нѣмецкія фамиліи: Schlüter, Meyer, Müller. Я полагалъ, что въ которомъ нибудь изъ близлежащихъ домовъ свадьба или пиршество; но вообразите мое удивленіе, когда я узналъ, что эти экипажи извощичьи, и что на нихъ надписаны прозвища самихъ господъ кучеровъ! Экипажи эти, называемые здѣсь *дрожками*, суть легонькія колясочки, въ которыхъ могутъ помѣститься четверо сѣдоковъ; онѣ запряжены въ одну или въ двѣ лошади; кони высоки, сильны и красивы; кучера одѣты опрятно и очень учтивы. На всѣ поѣздки такса: плата *за одинъ конецъ* въ городѣ восемь шиллинговъ (около 65 копѣекъ); за часъ, одна марка (130 коп.) за полчаса 10 шиллинговъ (восемь гривенъ) и т. д.

Болѣе всего поразительно и пріятно для

пріѣзжаго въ Гамбургъ — общее довольство. Одинъ путешественникъ замѣтилъ, что на лицѣ каждаго Гамбургца написано: *я сытъ.* Простой народъ дѣятеленъ, веселъ и вѣжливъ. *Черни* нѣтъ (*). Нищихъ не встрѣтите. Въ Гамбургѣ существуетъ старинный законъ, по которому всякой, кто подастъ на улицѣ нищему милостыню, повиненъ, по объявленіи о томъ нищаго, заплатить штрафу пять талеровъ, изъ которыхъ половину получаетъ доносщикъ.

(*) Подъ именемъ *черни* (canaille) разумѣю я тѣхъ бездомныхъ, праздношатающихся людей, которые составляютъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ населеніе цѣлыхъ частей города; которые, вставъ поутру съ соломеннаго ложа, не знаютъ, чѣмъ проживутъ день, и потому готовы на всякое преступленіе для утоленія голода и жажды. Въ этомъ смыслѣ и у насъ, въ благословенной Россіи, нѣтъ черни. Всякой человѣкъ, котораго вы встрѣтите въ Москвѣ и Петербургѣ, принадлежитъ къ какому нибудь признанному закономъ сословію, и отправляетъ какое нибудь ремесло. Негодяи составляютъ у насъ исключеніе, а во Франціи они — *самодержавный народъ.*

Въ Гамбургѣ дешевы всѣ вещи, всѣ потребности жизни: дорога только работа рукъ человѣческихъ. «Мы охотно платимъ вдвое нашимъ ремесленникамъ, сказалъ мнѣ одинъ богатый купецъ, и радуемся ихъ довольствомъ.» Въ самомъ дѣлѣ, тамошніе мастеровые живутъ припѣваючи. Предмѣстія Гамбурга состоятъ изъ непрерывнаго ряда невысокихъ домовъ, выкрашенныхъ подъ кирпичъ, необыкновенно опрятныхъ и уютныхъ. Изъ-за свѣтлыхъ стеколъ въ окнѣ видны товары или произведенія жильца: сапоги, жестяныя вещи, оловянная посуда и проч. У другаго окна сидитъ хозяйка въ чистомъ платьѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ; вокругъ нея играютъ миловидныя, здоровыя дѣти; на окнѣ пышныя розы; въ клѣткѣ канарейки. Черная работа производится въ надворьѣ. Улицы хорошо вымощены, ежедневно выметены. Прогуливаясь по предмѣстью Святаго Георгія, я

воображалъ себя перенесеннымъ въ городъ, построенный на основаніи Геснеровыхъ идиллій. Другое Гамбургское предмѣстіе, *Гамбургская Гора* (Hamburger Berg), нынѣ названное предмѣстіемъ Св. Павла, лежащее между собственнымъ Гамбургомъ и Датскимъ городомъ Альтоною, имѣетъ особенный свой характеръ. Тамъ находятся игрища, трактиры и вольные домы для матросовъ Гамбургскаго купеческаго флота, которые, въ ошумленіи отъ даровъ Бахуса, и въ наслажденіяхъ, посвященныхъ другимъ божествамъ языческимъ, забываютъ горе, опасности и заботы морской жизни.

Въ числѣ Гамбургскихъ торговокъ и разнощицъ отличаются крестьянки изъ *Фирландена* (Vierlanden, четыре землицы), Vierländerinnen. Онѣ ходятъ въ короткихъ юпкахъ, и на головѣ имѣютъ родъ корзины плоской сверху, на которую могутъ ставить что угодно, для разноски по ули-

цамъ. Округъ Фирланденскій былъ встарину населенъ колонистами Голландскими, которые въ теченіе времени забыли свой языкъ, но сохранили національную одежду. Въ числѣ этихъ торговокъ есть истинныя красавицы. Одна такая заморская куколка стояла обыкновенно на дорогѣ къ биржѣ, и предлагала на продажу цвѣты. Какъ не купить! Въ Гамбургѣ видишь иногда издали, что у прохожаго что-то краснѣется въ петлицѣ. Не орденъ ли? Нѣтъ! подойдя ближе, увидишь, что это роза или гвоздика.— Я пріѣхалъ нынѣ въ Германію въ самое *цвѣтущее* время. Всѣ сады, бульвары, окна, палисадники красовались пышными цвѣтами. Гамбургскія розы славятся на всемъ Сѣверѣ, и развозятся далеко. Лучшія розы у насъ, въ Петербургѣ, получаются оттуда; но у насъ онѣ остаются кустиками, а тамъ выращаются стройными деревцами.

V.

ГАМБУРГЪ.

Образъ правленія. Пожарныя заведенія. Богоугодныя учрежденія. Градская больница. Богадѣльни. Сиротскій Домъ. Школы для малолѣтныхъ. Учебныя заведенія.

Правленіе въ Гамбургѣ чисто аристократическое. Исполнительная, судебная и полицейская власть находится въ рукахъ сената, состоящаго изъ четверыхъ бургомистровъ и двадцати четырехъ сенаторовъ. Три бургомистра и одиннадцать сенаторовъ должны быть юристами; остальные суть купцы. Въ важныхъ случаяхъ, при введеніи новыхъ законовъ, при преобразованіи старыхъ, сенатъ сзываетъ гражданъ, составляющихъ нѣсколько сословій: старшинъ (Oberalten), шестидесяти и ста осьми-

десяти адъюнктовъ, раздѣляющихся по пяти приходамъ города. Однажды только случилось, что гражданскія сословія не согласились съ мнѣніемъ сената: назначенъ былъ особый комитетъ, и онъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго. Вообще дѣла общественныя идутъ въ Гамбургѣ тихо, благочинно, къ общему удовольствію. Участіе народа въ правленіи ничтожно. Онъ даже не имѣетъ голоса въ выборѣ сенаторовъ: по смерти одного изъ нихъ, остальные сами выбираютъ ему преемника. Въ Гамбургѣ увѣрился я еще болѣе нежели прежде, что правленіе всякаго народа, всякой земли должно составиться мало по малу, теченіемъ времени, требованіями мѣстныхъ обстоятельствъ и народнаго характера. Гамбургъ благоденствуетъ подъ симъ правленіемъ, существующимъ нѣсколько сотъ лѣтъ, составившимся на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и благоденствуетъ особенно потому,

что обитатели его суть Нѣмцы, народъ разсудительный, кроткій, довольный малымъ, совѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, безмолвно повинующійся законамъ. Дайте это правленіе Французамъ,— увидите, какая выйдетъ суматоха! Гамбургская Республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Въ 1830 году, когда вся Европа почувствовала сотрясеніе отъ знаменитыхъ дней Іюльскихъ, которые въ самой Франціи отнесены теперь въ отдѣленіе Древней Исторіи, жители Гамбургскаго предмѣстія Св. Георгія, увлеченные примѣромъ Бельгіи, Саксоніи, Гессена и пр., и подстрекаемые иностранными эмиссарами, вздумали толковать о деспотизмѣ сената, и требовать у него сравненія въ правахъ съ обывателями стараго города. Сенатъ выгналъ присланныхъ

къ нему депутатовъ, приказалъ вывести войско (2,000 чел., подъ командою храбраго Русскаго полковника Стефани), зарядить пушки, и объявилъ, чтобъ жители предмѣстія безусловно и въ тотъ же часъ покорились. Нечего было дѣлать! Демагоги умолкли. Войска воротились въ казармы. Прошелъ годъ въ тишинѣ и повиновеніи. Тогда сенатъ самъ предложилъ предмѣстію прислать депутатовъ съ представленіями о желаніяхъ его обывателей, выслушалъ ихъ, и согласился на *покорныя просьбы*. — Нѣмцамъ свойственна, въ высшей противу другихъ народовъ степени, изящная гражданская добродѣтель: *чувство исполненія своихъ обязанностей* (Pflichtgefühl). Нигдѣ, я думаю, нельзя найти такихъ исправныхъ, трудолюбивыхъ и совѣстныхъ должностныхъ людей и вообще гражданъ, какъ въ Германіи. Взятки у нихъ вещь неслыханная. Бываютъ ошибки, случается пристрастіе,

происходятъ злоупотребленія, но это исключенія изъ правила. Я слышалъ въ Гамбургѣ единогласную хвалу безкорыстію, честности и безпристрастію тамошнихъ судей и чиновниковъ. То же можно сказать и о другихъ земляхъ Германскихъ, преимущественно о Пруссіи.

Особеннаго вниманія достойны въ Гамбургѣ заведенія общеполезныя, человѣколюбивыя и богоугодныя.

Пожарныя учрежденія Гамбургскія славятся повсюду. Городъ содержитъ слишкомъ тридцать пожарныхъ трубъ, поднимающихъ воду саженъ на пятнадцать, широкою струею. Сверхъ того, есть трубы резервныя, ручныя и т. д. Изъ 750 пожарныхъ служителей, шестьдесятъ человѣкъ зимою всю ночь ходятъ по городу, и смотрятъ, нѣтъ ли гдѣ надобности въ ихъ пособіи. И лѣтомъ, въ жаркое время и при полой водѣ, они отправляютъ эту должность.

Сверхъ того, есть въ Гамбургѣ особое сословіе *спасителей* (Menschenretter), которые пробираются въ захваченные пламенемъ домы, и стараются спасать людей, не успѣвшихъ выбраться. Они проводятъ ночи въ разныхъ городскихъ караульняхъ. Эти люди избираются изъ числа самыхъ сильныхъ и отважныхъ кандидатовъ, и отличаются черною одеждою съ бѣлыми снурками. — Пожарныя учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи комитета, составленнаго изъ семерыхъ сенаторовъ и пятерыхъ гражданъ. Двое изъ послѣднихъ должны лично находиться при всякомъ пожарѣ. Разсказываютъ, что одинъ Гамбургскій гражданинъ, воротясь съ дальнихъ странствій, остановился въ трактирѣ, въ комнатѣ подъ No 4. Ночью его будятъ. — Что сдѣлалось? — Пожаръ! — Гдѣ? — Здѣсь въ домѣ, въ комнатѣ подъ No 2-мъ. — До меня не дойдетъ! сказалъ онъ, и поворотился на другой бокъ.

Не менѣе знамениты Гамбургскія учреждения *въ пользу бѣдныхъ*. Городъ обязанъ ими благороднымъ своимъ гражданамъ Бюшу, Гюнтеру, Сивекингу и фонъ-Фогту. Попеченіе о бѣдныхъ возложено на два комитета, въ которыхъ засѣдаютъ сенаторы, старшины и попечители о бѣдныхъ. Весь городъ раздѣленъ, въ этомъ отношеніи, на пять частей, и каждая на двѣнадцать отдѣловъ. Попечители обязаны узнавать бѣдныхъ, живущихъ въ порученномъ имъ отдѣлѣ: каково состояніе ихъ здоровья, могутъ ли они работать, отъ чего впали въ нищету, и какимъ образомъ можно было бы помочь имъ. Сверхъ того, освѣдомляются они о нравственности и поведеніи убогаго, о числѣ его дѣтей и пр. Комитетъ, разсмотрѣвъ донесеніе попечителей, опредѣляетъ средства въ пособіе бѣдному: одному даетъ квартиру, другаго отправляетъ въ цехъ, для доставленія

ему работы; больнаго препровождаютъ въ госпиталь, увѣчнаго въ богадѣльню. Лѣнивцевъ и негодяевъ отсылаютъ въ рабочій домъ.

Граждане Гамбурга, не безъ основанія, хвалятся своею *градскою больницею.* Она помѣщается въ великолѣпномъ домѣ, похожемъ на дворецъ, въ предмѣстіи Св. Георгія, и открыта на пользу общую въ Октябрѣ 1823 года. Больные, раздѣленные по возрастамъ, полу и свойству болѣзни, помѣщаются въ просторныхъ залахъ, соединяющихся между собою широкими галереями. Чистотою, порядкомъ, благоустройствомъ, эта больница не уступаетъ и нашимъ Петербургскимъ госпиталямъ, которые могутъ служить образцами. Въ этой больницѣ принимается всякій больной, какого бы происхожденія, званія, вѣроисповѣданія онъ ни былъ, и получаетъ содержаніе и пользованіе безденежно. Люди

достаточные, особенно холостые, нанимаютъ себѣ отдѣльныя въ больницѣ комнаты, и пользуются тамъ лучше нежели дома. Больница эта устроена на 1500 кроватей. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ (съ 1823 по 1834), поступило въ больницу 43,467 человѣкъ; изъ нихъ вылечено 35,882; умерло 6,208; оставалось 1-го Января 1835 г. 1377 человѣкъ. Больница содержится на счетъ правительства, но частныя приношенія и вклады также очень значительны. Накопившійся въ 11 лѣтъ капиталъ ея составляетъ болѣе милліона рублей на наши деньги. Скрѣпивъ сердце, обошелъ я по этимъ жилищамъ страданія и бѣдствій, заглядывалъ въ больничныя комнаты, удивлялся чистотѣ, порядку въ домѣ, попечительности надзирателей и врачей, но радъ, радъ былъ, когда выбрался на воздухъ. Не угодно ли посмотрѣть отдѣленія сумасшедшихъ? спросилъ у меня вожатый.

«Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ я: я увѣренъ, что тамъ такъ же хорошо и исправно, какъ и въ другихъ частяхъ.» Я вышелъ на улицу, очутился подъ липами миловиднаго предмѣстія, но долго не могъ дышать свободно.

Въ Гамбургѣ есть и другія больницы для мужескаго и женскаго пола, содержимыя пособіемъ частныхъ людей, и между прочимъ масонскими ложами, которымъ, умершій въ 1814 году гросмейстеръ ихъ, знаменитый артистъ Шредеръ, умѣлъ дать самое благотворительное направленіе.

Въ пользу престарѣлыхъ особъ женскаго пола есть здѣсь нѣсколько богадѣленъ, преобразованныхъ изъ бывшихъ Католическихъ монастырей. Въ нихъ бѣдныя вдовы и дѣвицы, за единовременный вкладъ небольшаго капитала, получаютъ на всю жизнь пріютъ, содержаніе и еще нѣкоторый денежный доходъ. Гражданинъ Гам-

бургскій, Гартвигъ Гессе, завелъ, на свой счетъ, особый вдовій домъ, единственный въ своемъ родѣ. Онъ построилъ въ предмѣстіи Св. Георгія двуэтажный домъ, и доходы съ найма его опредѣлилъ на содержаніе богоугоднаго заведенія. Позади этого дома построены въ два ряда двѣнадцать уютныхъ домиковъ, состоящихъ изъ чистой комнаты, спальни, каморки, кухни, погреба и чулана. При каждомъ дворикъ и прачешная, садикъ и лужекъ. Сверхъ того, есть общій садъ съ аллеями, бесѣдками, дерновыми скамьями. Благодѣтельный Гессе, радуясь плодами своихъ трудовъ, строитъ нынѣ еще двѣнадцать такихъ же домиковъ и шесть большихъ домовъ, для отдачи въ наемъ въ пользу заведенія. Въ каждомъ изъ маленькихъ домиковъ живетъ бѣдная, хорошаго поведенія вдова, на всей свободѣ, какъ въ своей собственности, и получаетъ все нужное —

не только на безбѣдное пропитаніе, но и на нѣкоторыя прихоти. Почтенныя, опрятно одѣтыя старушки сходятся въ саду, вяжутъ чулки, толкуютъ о былыхъ временахъ, о несбывшихся надеждахъ, и, благословляя друга человѣчества, за чашкою кофе ждутъ тихой смерти.

Кто имѣетъ право на пособіе ближняго? Неимущіе, престарѣлые, больные, и — малолѣтные. Для призрѣнія послѣднихъ есть въ Гамбургѣ образцовое заведеніе — сиротскій домъ. Онъ помѣщается въ просторномъ зданіи, въ Адмиралтейской улицѣ. Въ немъ получаютъ полное содержаніе и воспитаніе слишкомъ шестьсотъ сиротъ обоего пола, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, и потомъ отдаются въ обученіе ремесламъ, или опредѣляются, по своимъ способностямъ, въ высшія учебныя заведенія. Сверхъ того, сиротскій домъ содержитъ около пятисотъ дѣтей моложе семи лѣтъ, въ

частныхъ домахъ, на своемъ иждивеніи. Первыя особы въ городѣ, богатые банкиры и негоціянты и ихъ жены, принимаютъ на себя надзоръ надъ этимъ заведеніемъ, и способствуютъ достиженію благой, предначертанной ему цѣли. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ празднества сиротскаго дома, которое бываетъ ежегодно 8-го Іюля, и есть истинно народный праздникъ. Съ шести часовъ утра до четырехъ по полудни, всѣ сироты обходятъ городъ съ одного конца до другаго, для сбора подаяній. Впереди идетъ попечитель ихъ (Waisenvater), за нимъ отличнѣйшій поведеніемъ и прилежаніемъ воспитанникъ, называемый *капитаномъ*, съ вѣнкомъ на головѣ, съ зеленою чрезъ плечо лентою; позади его нѣсколько другихъ отличныхъ воспитанниковъ, съ зелеными аксельбантами, а за ними остальные, сперва мальчики, потомъ дѣвочки, по-двое въ рядъ; всѣ они поютъ

духовную пѣснь; по обѣимъ ихъ сторонамъ идутъ солдаты, для огражденія малютокъ. Назначенные къ выпуску мальчики, въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, имѣютъ въ рукахъ палки съ кошелькомъ на концѣ, и сбираютъ приношенія. Деньги сыплются изъ всѣхъ оконъ. Особенно жалостливы женщины. Рѣдкая подаетъ милостыню безъ слезъ, безъ умильнаго взгляда на бѣдныхъ сиротъ. Деньги, поступающія въ кошелекъ, идутъ въ общую кассу; данныя же въ руку воспитаннику, принадлежатъ ему лично. Ходъ этотъ оканчивается у городскихъ Каменныхъ Воротъ (Steinthor). Тамъ, на обширномъ лугу, накрыты столы; сироты садятся за сытный лакомый обѣдъ, и потомъ предаются играмъ дѣтскихъ лѣтъ. Почти всѣ жители въ этотъ день выходятъ за городъ, и наслаждаются прекраснѣйшею картиною. Первыя дамы Гамбургскія угощаютъ сиротъ. Въ ны-

нѣшній разъ былъ здѣсь Принцъ Карлъ Прусскій, съ супругою своею, дочерью Великой Княгини Маріи Павловны. Августѣйшія особы приняли искреннее участіе въ этомъ благородномъ праздествѣ: оно было имъ по сердцу.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ Гамбургскихъ заведеніямъ въ пользу малолѣтныхъ. Съ 1830 года заведены здѣсь *младенческія школы* (Warteschulen), для призрѣнія малолѣтныхъ дѣтей, оставляемыхъ дома родителями, отправляющимися на работу. Такія дѣти дотолѣ обыкновенно предоставляемы были на собственный произволъ, нерѣдко подвергались увѣчью, и почти всегда развращались нравственно, бѣгали по улицамъ, просили милостыню, навыкали къ тунеядству и ко всѣмъ порокамъ. Въ это заведеніе принимаютъ дѣтей, которыя только что начнутъ говорить и бѣгать; они остаются тамъ до семилѣтняго возраста.

Родители приводятъ и приносятъ ихъ въ школу въ 8 часовъ утра, и берутъ домой послѣ 7 часовъ вечера. Хлѣбъ на завтракъ и полдникъ приносятъ они съ собою, а за обѣдъ, горячій и здоровый, родители платятъ въ недѣлю по четыре шиллинга (32 копѣйки мѣдью). Дѣти, въ продолженіе цѣлаго дня, находятся подъ надзоромъ смотрительницы, занимаются свойственными ихъ лѣтамъ играми и тѣлесными упражненіями, и слушаютъ изустныя наставленія, преподаваемыя имъ понятнымъ ихъ возрасту языкомъ. Главная цѣль — пріучить дѣтей къ благонравію, опрятности, порядку, дружелюбію и повиновенію,— вполнѣ достигается. Школы сіи расположены въ частяхъ города, обитаемыхъ бѣдными и рабочими людьми. При каждой есть садъ. Въ школахъ дежурятъ богатѣйшія дамы.— Противоположность съ этимъ предупредительнымъ заведеніемъ составляетъ такъ на-

зываемый *дикій домъ* (das rauhe Haus), или заведеніе для исправленія дѣтей развращенныхъ и одичалыхъ. Онъ устроенъ въ селеніи Горнъ, верстахъ въ трехъ отъ города. Это не школа и не смирительный домъ, но свободный, отеческій пріютъ для дѣтей, испорченныхъ нравственно или подвергающихся этой опасности отъ дурнаго примѣра въ домѣ. Заведеніе сіе принимаетъ дѣтей отъ родителей или родственниковъ, по контракту. Достаточные платятъ по сту марокъ въ годъ (восемь марокъ составляютъ Голландскій червонецъ) за содержаніе каждаго ребенка; неимущіе содержатся на счетъ добровольныхъ подаяній. Дѣти получаютъ содержаніе не роскошное, но достаточное, и воспитываются, какъ того требуетъ бѣдное ихъ состояніе. Никто изъ воспитанниковъ не знаетъ о прежнемъ состояніи и поведеніи его товарищей. Это извѣстно одному над-

зрителю, который, принимая воспитанника, обѣщаетъ предать забвенію все прошлое. Мальчики раздѣлены на небольшіе семейные круги, живутъ, ѣдятъ и спятъ подъ смотрѣніемъ надзирательскаго помощника, сами исправляютъ всѣ домашнія работы, и самыя грубыя, и сверхъ того, трудами своими пріобрѣтаютъ капиталъ на случай выпуска. Предполагается въ этомъ заведеніи учредить всякія мастерства, для упражненія воспитанниковъ по ихъ способностямъ. Они сами воздѣлываютъ огородъ, сами построили домъ, въ которомъ живутъ. Семейные круги сходятся только при общей работѣ, при урокахъ (по два и по три часа въ день), и при службѣ Божіей.

Я не имѣлъ времени посѣтить здѣшнія учебныя заведенія. Они состоятъ изъ академической гимназіи, учрежденной въ 1612 и преобразованной въ 1833 году, училища

Св. Іоанна (Johanneum), пяти приходскихъ школъ и еще нѣкоторыхъ другихъ. Ученые говорятъ, что эти заведенія находятся въ цвѣтущемъ положеніи, а купцы и граждане жалуются, что дѣтей учатъ совсѣмъ не тому, что имъ знать нужно. Латинскій и Греческій языки, говорятъ они, вовсе для насъ излишніе, поглощаютъ большую часть времени въ нашихъ высшихъ училищахъ, и воспитанники, выпущенные изъ школы по окончаніи наукъ, должны забывать выученное съ напряженіемъ всѣхъ силъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ жизни, чтобъ узнать предметы, необходимые въ ихъ гражданскомъ быту. Ученые, напротивъ того, утверждаютъ, что не всѣ ихъ ученики будутъ купцами и фабрикантами, что часть ихъ назначается въ юристы, медики и духовное званіе, гдѣ древніе языки необходимо нужны. Удивительно ли, что у насъ, въ Россіи, спорятъ въ публикѣ

объ этомъ предметѣ, когда и въ просвѣщенной вѣками Германіи не могутъ въ томъ согласиться! Разномысліе въ этомъ случаѣ происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ двоякости цѣли всякой гимназіи: она есть, въ одно и то же время, и приготовительное учебное заведеніе для студентовъ университетскихъ, и окончательное училище для людей неученаго сословія. Достойно замѣчанія, что задача о сочетаніи этихъ двухъ требованій, безъ вреда тому или другому, рѣшена у насъ, въ С. Петербургѣ, знаменитымъ педагогомъ И. И. Вейссе. Вступивъ (1788) въ управленіе здѣшнимъ Главнымъ Нѣмецкимъ Училищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Петровской школы, нашелъ онъ въ ней обыкновенную Латинскую богадѣльню, въ которой и ученики и учители бились надъ *mensa* и *amo*, въ Латыни не успѣвали, а между тѣмъ теряли изъ виду ученіе нужнѣйшаго. Вейссе приступилъ

сначала къ рѣшенію вопроса: которые предметы необходимы для изученія всякому Петербургскому гражданину, какого бы званія и сословія онъ ни былъ? — Отвѣтъ былъ: Законъ Божій, языки Русскій, Нѣмецкій, Французскій; Логика, Ариѳметика, Геометрія, Исторія, Географія, Естественная Исторія, Физика и Рисованіе. Эти предметы ученія названы были *общими.* Въ трехъ низшихъ изъ семи классовъ училища, дѣти обучались начальнымъ основаніямъ исчисленныхъ здѣсь языковъ, наукъ и искусствъ, во всѣ учебные часы. Съ четвертаго же класса посвящаемы были на сіи общіе предметы только двадцать шесть часовъ въ недѣлю, а въ остальное время, ученики, по способностямъ своимъ, желаніямъ и будущему назначенію, обучались, въ *частныхъ* классахъ: назначавшійся въ ученые, ходилъ въ классъ Латинскаго и Греческаго языковъ; кандидатъ въ купе-

ческое званіе, пользовался уроками въ Коммерческой Ариѳметикѣ, Бухгалтеріи и Англійскомъ языкѣ; готовившійся въ военную службу учился Высшей Математикѣ, Черченію и (въ особенности дворяне Лифляндскіе и Эстляндскіе) Русскому языку. Въ началѣ, при введеніи этого образованія, разумѣется, не обошлось безъ воплей и жалобъ, но почтенный Вейссе зналъ, что дѣлаетъ, мужественно вытерпѣлъ всѣ натиски фаланги Латинскихъ и Греческихъ ратоборцевъ, и блистательнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ его благонамѣренные труды. Въ тридцать лѣтъ его управленія Петровскою школою, она дала отечеству отличныхъ людей по всѣмъ частямъ (*). Одною изъ

(*) Назову нѣкоторыхъ, учившихся въ этой школѣ во время моего тамъ служенія (1809 - 1813): генералъ-адъютантъ Баронъ Деллингсгаузенъ; генералъ-маіоры: Варенцовъ, Вельо, Вилламовъ, Ризенкампфъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ; статскіе совѣтники Поггенполь, Пестель, Шульцъ; полковники: За-

главныхъ причинъ сего успѣха было то, что всякъ учился только тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя ему нужны, не те-

---

вальевскій, Борщовъ, Ланской, Тиманъ, Гонзаго, Яковлевы, умершій генеральный консулъ въ Персіи, Амбургеръ; Датскій консулъ Клейнъ (товарищъ Барона Штиглица), Русскій вице-консулъ въ Гамбургѣ, Масъ; доктора Медицины Персовъ, Адлунгъ, и многіе другіе воинскіе и гражданскіе чиновники, купцы, артисты (Г. Моръ), фабриканты, мастеровые (Г. Шиллеръ), каждый по своей части человѣкъ достойный и отечеству полезный. Въ этой же школѣ образовались нынѣшній ея директоръ, академикъ, статскій совѣтникъ Коллинсъ, директоръ Училища Правовѣдѣнія, статскій совѣтникъ Пошманъ; инспекторы классовъ Гатчинскаго Воспитательнаго Дома, Гугель; Аннинской Школы, Эрихсенъ. — Почтенный преобразователь училища, И. И. Вейссе, въ преклонныхъ лѣтахъ, наслаждается плодами благородныхъ трудовъ своихъ. За два года предъ симъ, въ тотъ самый день, когда ему исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, нѣкоторые бывшіе ученики его дали въ честь его праздникъ, и поднесли ему выбитую на сей случай золотую медаль. При испрошеніи Г. Министромъ Финансовъ Высочайшаго соизволенія на вычеканеніе сей медали на здѣшнемъ Монетномъ Дворѣ, Государь Императоръ, узнавъ о предметѣ и цѣли ея, благоволилъ Всемилостивѣйше наградить достойнаго старца орденомъ Св. Владиміра 3-й степени.— И. И. Вейссе оставилъ службу въ 1818 году, но до сихъ поръ принимаетъ самое ревностное участіе въ любезномъ своемъ заведеніи.

рялъ времени на безполезное, не развлекался вещами посторонними, а свой предметъ изучалъ вполнѣ и основательно. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе древнихъ языковъ, положившее основу нынѣшнему Европейскому просвѣщенію, приноситъ великую пользу въ разныхъ отношеніяхъ, но эта польза становится ощутительною только тогда, когда человѣкъ знаетъ древніе языки основательно, въ совершенствѣ, почти какъ свой природный; хватать же *вершки* не ведетъ ни къ чему, и, по мнѣ, во сто разъ полезнѣе хорошо знать по-Чухонски или по-Зырянски, нежели потерять нѣсколько лѣтъ въ Латинскихъ классахъ, и не умѣть прочитать классическаго автора безъ запинки (*). Латинскій языкъ важенъ въ западной Европѣ тѣмъ, что на немъ совер-

(*) Въ первой Санктпетербургской Гимназіи освобождены отъ изученія Латинскаго языка воспитанники, назначаемые въ военную службу.

шается, въ большей ея части, служба Божія; Римляне играли важную роль въ первоначальной Исторіи тѣхъ странъ; ихъ законодательство основано большею частію на Римскомъ Правѣ, и почти всѣ языки Европы, кромѣ Германскихъ и Славянскихъ, происходятъ отъ Латинскаго, смѣшаннаго съ нарѣчіемъ природныхъ жителей тѣхъ странъ. Латинская Грамматика нужна Италіянцамъ, Французамъ, Испанцамъ, Англичанамъ, какъ первообразъ ихъ собственной. Но мнѣ кажется, что *исключительное* изученіе и приложеніе Грамматики Латинской къ языкамъ самостоятельнымъ вредитъ симъ послѣднимъ. Тяжелая, растянутая, темная контрукція книжнаго Нѣмецкаго языка отчасти обязана существованіемъ вліянію Латинскаго синтаксиса. Возьмите Русскія писанія до XVII вѣка, и сравните ихъ съ сочиненіями конца XVII и начала XVIII, когда Латынь, прорвавшись изъ Польши

сквозь Кіевскую Академію, наводнила Русскій языкъ. Сравните прекрасный естественный, *Русскій слогъ* рѣчи Митрополита Гермогена (открытой Г. Строевымъ) съ тяжёлымъ, надутымъ, *не-Русскимъ штилемъ* Ѳеофана. Сколько трудовъ нужно было, чтобъ искоренить это навожденіе! Мы и нынѣ писали бы какъ Ѳеофанъ и Тредьяковскій, если бъ Ломоносовъ сталъ учиться по-Латыни съ осьмаго, а не съ осьмнадцатаго года своей жизни, и если бъ Карамзинъ былъ воспитанъ въ семинаріи.

.......Куда занесло меня! Изъ Гамбурга въ семинарію! Но, говорятъ, что *крайности касаются*. И такъ сверну опять въ Гамбургъ! Право, тамошнимъ молодымъ людямъ было бы гораздо полезнѣе учиться языкамъ Шведскому и Русскому, нежели Латинскому; изъ послѣдняго нужно имъ знать только нѣкоторыя магическія слова: *brutto, netto, ditto, pro cent, cassa, circa, ultimo!*

---

*

VII.

ГАМБУРГЪ.

Гульбища. Эмсбюттель. Прекрасная Маріана. Прекрасная Элиза. Кладбище. Эппендорфъ. Искусственныя минеральныя воды. Врачи. Альтона. Оттенсенъ. Клопштокъ. Бланкенезе. Семейство Клюндера. Тиволи. Ворота городскія.

Скажу нѣсколько словъ о гульбищахъ и окрестностяхъ Гамбурга: они прелестны и разнообразны.

Можно прокатиться въ лодкѣ по внѣшнему Альстеру, и полюбоваться прекрасными видами, представляющимися со всѣхъ сторонъ. Не говорю, *сельскими* видами: здѣсь, какъ и въ другихъ ближайшихъ окрестностяхъ Гамбурга, преимуществуютъ загородные домы Гамбургскихъ патриціевъ, банкировъ, негоціантовъ; вездѣ можно най-

ти чистыя и обильныя земными благами гостиницы. Ежедневно, особенно въ праздники, большія фуры, наполненныя хорошо одѣтыми людьми, изо всѣхъ воротъ города выѣзжаютъ въ поле. — Со стороны Альстера, болѣе всѣхъ мѣстъ посѣщаютъ деревню *Эмсбюттель*, наполненную загородными домами, садами и парками; здѣсь можно нанять, за небольшую плату, очень хорошенькій лѣтній домикъ. Въ Эмсбюттелѣ славится гостиница *прекрасной Маріаны*, съ которой, какъ гласитъ преданіе, списана Мирандолина. Она дочь Француза (Ruault), который содержалъ эту гостиницу, и передалъ ей по наслѣдству. Я завтракалъ у Маріаны очень вкусно; нашелъ въ ней женщину уже не молодую, но миловидную и умную, привыкшую отвѣчать на *стереотипные* распросы любопытныхъ странниковъ. Она разсказывала мнѣ похожденія свои во время осады Гамбурга Рус-

скими войсками. Отецъ ея былъ подозрѣваемъ въ сообщеніи Французамъ извѣстій о состояніи осаднаго корпуса, и по этой причинѣ изгнанъ казаками изъ своего жилища. Маріана, которой тогда было отъ роду лѣтъ четырнадцать, приглянулась какому-то Башкиру, и онъ хотѣлъ увезти ее съ собою въ степь, какъ честную въ бою добычу; но ее спрятали (подъ колоколомъ, говоритъ она), и, такимъ образомъ, она освободилась отъ чести быть новою Роксоланою. Она извѣстна въ Гамбургѣ хорошимъ устройствомъ ея гостинницы и непорочностію своихъ нравовъ. Всякой иностранецъ долженъ ее видѣть. Не побывать у Маріаны, живши въ Гамбургѣ, то же, что быть въ Москвѣ, и не видать большаго колокола. — На возвратномъ пути въ городъ, извощикъ мой остановился у одного домика, и сказалъ: «У насъ, сударь, въ Гамбургѣ такой обычай, что

кто кушалъ у Маріаны, тотъ долженъ пить кофе у прекрасной Элизы.» — «Разумѣется!» отвѣчалъ я: «живучи въ государствѣ, хотя бы оно было тѣснѣе иной ученой головы, мы должны повиноваться его законамъ.» Меня встрѣтила живая, острая, словоохотная мамзель, и сварила мнѣ чашку превкуснаго кофе. Эта не далась бы въ руки Башкирамъ. Она расспрашивала меня о многихъ нашихъ землякахъ, которые пользовались ея гостепріимствомъ, и какъ я всѣхъ именъ ихъ не упомню, то и считаю обязанностію напечатать о томъ, для общаго свѣдѣнія, въ Пчелѣ, и прибавить, что прекрасная Элиза очень помнитъ ихъ ласки, и проситъ жаловать къ ней и впредь. Вышедши на крыльце, чтобъ сѣсть въ коляску, я спросилъ у Элизы, чей этотъ прекрасный садъ на противоположномъ углу перекрестка.— «Это, сударь, не садъ,» отвѣчала она, по-

низивъ голосъ: «это кладбище.» — Я заѣхалъ туда. Кладбище разгорожено на отдѣленія, по приходамъ города. При въѣздѣ находятся домы для помѣщенія въ нихъ мертвыхъ тѣлъ до погребенія. Это дѣлается для предупрежденія ужасныхъ случаевъ погребенія мнимо-умершихъ. Кладбища усажены тѣнистыми аллеями, густыми кустами, покрыты милліонами цвѣтовъ. Дорожки усыпаны пескомъ. На многихъ памятникахъ висятъ свѣжіе вѣнки. Въ особомъ отдѣленіи погребены воины Ганзеатическаго легіона, падшіе въ войнѣ за свободу Германіи. Я смотрѣлъ на памятники издали, и боялся читать надписи, чтобы какою нибудь карикатурною эпитафіею не разстроить въ себѣ впечатлѣнія, произведеннаго красотою и святостью мѣста. Нѣтъ ничего досаднѣе и оскорбительнѣе для меня, какъ несообразная съ предметомъ и наружнымъ великолѣпіемъ и изяществомъ,

надгробная надпись. Самыя нестерпимыя тѣ, въ которыхъ *живые* ставятъ себѣ монументы на счетъ умершихъ. *Соорудилъ сей памятникъ* такой-то *неутѣшный*. Извините, не соорудилъ, а заплатилъ за него.

Другая деревня, не менѣе знаменитая, есть *Эппендорфъ*, въ которой построено также много загородныхъ домовъ. Тамъ провелъ я пріятнѣйшій день въ любезномъ семействѣ Г. ф. Г. Онъ заѣхалъ за мною въ городѣ, остановился у пансіона, взялъ оттуда младшаго своего сына (это было въ Субботу), и повезъ насъ въ Эппендорфъ по прекраснымъ липовымъ аллеямъ, окружающимъ Гамбургъ, и идущимъ отъ него лучами во всѣ стороны. Всѣ деревья этихъ аллей были вырублены маршаломъ Даву во время осады города; съ тѣхъ поръ посажены вновь й опять даютъ отрадную тѣнь, очищаютъ воздухъ, прельщаютъ глаза. Вдоль ихъ тянутся загородные домы.

Только два дома (по выѣздѣ изъ Damnithor, по лѣвой рукѣ) лежатъ въ значительномъ отдаленіи отъ дороги: ихъ построили какіе-то Англичане. Достойна вниманія черта Англичанъ, гдѣ бъ они ни были, устраняться отъ прочихъ, такъ сказать, *остро-виться*. Дорогою Г. ф. Г. говорилъ мнѣ о домашнемъ своемъ счастіи, о своихъ дѣтяхъ, о женѣ. Вотъ мое жилище! сказалъ онъ мнѣ, указывая на просторный, изящно выстроенный домъ посреди сада. Между тѣмъ, онъ чего-то искалъ и тревожился. Я спросилъ его о причинѣ этого безпокойства. — «Не знаю, что сдѣлалось съ моею женою, отвѣчалъ онъ: вотъ тридцать девять лѣтъ, что она каждый день выходитъ ко мнѣ на встрѣчу, а теперь ея не видать.» Коляска остановилась у крыльца. Вышелъ слуга, чтобъ отворить дверцы. «Что барыня?» спросилъ торопливо Г. ф. Г. — «Не очень здорова, отвѣчалъ слуга: осталась

въ своей комнатѣ.» Вдругъ высыпали дѣти, и бросились обнимать отца. Старшая дочь успокоила его на счетъ здоровья матери, но отецъ побѣжалъ къ ней, какъ влюбленный женихъ.—Послѣ этого я вдвое жалѣлъ, что не узналъ лично Госпожи фонъ Г. По ея милымъ дѣтямъ заключаю, что она должна быть женщина прекрасная — во всѣхъ отношеніяхъ. — Въ Эппендорфѣ находится заведеніе для изготовленія и употребленія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Оно не такъ просторно, и великолѣпно какъ наше, Петербургское, но расположено очень удобно и въ пріятномъ мѣстѣ. Въ общихъ комнатахъ есть биліардъ, шахматы, шашки, карточные столы; въ саду кегли. Въ верхнемъ ярусѣ, небольшія отдѣльныя комнаты, отдаваемыя внаймы пользующимся водами. — Я нашелъ тамъ многочисленное собраніе — почти всѣхъ Гамбургскихъ врачей: они въ этотъ день

съѣхались въ Эппендорфѣ, и обѣдали всѣ вмѣстѣ. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ: болѣе прочихъ былъ для меня интересенъ докторъ Александръ Симонъ, заклятый врагъ Гомеопатіи, и передовой наѣздникъ въ атакахъ на Ганемапна, человѣкъ небольшаго роста, живой, пылкій, острый. Когда смерклось, раздались въ саду звуки согласныхъ голосовъ. Одно изъ Гамбургскихъ обществъ пѣнія (Singverein) устроило вокальный концертъ. — Вообще замѣтилъ я, что послѣ купцевъ и банкировъ, лучше и богаче всѣхъ живутъ въ Гамбургѣ адвокаты и врачи, разумѣется, умные и искусные. Гдѣ много сношеній торговыхъ и дѣловыхъ, тамъ много возникаетъ споровъ и процессовъ. Сверхъ того, адвокаты, отличившіеся талантами, познаніями и характеромъ, получаютъ лучшія мѣста въ правительствѣ. — Врачи же живутъ преимущественно при помощи Гам-

бургскаго обжорства. Тотъ не есть истинный сынъ древней *Гаммоніи*, кто раза два въ недѣлю не испортитъ себѣ желудка. Samiel, hilf!

Отличнѣйшіе Гамбургскіе загородные домы и сады лежатъ къ сѣверу отъ Гамбурга, по берегу Эльбы. Я ѣздилъ туда съ своими спутницами, и не жалѣлъ о цѣломъ утрѣ, которое изъ немногихъ употребилъ на это. Сперва выѣхали мы въ предмѣстье *Гамбургеръ-Бергъ*, о которомъ я уже говорилъ: на широкой площади тянутся, съ одной стороны, балаганы съ комедіями, Китайскими тѣнями, рѣдкими животными, какъ у насъ на качеляхъ, съ другой трактиры и тому подобныя заведенія. Вплоть подлѣ предмѣстія лежитъ Датскій городъ *Альтона*, отдѣляемый отъ Гамбурга стѣною, и сообщающійся широкими воротами, съ надписью: *Запрещается просить подаянія подъ опасеніемъ наказанія*. Городъ Аль-

тона получилъ названіе свое отъ Нижне-Германскаго произношенія словъ all zu nah, *слишкомъ близокъ*. Въ немъ видны, такъ же какъ и въ Гамбургѣ, Нѣмецкая чистота, Нѣмецкая аккуратность, но нѣтъ той живости, того движенія. Замѣчательно множество лоттерейныхъ конторъ. Въ Гамбургѣ одна большая лоттерея, въ которой билетъ стоитъ рублей двѣсти, а здѣсь множество мелкихъ конторъ, въ которыхъ продаются билеты дешевые, да и тѣ дѣлятся на половины и на четверти. Эти лоттереи очень вредны тѣмъ, что побуждаютъ бѣдныхъ людей, особенно слугъ и служанокъ, къ кражѣ и обманамъ. Есть люди, которые все свое имѣніе проигрываютъ на лоттерейныхъ билетахъ. — Когда мы проѣхали городъ, кучеръ нашъ остановился у ограды церковной, и сказалъ: «Вотъ Оттенсенъ!» — «Оттенсенъ!» повторили мы всѣ въ полголоса. Это сельское кладбище, на ко-

торомъ покоится прахъ Клопштока. Посреди ограды возвышается небольшая церковь простой архитектуры, выкрашенная подъ кирпичъ, какъ большая часть неважныхъ зданій въ Гамбургѣ и Альтонѣ. Предъ нею, насупротивъ самаго входа, подъ высокою густою липою, видны два надгробные камня, поставленные стоймя. Сѣдовласый сторожъ отперъ калитку, и мы вошли въ ограду. Подъ камнемъ, съ лѣвой стороны, лежитъ первая супруга Клопштока, Маргарита, прославленная имъ подъ именемъ *Меты:* она скончалась въ первыхъ родахъ. Надгробіе сочинено имъ самимъ. Оно начинается словами: Saat, von Gott gesäet, am Tage der Garben zu reifen, т. е.: *Сѣмя, посѣянное Богомъ, да созрѣетъ въ день жатвы.* Я слѣдилъ за каждою буквою надписи, на которой нерѣдко останавливались полные слезъ глаза великаго пѣвца. По правую руку погребенъ самъ Клоп-

штокъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вторая супруга его, съ которою онъ сочетался уже въ старости. На памятникахъ Клопштока и Меты висѣли свѣжіе цвѣточные вѣнки, которыми украшены они были въ день его рожденія (2-го Іюля). Жители Гамбурга и Альтоны свято чтутъ память великаго соотечественника. Надъ домомъ его въ Гамбургѣ, въ Королевской Улицѣ, надпись на мраморной доскѣ: Die Unsterblichkeit ist ein grosser Gedanke и пр. Т. е. «Безсмертіе есть великая мысль. Клопштокъ жилъ въ семъ домѣ тридцать лѣтъ, съ 1771 года по день своей кончины.»

Мы покатились далѣе. Пошелъ рядъ загородныхъ домовъ и парковъ; одинъ другаго красивѣе и великолѣпнѣе. Ренвилевъ садъ, Флоттбекъ, Ніенштедтенъ и проч. лежатъ у самой Эльбы; аллеи, рощи, поляны спускаются по крутому берегу, до воды. Сверху видъ прелестнѣйшій. Вели-

чавая Эльба катитъ струи свои между зелеными, цвѣтущими берегами; сотни разныхъ судовъ летятъ подъ распущенными парусами. Куксгавенскій пароходъ, какъ истый Гамбургскій гражданинъ, куря трубку, смѣется ихъ усиліямъ, и оставляетъ ихъ за собою. Мы остановились у воротъ одного сада (Г. Баура въ Докенгуденѣ), и хотѣли выйти. Къ коляскѣ подошелъ сторожъ, и объявилъ, что сегодня входу нѣтъ. «Гулянье де бываетъ здѣсь по Средамъ, а сегодня Четвертокъ. — «Мы иностранцы, путешественники...» возразилъ я. — «Да хотя бы самъ Король Датскій сегодня сюда пріѣхалъ, мы бы его не впустили!» отвѣчалъ онъ въ сердцахъ. Нечего дѣлать, поѣхали далѣе. «Король Датскій, Король Датскій,» повторялъ я въ умѣ: «да почему же именно Король Датскій?» спросилъ я наконецъ у Г-жи Г. — «Какъ почему: вѣдь мы здѣсь въ Даніи!»

Странно нашему брату кажется ѣздить по этимъ чрезполоснымъ владѣніямъ! Привыкши къ нашему Русскому раздолью, никакъ не можешь вмѣстить въ голову мысль, что напримѣръ, на этомъ концѣ аллеи царствуетъ Фридрихъ VI, а на другой Господинъ бюргермейстеръ Абендротъ.

Цѣлью путешествія нашего, ограниченнаго немногими часами, была рыбацкая и лоцманская деревня *Бланкенезе*, лежащая за высокимъ курганомъ, на берегу Эльбы. Жители этой деревни, искусные мореходцы, отличаются суровостью и грубостью своихъ нравовъ. Намъ не хотѣлось испытать на себѣ этихъ похвальныхъ качествъ, и мы, не входя въ деревню, рѣшились найти иное мѣсто, откуда можно бы было лучше всего насладиться тамошнимъ мѣстоположеніемъ. М. К. З., одна изъ спутницъ моихъ, объявила намъ, что знакомецъ ея, докторъ Альберсъ, живетъ

лѣтомъ въ этой сторонѣ, и мы пошли его отыскивать. Входимъ въ прекрасный садъ, приближаемся къ большому, великолѣпному дому съ бельведеромъ. Изъ дверей выходитъ миловидная дама среднихъ лѣтъ, и спрашиваетъ, кого намъ угодно. Госпожа З. объявила ей причину нескромнаго нашего визита въ чужомъ саду. «Доктора Альберса здѣсь сегодня нѣтъ,» сказала дама: «онъ выѣзжаетъ за городъ только по Воскресеньямъ; но родители мои примутъ васъ съ удовольствіемъ, и вы съ нашего бельведера увидите несравненную панораму. Пожалуйте, войдите!» Мы пошли за нею въ домъ. Насъ встрѣтилъ сначала ея отецъ, добрый старичекъ лѣтъ семидесяти, и узнавъ о причинѣ нашего прихода, повторилъ сказанное дочерью. Потомъ явилась и мать, совѣстно сказать, старушка — женщина премилая на взглядъ, привѣтливая, одѣтая и зашнурованная, какъ бы для

того, чтобъ ѣхать на балъ, — и довершила радушіе пріема. Дочь ея, молодая вдова, какъ мы послѣ узнали, мать прекрасныхъ юношей, повела насъ по саду: показывала лучшія мѣста, прелестные виды, всѣ сельскія заведенія, и удивила насъ замѣчаніемъ, что здѣсь недавно была совершенная пустыня, и что отецъ и мать ея сами устроили себѣ этотъ усладительный пріютъ. Набродившись досыта, мы воротились въ домъ, чтобъ поблагодарить почтенныхъ хозяевъ. Они увѣряли насъ, что съ удовольствіемъ приняли у себя странниковъ, и повели въ столовую, гдѣ ожидалъ насъ полновѣсный Гамбургскій завтракъ. Старикъ разговорился объ осадѣ Гамбурга, въ 1813 и 1814 годахъ, говорилъ мнѣ съ удовольствіемъ о многихъ нашихъ генералахъ и офицерахъ, особенно о генералѣ Баронѣ Левенштернѣ, который долго стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Бланкенезѣ, и снис-

калъ тамъ общую любовь и уваженіе. Прощаясь, мы записали имена свои въ альбомахъ другъ у друга: почтеннаго гостепріимца нашего звали Г. Klünder: онъ Гамбургскій купецъ.

Пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ добрыми людьми: мы не могли дорогою наговориться объ этомъ почтенномъ семействѣ. Г-жа Г. плакала отъ умиленія. «Эти прекрасные виды!» повторяла она: «и эти добрые люди! Согласитесь, что и въ Германіи можно жить!» — «Не спорю,» отвѣчалъ я, заглядываясь вправо. «Да что вы туда смотрите?» спросила Госпожа Г. съ нетерпѣніемъ молодой дамы, которая не привыкла, чтобъ съ нее часто сводили глаза. Мы въ это время подымались на высоту. Эльба видна была на большое пространство.

«Смотрю,» отвѣчалъ я, «и не могу различить; — видите ли этотъ корабль?» —

«Вижу, а что?»—«Посмотрите на флагъ — бѣлая полоса, синяя, красная! Это Русскій корабль!» — «Русскій корабль! закричали обѣ: Русскій корабль! Неужто? Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ! Русскій корабль! Das liebe, liebe Russland!»

Послѣдній вечеръ пребыванія моего въ Гамбургѣ провелъ я въ лѣтнемъ загородномъ театрѣ. Въ публичномъ саду, называемомъ Тиволи, за каменными воротами, устроенъ, на покатой равнинѣ, просторный партеръ; по сторонамъ возвышаются галереи. Предъ партеромъ сцена, крытая сверху, не такъ какъ въ Москвѣ, въ Нескучномъ, гдѣ верхнія декораціи созданы днемъ ранѣе Земнаго Шара. Отъ этого голосà актеровъ не теряются: на крытомъ театрѣ они гораздо слышнѣе. За входъ платятъ по восьми шиллинговъ, гривенъ шесть; заплатите еще четыре шиллинга, и вы имѣете мѣсто на галереѣ. Я воспользовался этимъ

правомъ, и преріятно провелъ вечеръ. Играли *Мнимую Каталани* довольно хорошо: лучше всѣхъ былъ актеръ Гёдеманъ, представлявшій главное лице. Но для меня всего любопытнѣе и забавнѣе былъ партеръ, составленный изъ зрителей и зрительницъ средняго состоянія. Аристократія Гамбургская не ѣздитъ въ загородные спектакли: гораздо благопристойнѣе задыхаться отъ жару въ своемъ городскомъ театрѣ, нежели смѣяться на этомъ народномъ игрищѣ. Вообразите, что предъ каждою дамою въ партерѣ стоитъ столикъ, и на немъ чай, кофе и т. п. Зрительница вяжетъ чулокъ, глядитъ на сцену, и по временамъ прихлебываетъ горячаго! Забавно! Передо мною сидѣли на галереѣ двѣ хорошенькія дѣвицы, въ полутраурѣ. «Что жъ вы не вяжете чулка?» спросилъ я. «Слишкомъ жарко-съ,» отвѣчала одна, съ запинкою, какъ будто совѣстясь, что теряетъ время.

Спектакль кончился въ половинѣ девятаго часа, и зрители, числомъ тысячи полторы человѣкъ, вышли изъ саду всѣ чрезъ одну неширокую дверь, не тѣснясь, не толкаясь, не безпокоя другъ друга — чинно и благопристойно. Всѣ они явились въ театръ пѣшкомъ, и группами спѣшили въ городъ. Точно спѣшили. Въ Гамбургѣ существуетъ, съ незапамятныхъ временъ, обыкновеніе запирать въ извѣстное время всѣ городскія ворота. Лѣтомъ притворяютъ ихъ ровно въ девять часовъ, и въ десятомъ часу, берутъ съ каждаго прохожаго или проѣзжаго небольшую плату; въ одиннадцатомъ часу вдвое; въ двѣнадцатомъ вчетверо, а въ полночь запираютъ ворота наглухо, и хотя бъ пріѣхалъ самъ президентъ Германскаго Союза, Графъ Мюнхъ-Беллингсгаузенъ, ему пришлось бы ждать разсвѣта. Для пріѣзжаго и непривыкшаго это очень затруднительно и непріятно. Я говорилъ

объ этомъ съ однимъ Гамбургскимъ патріотомъ, и онъ сказалъ мнѣ: «Рѣдко случается, чтобъ кто нибудь проводилъ ночь за городомъ по какимъ либо дѣламъ. Обыкновенно ѣздятъ гулять. Угодно гулять ночью, извольте платить. И въ городѣ есть гульбища: начто ѣздить за заставу?» На это отвѣчать нечего, тѣмъ болѣе, что этотъ сборъ употребляется на благотворительныя заведенія, но что скучно, то скучно! — Любители загородныхъ прогулокъ, поспѣшая воротиться въ городъ до урочнаго часа, стараются однако воспользоваться каждою секундою. Подойдетъ къ заставѣ, и спроситъ: сколько осталось до девяти часовъ? Три минуты съ небольшимъ, отвѣчаетъ сторожъ. Такъ можно еще погулять, говоритъ онъ, и прохаживается за городомъ. Но лишь только раздастся звонокъ, толпа бросается въ ворота, и тогда бываетъ въ нихъ обыкновенно пребольшая давка.

Отчаянные гуляки хвастаютъ тѣмъ, что умышленно возвращаются домой поздно, и платятъ вчетверо за пропускъ. Великодушно!

VIII.

ГАМБУРГЪ.

Г. Струве. Г. Бахрахтъ. Граждане Гамбургскіе. Раупахъ. Ромбергъ. Дорога въ Берлинъ. Почты. Спутники. Благородная таможня. Перлебергъ. Роландова статуя. Берлинъ.

Не пора ли кончить разглагольствія мои о Гамбургѣ! Я говорилъ о мѣстоположеніи города, о его образѣ правленія, о благотворительныхъ его заведеніяхъ, о гульбищахъ, о забавахъ. Кажется, довольно. Долгъ требуетъ еще упомянуть съ благодарностью о тѣхъ почтенныхъ людяхъ, которые оказали страннику дружескій привѣтъ, и ласково приняли бездомнаго въ своихъ семействахъ.

Нашего министра-резидента, Г-на Струве, не было въ Гамбургѣ во время моего

тамъ пребыванія: онъ путешествовалъ по Англіи и Франціи. Я крайне жалѣю о томъ, что не познакомился съ нимъ. Онъ пользуется въ Гамбургѣ общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, образованный, ученый, притомъ добрый, благородный и привѣтливый. Между тѣмъ нашелъ я ласковый пріемъ у исправляющаго на время его отсутствія, должность министра-резидента, генеральнаго консула нашего, Г. Бахерахта, женатаго на дочери Г. Струве. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ, въ ихъ дружелюбномъ, образованномъ кругу провелъ я нѣсколько истинно пріятныхъ часовъ, и познакомился со многими интересными людьми; съ ними былъ на Гамбургскомъ вечерѣ, у одной почтенной дамы, и видѣлъ обычаи тамошнихъ гостиныхъ; съ ними разъѣзжалъ по любопытнымъ мѣстам города; у нихъ провелъ вечеръ, наканунѣ моего отъѣзда.

Я говорилъ уже о добромъ и любезномъ Масѣ, который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ лицъ города, съ бургомистрами, сенаторами, синдиками, и пр. Я обѣдалъ у двоихъ изъ этихъ господъ, въ избранномъ, пріятномъ кругу. Меня заставляли говорить о Россіи, спрашивали о нашемъ Государѣ, о его частной жизни, о его семействѣ. Я говорилъ такъ, какъ сталъ бы говорить каждый изъ пятидесяти милліоновъ его подданныхъ. Правители Гамбургской Республики слушали мои разсказы съ вниманіемъ и умиленіемъ. Я старался какъ можно яснѣе, правдивѣе, точнѣе представить имъ Россію и ея правительство, уничтожить странные предразсудки, разглашенные глупцами и недоброжелателями. Не правду говорятъ, будто Россія не имѣетъ друзей въ чужихъ краяхъ, будто на нее глядятъ со злобою и завистью. Это можетъ быть справедли-

во въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ: люди, которымъ хотѣлось бы помутить Германію, и воспользоваться безпорядками, разумѣется, съ досадою смотрятъ на колоссальную Россію, которая не потерпитъ нарушенія правъ и спокойствія ея союзниковъ; сердятся, но только для виду, негодные бумагомаратели, которые (по большей части, съ голоду) лаютъ на нее, *какъ моська на слона;* но всѣ люди порядочные, благоразумные, образованные уважаютъ и Россію и Государя ея, будучи увѣрены, что не Россія страшна Европѣ. Къ сожалѣнію, въ Германіи и вообще въ чужихъ краяхъ мало знаютъ наше отечество. Пишутъ объ насъ иностранцы, не понимающіе языка Русскаго, ни свойствъ, ни потребностей земли Русской. Неоднократно случалось мнѣ жарко спорить съ Нѣмцами, которые, замѣняя Русскій аршинъ своимъ локтемъ, называютъ неумѣстнымъ

и несправедливымъ именно то, что полезно, выгодно и необходимо нашей исполинской Россіи. Жаль, что за границей не издаютъ о Россіи журнала на Нѣмецкомъ, или еще лучше, на Французскомъ языкѣ, въ которомъ люди, понимающіе Россію и въ то же время образованные по-заморскому, знакомили бы западную Европу съ нашими законами, правами, правленіемъ и событіями общими и частными, говоря о Россіи сущую правду. Такой журналъ издавали лѣтъ тридцать тому назадъ Гг. Шторхъ (*) и Энгельгардъ подъ заглавіемъ: *Россія въ царствованіе Александра I* (Russland unter Alexander dem Ersten). Ученые журналы, какъ напримѣръ Дерптскія Лѣтописи, полезны и хороши, но они одностороннн и не довольно національны. — Пока этого нѣтъ, всякій честный Русскій

(*) Когда я писалъ эти строки, почтенный Шторхъ былъ еще живъ.

гражданинъ, занесенный на чужбину, обязанъ всячески вразумлять иностранцевъ на счетъ нашего отечества. Ахъ! только это вразумленіе происходитъ, какъ выражаются подьячіе, *на Нѣмецкомъ діалектѣ*, и у меня послѣ каждаго монолога о Россіи, вскакивали прыщики на концѣ языка. Часто говаривали мнѣ друзья и пріятели, что *языкъ мой врагъ мой:* за то и досталось ему теперь въ Германіи!

Въ числѣ особъ, видѣнныхъ мною въ Гамбургѣ, съ удовольствіемъ называю *Раупаха.* Въ Гамбургѣ выходитъ каждое утро листокъ дневныхъ извѣстій, съ именами особъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, и съ показаніемъ, гдѣ онѣ остановились. Увидѣвъ въ этомъ спискѣ имя Раупаха, я немедленно его отыскалъ. Мы не видались лѣтъ тринадцать. Онъ очень постарѣлъ на видъ, посѣдѣлъ, изсохъ, но духомъ бодръ, и глаза его все еще такъ же свѣтлы и выразительны какъ

прежде. Потолковавъ съ нимъ о *былыхъ* дѣлахъ и вещахъ, о настоящемъ и будущемъ, я *принудилъ себя* оставить его пріятную бесѣду. При входѣ моемъ въ комнату, онъ всталъ изъ-за письменнаго стола, а я, по горькому опыту, знаю, что утренній гость хуже Татарина. Раупахъ считается нынѣ между лучшими и плодовитѣйшими драматическими писателями Германіи. Его драмы и комедіи съ успѣхомъ представляются на всѣхъ театрахъ, но критики Нѣмецкіе, не безъ основанія, жалуются, что поспѣшность работы выказывается у него и въ выборѣ сюжетовъ, и въ исполненіи. Онъ прочитаетъ страничку въ Раумеровой Исторіи Гогенштауфеновъ, — и планъ трагедіи готовъ. Но въ числѣ ихъ есть прекрасныя, и во всѣхъ видны воображеніе, умъ, талантъ и искусство владѣть языкомъ. Раупахъ обыкновенно живетъ въ Берлинѣ, и

теперь проѣзжалъ чрезъ Гамбургъ, въ морскія купальни.

Это была моя единственная литературная бесѣда въ Гамбургѣ. Вообще осуждаютъ Нѣмцевъ за ихъ педантство, за то, что они предпочитаютъ ученость жизни, а книги натурѣ, но этого нельзя сказать о Гамбургцахъ. Если есть здѣсь литература, то это одна практическая; для умозрительныхъ же и ученыхъ разысканій приморскій воздухъ здѣшній слишкомъ рѣдокъ: это какъ-бы вершина горы, до которой не поднимается мгла ученыхъ тучъ и тумановъ. По этой причинѣ, я думаю, нѣкоторые Нѣмецкіе поэты и артисты избирали Гамбургъ преимущественно мѣстомъ своего жительства. Я говорилъ уже о Клопштокѣ. И Гагедорнъ жилъ и умеръ, въ прекрасной деревнѣ Гарвстегуде, близъ Эппендорфа. Любимое мѣсто отдохновенія его было подъ густою липою, на берегу Альстера. Эта

липа, чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, была раздроблена грозою. Объ ней расказываютъ презабавный анекдотъ. Гагедорнъ былъ очень близорукъ, и нѣсколько лѣтъ думалъ, что это дерево не липа, а дубъ, и воспѣлъ его подъ именемъ дуба въ одной своей одѣ. Друзья поэта, увидѣвъ ошибку, жестоко надъ нимъ смѣялись. Гагедорнъ очень горевалъ объ этомъ промахѣ, и во второмъ изданіи книги своей напечаталъ Linde, вмѣсто Eiche. — Изъ живущихъ въ Гамбургѣ артистовъ первое мѣсто занимаетъ *Бернгардъ Ромбергъ*. Я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ, бесѣдовалъ о Петербургѣ, о нашихъ тамошнихъ знакомыхъ, и болѣе всего о незабвенномъ другѣ нашемъ, М. Я. фонъ-Фокѣ. Старику очень хочется еще побывать у насъ, въ Петербургѣ, но вѣрная Бавкида не отпускаетъ его отъ своего пепелища.

---

*

Я былъ нынѣ въ Гамбургѣ двукратно, и въ промежутокъ этого времени съѣздилъ въ Берлинъ. Ничто въ Германіи, особенно въ Пруссіи, не исправилось такъ чувствительно въ послѣднее время, какъ почтовыя учрежденія. Этимъ публика всей Европы обязана почтенному нынѣшнему Прусскому генералъ-директору почтъ Г. фонъ Наглеру. Изъ Гамбурга ходятъ въ Берлинъ и обратно четыре раза въ недѣлю покойные дилижансы, совершая этотъ путь въ 36 часовъ. Въ случаѣ излишка пассажировъ, ходятъ при главномъ дилижансѣ вспомогательные (Beiwagen), но эти не такъ удобны, потому что на каждой станціи мѣняются повозки, т. е. ѣдешь на перекладныхъ. Въ дилижансѣ лучшія мѣста NNo 5 и 6, въ переднемъ кабріолетѣ, и, для полученія ихъ, должно записываться заблаговременно. Во-первыхъ, тамъ имѣешь только одного товарища (третье мѣсто за-

нимаетъ кондукторъ); во-вторыхъ, пользуешься видомъ прямо предъ собою. Точность, съ какою ходятъ эти дилижансы, достойна удивленія и подражанія. Въ восемь часовъ вечера они отходятъ изъ Гамбурга. Пассажиры должны прислать свои вещи за часъ, а сами явиться за четверть часа. Съ ударомъ осьми часовъ дилижансъ выѣзжаетъ изъ воротъ дома почтовой конторы въ улицѣ die grosse Bleiche, а на третій день, ровно въ восемь часовъ утра, не позже, но и отнюдь не раньше, въѣзжаетъ въ ворота почтоваго дома, въ Королевской Улицѣ, въ Берлинѣ. По причинѣ этой необыкновенной точности, не удивитесь, слыша въ Берлинѣ на почтѣ: «Гамбургскій дилижансъ прійдетъ чрезъ семь минутъ.»

Я отправился изъ Гамбурга въ большой и пріятной компаніи. Кромѣ двоихъ всегдашнихъ моихъ спутницъ, были съ на-

ми еще двѣ дамы изъ Петербурга, д. ст. сов. Ц., молодой Ш., сынъ знаменитаго Петербургскаго химика, путешествующій по Европѣ на иждивеніи Министерства Финансовъ, для узнанія новыхъ открытій и приспособленій въ технической химіи; нашъ же подполковникъ Сл., ѣздившій въ Парижъ за тѣломъ своего брата, Ю. В. Сл., о смерти котораго было писано въ нашихъ журналахъ; два молодые путешественника изъ Парижа, человѣка три Англичанъ, и еще нѣсколько пассажировъ незначительныхъ. Вся компанія занимала дилижансъ и три Beiwagen. Дорога была въ этомъ обществѣ препріятная. По причинѣ частаго прилива и отлива пріѣзжихъ, мы на каждой станціи имѣли новыхъ спутниковъ. Спачала побаивались мы Французовъ, думая найти въ нихъ героевъ юной Франціи; но, къ счастію обманулись: это были люди образованные, скромные, благород-

ные, и притомъ веселые, добродушные, что называется des bons enfans. Мы тотчасъ познакомились, и продолжали знакомство это въ Берлинѣ. И Англичане обманули насъ, но въ другомъ отношеніи. Я искренне уважаю Англичанъ, и охотно соглашаюсь въ преимуществѣ ихъ предъ многими другими Европейцами, но это преимущество не простирается на Британскихъ *туристовъ*, которые, окончивъ курсъ наукъ въ какой нибудь провинціяльной школѣ, пробѣгаютъ, разиня ротъ, Европу и Египетъ, и, возвратившись домой, говорятъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего путнаго. Съ нами ѣхалъ такой патентованный болванъ, молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, но величайшій невѣжа, грубьянъ и гордецъ. Онъ никого не удостоилъ словомъ, и когда, въ крайнихъ случаяхъ, съ нимъ начинали говорить по-Англійски, онъ отвѣчалъ сквозь зубы лома-

ными Нѣмецкими словами. Сидѣлъ онъ въ углу дилижанса, занимая, по ширинѣ, полтора мѣста, на счетъ сосѣда своего, учтиваго Француза; развалясь въ самомъ неблагопристойномъ положеніи, грызъ ногти, и дерзко поглядывалъ на дамъ. Мы бесѣдовали съ Французами и другими спутниками, разсказывали анекдоты, шутили. Онъ представлялся будто ничего не понимаетъ и не слышитъ. При самыхъ забавныхъ разсказахъ, когда всѣ помирали со смѣху, у него появлялись на устахъ невольныя судороги, показывавшія, что онъ понимаетъ по-Французски, но онъ въ ту же секунду опять приводилъ губы въ форменную позицію. Такимъ сфинксомъ провелъ онъ тридцать шесть часовъ; проведетъ и всю жизнь свою, развѣ что его разорветъ въ парламентѣ или послѣ пьянаго радикальнаго обѣда.

Дорога отъ Гамбурга до Бойценбурга

(двѣ станціи) идетъ по Датскимъ владѣніямъ, слѣдственно не мощена, изрыта, дурна и даже опасна; но при въѣздѣ въ Мекленбургскіе предѣлы, начинается шоссе, очень хорошее, только, кажется, не довольно широкое. Въ Мекленбургскихъ предѣлахъ проѣзжали мы чрезъ *Лудвигслустъ* главный городъ Великаго Герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго. Онъ состоитъ изъ небольшихъ кирпичныхъ домовъ; по улицамъ тянутся густыя липовыя аллеи; отъ этого видъ города мраченъ и угрюмъ. На улицахъ тихо; народу мало. Все порядочно, обстоитъ благополучно и новаго не бываетъ. По мѣрѣ удаленія отъ приморскихъ странъ, земля становится скуднѣе и печальнѣе, и въ Бранденбургіи превращается въ песчаную равнину, для обработанія которой потребны были сотни лѣтъ и Нѣмецкое постоянство. При Варновѣ въѣхали мы въ Прусскія владѣнія. «Здѣсь по-

граничная таможня,» сказалъ кондукторъ: «извольте предъявить свои пожитки.» Мы выбрались изъ дилижансовъ со всѣмъ своимъ скарбомъ. Досмотръ производился тихо, учтиво и благородно. Которыя ваши вещи? спросилъ у меня одинъ чиновникъ, заглянувъ въ мой паспортъ. «Вотъ этотъ чемоданъ, шкатулка и мѣшокъ,» отвѣчалъ я: «и вотъ къ нимъ ключи.» — «Потрудитесь отомкнуть сами,» сказалъ онъ. Я исполнилъ его требованіе. Онъ приподнялъ крышку чемодана, посмотрѣлъ сверху, и закрылъ. Тѣмъ досмотръ и кончился. «Нѣтъ ли у васъ какой либо контрабанды?» спросилъ онъ у одной пассажирки. Почтенная дама, воспитанная на Васильевскомъ Острову, въ страхѣ Божіемъ, отвѣчала: «есть.» — «А что такое?» — «Чай.» — «Да вѣроятно не не много,» возразилъ чиновникъ, не желая вводить ее въ убытокъ: «фунтъ, или полтора?» — «Нѣтъ-съ,» отвѣчала она: «четыре

фунта.» — «Ахъ сударыня!» сказалъ чиновникъ, досадуя на ея откровенность: «извольте заплатить двѣнадцать грошей.» Только одинъ какой-то упрямецъ изъ нашихъ пассажировъ не соглашался отпереть сундука. Инспекторъ разсердился и хотѣлъ принудить его къ тому, но мы его угомонили, приписавъ отказъ спутника нашего незнанію Нѣмецкаго языка. — По окончаніи досмотра, между тѣмъ какъ укладывали вещи обратно въ повозки, я разговорился съ инспекторомъ, и шутя сказалъ ему: «Вы не довольно хорошо досмотрѣли наши вещи. Я не знаю Прусскаго тарифа, и можетъ быть, везу контрабанду.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Мы, сударь, разбираемъ людей, и конечно какого нибудь Жида не досмотримъ слегка, но у насъ есть предписаніе начальства — лучше пропустить неумышленной контрабанды на двѣ-

сти талеровъ, нежели оскорбить благороднаго человѣка обиднымъ подозрѣніемъ.»

Мы проѣхали чрезъ одинъ порядочный городокъ, *Перлебергъ*, по извилистымъ, узкимъ улицамъ. На рыночной площади замѣтилъ я здѣсь старинную каменную колоссальную статую рыцаря съ мечемъ, покрытую плѣсенью и мохомъ. На вопросъ мой, что это за памятникъ, мнѣ отвѣчали: «Это Роландова статуя,» и объявили, что такія же изваянія попадаются во многихъ старинныхъ Нѣмецкихъ городахъ, на Везерѣ, Эльбѣ и Саалѣ. Вообще находятся онѣ въ двадцати восьми мѣстахъ. По народному преданію, онѣ сооружены Карломъ Великимъ, въ память храбраго современника его, рыцаря Роланда, убитаго Сарацинами при Ронсевалѣ, и воспѣтаго Аріостомъ. Но, по вѣроятному мнѣнію другихъ, онѣ воздвигнуты для показанія того, что городъ пользуется верховною судебною

властію, какъ бы въ присутствіи самого императора. Точное имя ихъ было Ругеландъ, т. е. судебный округъ. Не доказано, чтобъ онѣ были поставлены Карломъ Великимъ: вѣроятно, онѣ сооружены гораздо позже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передъ этими статуями ежегодно давали всенародныя праздиества, творили судъ и исполняли смертные приговоры. Вообще, въ Германіи, на каждомъ шагу найдете что нибудь достойное вниманія въ историческомъ отношеніи. Врядъ ли есть въ Европѣ страна, которая такъ часто подвергалась бы опустошительнымъ нашествіямъ и войнамъ, и при всемъ томъ, нигдѣ не сохранилось столько памятниковъ сѣдой старины.

Въ послѣдній разъ перемѣнили мы лошадей въ *нравоучительномъ* Шпàндау, и, какъ сказано, въ исходѣ осьмаго въѣхали въ Берлинъ чрезъ великолѣпныя Бранден-

бургскія Ворота, проѣхали знакомую мнѣ улицу *Подъ Липами*, мимо королевскаго дворца, и остановились у почтоваго дома. Я отправился въ Hôtel de Russie, и занялъ тамъ прекрасную чистую комнату, No 29. Въ послѣдствіи, къ сожалѣнію, я не имѣлъ причинъ быть довольнымъ этою квартирою.

IX.

БЕРЛИНЪ.

Русское посольство. Развлеченія. Видъ города. Зданія. Характеръ Берлина.

Я былъ въ Берлинѣ за осьмнадцать лѣтъ предъ симъ, на обратномъ пути своемъ изъ Франціи въ Россію. Тогда провелъ я въ этомъ любопытномъ городѣ только три дня, изъ которыхъ два дня былъ боленъ и не выходилъ со двора. Помню только липовую аллею, Бранденбургскія Ворота, королевскій дворецъ, статую Курфирста на мосту, Hôtel de St. Pétersbourg. Нынѣ прожилъ я здѣсь девять дней, съ большимъ удовольствіемъ, но этимъ удовольствіемъ насладился я на счетъ удовлетворенія моему любопытству, и вотъ какъ это случилось. Я говорилъ уже, что пріѣхалъ въ

Берлинъ съ нѣсколькими земляками. Первый выходъ мой былъ въ Русское посольство. Посла нашего, А. И. Рибопьерра, не было тогда въ Берлинѣ: онъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ въ самое время моего отъѣзда; но за то, нашелъ я въ посольской канцеляріи стариннаго, искренняго пріятеля, Барона П. Л. Ш., который остановился въ Берлинѣ проѣздомъ на теплыя воды. Такимъ образомъ составился между нами отечественный кружокъ: мы обѣдали въ общей компаніи, проводили вмѣстѣ цѣлые вечера, такъ же ѣздили за городъ, и бесѣдуя между собою по-Русски, иногда вовсе забывали, что живемъ на чужбинѣ. Кругъ нашъ разстроился мало по малу: друзья одинъ за другимъ разъѣхались, и я остался одинъ: давай, думаю, пользоваться Берлиномъ, а тутъ и ударилъ часъ отъѣзда. Впрочемъ я и ѣздилъ не для географіи и статистики, а для отдохновенія, для

освѣженія души и тѣла, которыя превратились было въ корректурную машину.

Описывать ли Берлинъ? Сколько читателей моихъ были въ немъ долѣе моего, знаютъ его подробнѣе и лучше! Сообщу нѣсколько легкихъ очерковъ тамошняго житья-бытья.

Прежде всего должно сказать, что Берлинъ городъ прекрасный, даже въ глазахъ пріѣзжаго изъ Петербурга. Онъ довольно обширенъ, и раздѣленъ рѣкою Шпре на старый и новый городъ. Въ послѣднемъ первенствуетъ часть его, простирающаяся отъ королевскаго дворца до пересѣченія липовой аллеи Фридриховою Улицею; къ югу эта часть простирается до Жандармской Площади, гдѣ стоитъ драматическій театръ (Schauspielhaus). Въ этомъ объемѣ заключается большая часть достопамятнѣйшихъ и важнѣйшихъ зданій, какъ то: королевскій дворецъ, каѳедральная церковь, му-

зей, арсеналъ, университетъ, оперный домъ, публичная библіотека, академіи наукъ и художествъ, Католическая церковь, монетный дворъ, драматическій театръ, всенародные монументы, и пр. Эта часть Берлина въ послѣднее время украшена многими прекрасными зданіями. Прежде сего, насупротивъ дворца была небольшая, обсаженная липами площадка, называвшаяся Lustgarten. На ней стояла мраморная статуя фельдмаршала Князя Дессаускаго. Нынѣ эта статуя перенесена на Вильгельмову Площадь, гдѣ стоятъ изображенія другихъ Фридриховыхъ героевъ, а Lustgarten украшенъ великолѣпнымъ зданіемъ Музея. Предъ портикомъ Музея стоитъ огромная гранитная ваза, и бьетъ прекрасный фонтанъ; площадь усажена тополями. Далѣе, по сторонамъ новой гауптвахты, построенной съ большимъ вкусомъ, стоятъ мраморныя статуи генераловъ Бюлова и Шарнгорста,

а насупротивъ ихъ, между домомъ Короля и зданіемъ оперы, колоссальная бронзовая статуя Блюхера. Сказавъ: *домомъ* Короля, я не ошибся. Нынѣшній Король живетъ не въ большомъ дворцѣ, а въ томъ домѣ, который онъ занималъ, бывъ еще Наслѣднымъ Принцемъ, гдѣ провелъ сладчайшіе для сердца его дни, въ кругу своего семейства. Квартира моя находилась въ двухъ шагахъ оттуда: я не могъ ни разу пройти мимо этого царскаго жилища, не остановясь предъ нимъ. Благородная простота, величественное спокойствіе составляютъ характеръ этого пріюта истиннаго величія и примѣрной добродѣтели. Изъ этихъ укромныхъ покоевъ, думалъ я съ умиленіемъ, истекаетъ спокойствіе, довольство, благоденствіе милліоновъ добрыхъ подданныхъ; тамъ предуготовляется счастіе и нерожденныхъ еще поколѣній: будущее есть необходимое послѣдствіе настоящаго.

*

Къ числу новыхъ произведеній архитектуры въ Берлинѣ должно причислить Фридрихъ - Вердерскую церковь и строящуюся еще Академію Архитектуры, (Bauacademie). Я говорилъ выше (стр. 65) о необходимости, въ которой нашелся архитекторъ построить зданіе церкви гораздо уже нежели предполагалось; но и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она составляетъ прекраснѣйшее произведеніе готической архитектуры. Зданіе имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, оканчивающагося на восточной сторонѣ полудекагономъ. Надъ главнымъ входомъ возвышаются двѣ высокія башни съ плоскимъ верхомъ. Двери и окна стрѣльчатыя. Снаружи зданіе неоштукатурено; украшенія же сдѣланы изъ жженой глины. Эффектъ этого оригинальный и изящный. Церковь построена знаменитымъ Шинкелемъ. Лѣпная работа произведена Фейльнеромъ, по

моделямъ Тика и Шадова. Архитектурная Академія еще не кончена. Она будетъ также неоштукатурена, съ лѣпными глиняными украшеніями. И ее строитъ Шинкель. Этотъ художникъ пріобрѣлъ справедливую славу своими прекрасными произведеніями, но — позвольте незнатоку *свое сужденіе имѣть!* — мнѣ не нравятся *квадратныя окна.* По моему взгляду, окну всего приличнѣе форма соразмѣрнаго паралелограмма, какъ бывало донынѣ. Еще менѣе пріятна глазу противоположная крайность: окна шириною въ одно стекло, вышиною въ шесть, отдѣляемыя одно отъ другаго узкими простѣнками. Такія окна устроены въ зданіи драматическаго театра; воля ваша, некрасиво! — Изъ новыхъ частныхъ зданій отличается домъ Графа Редерна, неподалеку отъ Бранденбургскихъ Воротъ. Вообще зданія въ западной, или новой части Берлина, пересѣкаемой широкими, пря-

мыми улицами, велики и изящны. Особенно нравится мнѣ ихъ наружная штукатурка, гладкая, какъ бы полированная.

Широкая липовая аллея составляетъ не послѣднее украшеніе города, но чувствителенъ недостатокъ въ большой судоходной рѣкѣ. Шпре есть нѣчто въ родѣ нашей Фонтанки, а знаменитый Длинный Мостъ (die Lange Brücke) скорѣе можетъ назваться *короткимъ*. Между тѣмъ, въ чистой здоровой водѣ нѣтъ недостатка. Въ каждомъ домѣ есть колодезь, и сверхъ того по улицамъ размѣщено ихъ около шести сотъ. Всего въ Берлинѣ до шести тысячъ колодезей.

Когда подумаешь, что этотъ прекрасный, цвѣтущій городъ возникъ въ песчаной пустынѣ, далеко отъ большихъ рѣкъ, — нельзя не подивиться силѣ человѣческаго ума и твердой воли! Провидѣніе даровало Пруссіи рядъ Монарховъ, которые, своими

подвигами и трудами, вознесли ее на нынѣшнюю степень могущества, славы и благоденствія. Великій Курфирстъ, блистательный Фридрихъ I, бережливый и попечительный Фридрихъ Вильгельмъ I, безсмертный Фридрихъ II, и нынѣ царствующій Король, твердый въ бѣдствіяхъ, кроткій и благодушный въ счастіи, составили изъ разнородныхъ, противоборствующихъ между собою стихій, одно цѣлое, могущественную, твердую и счастливую монархію, стоящую въ первомъ ряду Державъ Европы. Столица же всегда есть *сокращеніе* государства, *глава* его, *мозгъ*, и вотъ почему Берлинъ такъ великолѣпенъ, красивъ, пріятенъ и разнообразенъ. Между тѣмъ, какъ въ западной его части вращается міръ правительства, наукъ и искусствъ, восточная (старый городъ), уступающая первой въ правильности, изяществѣ и *модности*, кипитъ торговлею и промыслами. Это

нашъ Васильевскій Островъ, Третья Адмиралтейская часть и Владимірская Сторона. Но вообще, если бъ мнѣ должно было выразить характеръ Берлина, я назвалъ бы его городомъ *военно-ученымъ*. И дѣйствительно, въ блистательной его части, учрежденія воинскія и ученыя идутъ рядомъ. Университетъ и арсеналъ, академія наукъ и артиллерійское училище, королевская библіотека и монументъ Блюхера, смѣняются между собою. На улицахъ, кромѣ общей обыкновенной массы народа, офицеры и студенты отличаются предъ всѣми. Впрочемъ, подъ названіемъ студентовъ не воображайте себѣ неряхъ и буяновъ: Берлинскіе питомцы музъ благовидны и благонравны.

X.

Благоустройство. Германскій Таможенный Союзъ.

Довольно нѣсколькихъ дней для того, чтобъ пріобрѣсть наглядное понятіе о какомъ либо городѣ, чтобъ схватить отличительныя черты внѣшняго его характера, чтобъ замѣтить нѣкоторыя странности на улицахъ; — но можно ли въ это короткое время пріобрѣсть основательныя понятія о характерѣ его жителей, объ умственномъ ихъ образованіи, о нравственности, и пр.? Отнюдь нѣтъ, и по этой причинѣ прошу я извиненія у многихъ читателей въ краткости и отрывчивости моихъ замѣтокъ о Берлинѣ. Если бъ я хотѣлъ списывать другихъ путешественниковъ, то могъ бы наполнить цѣлые томы, а мнѣ хочется

пересказать только то, что я самъ видѣлъ и слышалъ.

Болѣе всего поражаетъ странника въ Пруссіи общее благоустройство: во всемъ видишь порядокъ, стройное дѣйствіе всѣхъ пружинъ правленія, безпристрастное правосудіе, кроткую снисходительность къ слабостямъ людскимъ, и строгое преслѣдованіе порока и преступленій. Это происходитъ отъ личныхъ достоинствъ Короля, отъ твердости государственныхъ постановленій и сообразности ихъ съ цѣлію государства, и отъ распространенія образованности, на которой основана общая нравственность. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ выше, и врожденное Нѣмцамъ праводушіе въ исполненіи обязанностей, во многомъ способствуетъ успѣшному достиженію намѣреній благолюбиваго правительства. Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя репрезентативныя или пред-

ставительныя формы отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства. Здѣсь нѣтъ парламентовъ и палатъ, въ которыхъ, по прихоти несмысленной, а иногда и подкупленной толпы, выбирающей своихъ представителей, министры королевскіе обременяются упреками и оскорбленіями; здѣсь нѣтъ журналовъ, въ которыхъ буйные, злонамѣренные, а чаще всего сребролюбивые писаки, своею нескромностью, дерзостью, лживостью, на каждомъ шагу останавливаютъ дѣйствія верховной власти, и самыя благія ея намѣренія представляютъ въ видѣ превратномъ и ненавистномъ. Здѣсь Государь окруженъ избранными имъ благонамѣренными, просвѣщенными, добродѣтельными сановниками, которые совѣстно исполняютъ велѣнія высшей воли посредствомъ чиновниковъ образованныхъ и честныхъ; здѣсь не возбраняется никому говорить, что ему угодно,

но коль скоро это позволеніе употребляется во зло, правительство ставитъ ему предѣлы. Сравните спокойное дѣйствіе государственнаго организма въ Пруссіи, благое вліяніе ея на сосѣдственныя Державы съ скрипомъ, визгомъ и трескомъ представительной паровой машины Французской, которая жаромъ и кипяткомъ обдаетъ и чужихъ и своихъ!

Важнѣйшимъ государственнымъ подвигомъ Пруссіи было составленіе Германскаго Таможеннаго Союза (Deutscher Zollverband). Это дѣло приноситъ величайшую честь мудрости, прозорливости и благоразумію Прусскаго Правительства, и какъ объ немъ у насъ, въ Россіи, не распространено точныхъ понятій, то я считаю нелишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Главнѣйшею причиною бѣдствій, недостатковъ и жалобъ Германіи, было раздробленіе ея на 38 отдѣльныхъ большихъ и

малыхъ государствъ, имѣющихъ различный образъ правленія, различные законы и постановленія, различныя выгоды и мнѣнія. Неоднократно случалось, что Нѣмцы сражались противъ Нѣмцевъ, взаимно вредили другъ другу, помогали внѣшнимъ врагамъ противъ внутреннихъ друзей. Это противоборство стихій Германіи доведено было до высшей степени преобладаніемъ Франціи, притѣсненіями Наполеона и учрежденіемъ Рейнскаго Союза, но въ семъ случаѣ избытокъ зла повелъ къ добру. Германскія правительства и Германскіе народы увидѣли причину своихъ бѣдствій, крывшуюся въ разгласіи и противоборствѣ составныхъ частей Германіи: заключили общій твердый союзъ, и освободились отъ чужеземнаго ига. Между тѣмъ этотъ союзъ существовалъ только для внѣшней обороны, и по возстановленіи общаго мира, прежніе недостатки Германскаго раздробленія сдѣ-

лались явственнѣе и чувствительнѣе. Всѣ великіе государи разныхъ странъ Германіи, Фридрихъ Великій, Іосифъ II, и другіе чувствовали необходимость единства имперіи, для поддержанія ея благоденствія, но не находили средствъ къ достиженію этой цѣли. Нельзя было произвести единства Германіи безъ нарушенія правъ частныхъ владѣльцевъ, безъ потрясенія основаній, на которыхъ она существуетъ издавна. Самое большое неудобство къ преуспѣянію Германіи въ промышлености, искусствахъ и торговлѣ заключалось въ томъ, что она покрыта была сѣтью таможенныхъ линій, которыми правительства отдѣльныхъ ея частей окружили себя отвсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать ста верстъ, не заплативъ нѣсколько разъ пошлины, которой свойство и цѣнность измѣнялись на каждой границѣ. Промышленость, фабрики, искусства, торговля не мог-

ли подняться. Германія уподоблялась тѣлу, окованному во всѣхъ частяхъ своихъ, въ которомъ кровь и жизненные соки не могли имѣть свободнаго обращенія, которое въ изнеможеніи силъ томилось и изнывало. Отъ этого наружнаго зла происходило другое, нравственное. Между отдѣльными государствами Германіи возникли взаимное недоброжелательство, зависть, мстительность. Саксонцы ненавидѣли Прусаковъ, Баденцы Виртембергцевъ, Баварцы Австрійцевъ. Главнѣйшею тому причиною было раздѣленіе и противоборство интересовъ промышленныхъ и коммерческихъ. Государства большія, сильныя и богатыя возбуждали зависть малыхъ, и эти послѣднія охотно приставали къ сторонѣ враговъ Германіи. Было время, что одно имя *Прусакъ* приводило въ трепетъ и злобу всякаго инаго Нѣмца, а виною этому была строгая запретительная система, которою Фридрихъ II отдѣ-

лилъ свои владѣнія отъ прочихъ Германскихъ земель. Слѣдствіемъ этого были, какъ сказано, неудачи, потери и бѣдствія Германіи въ войнахъ съ Французскою Республикою и Наполеономъ.

Сіи обстоятельства обратили на себя вниманіе Прусскаго Правительства. Бывъ издавна убѣждено въ необходимости единства разныхъ владѣній Германскихъ, для обезпеченія ихъ благосостоянія и неприкосновенности извнѣ, оно, наконецъ, нашло вѣрнѣйшее къ тому средство въ разрушеніи преградъ, раздѣлявшихъ досужество, промышленость и торговлю ихъ, въ составленіи общаго Германскаго Союза, основаннаго на выгодахъ всѣхъ его правительствъ и подданныхъ. Благодѣтельный сей планъ былъ приведенъ въ дѣйство исподоволь, съ мудрою осторожностію, съ уваженіемъ къ правамъ сосѣдей. Опыты заключенія торговыхъ союзовъ между второстепенными

Германскими государствами (Баваріею, Виртембергомъ, Баденомъ и пр.), сдѣланные за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ тамошняго купечества, не имѣли большаго успѣха, по малосильности сихъ владѣній, по неимѣнію въ нихъ судоходныхъ рѣкъ, исключительно имъ принадлежащихъ. Пруссія, лучше всякой другой державы Германской, могла этого достигнуть. Первый трактатъ, въ семъ отношеніи, заключенъ былъ съ Великимъ Герцогствомъ Гессенскимъ, 14-го Февраля 1828. Въ 1829 приступили къ нему два Герцогства Саксонскія. Важнѣйшимъ же актомъ въ семъ дѣлѣ было заключеніе трактата Пруссіи съ Баваріею и Виртембергомъ (27-го Мая 1829). Ихъ примѣру послѣдовало Курфиршество Гессенское (25-го Авг. 1831), наконецъ и Королевство Саксонское (1-го Янв. 1832). Въ нынѣшнемъ году приступили къ союзу Великое Герцогство Баденское и Герцог-

ство Нассауское. Приступленіе сихъ послѣднихъ замедлено было тѣмъ, что въ нихъ надлежало вразумить премудрость земскихъ чиновъ о пользѣ заключенія этого союза. Съ городомъ Франкфуртомъ идутъ переговоры. Нынѣ Германскій Таможенный Союзъ заключаетъ въ себѣ всѣ владѣнія Германіи, кромѣ Австрійскихъ, Ганновера, Брауншгвейга, Мекленбургскихъ владѣній и Ганзейскихъ городовъ. Австрія, обладая многими землями внѣ Германіи, и слѣдственно имѣя свои собственныя коммерческія отношенія, не могла вступить въ этотъ союзъ. Въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ преобладаютъ выгоды Англіи. Мекленбургскія владѣнія лежатъ внѣ таможенной линіи, а Ганзейцы руководствуются своими коммерческими расчетами: имъ выгоднѣе привозить заморскій товаръ за малую пошлину, и потомъ продавать въ Германіи.

1-го Января 1834 года Германскій Та-

моженный Союзъ заключалъ въ объемѣ своемъ 10,000 квадр. геогр. миль и около 22,000,000 жителей. Вмѣсто прежнихъ таможенныхъ линій, простиравшихся на 2930 миль, должно нынѣ охранять только 690. Вмѣсто прежнихъ 60 милл. гульденовъ издержекъ на содержаніе таможенъ, требуется теперь не болѣе двухъ милліоновъ. Во всѣхъ государствахъ сего союза существуетъ общій тарифъ, по которому пошлина собирается только на границѣ Германіи, а потомъ товаръ пользуется безпрепятственнымъ пропускомъ по всѣмъ землямъ, составляющимъ союзъ. Всѣ собственныя произведенія земель союза развозятся во всемъ его пространствѣ безпошлинно. Пруссія приняла на себя взиманіе пошлины по всей внѣшней границѣ союза. Таможенный доходъ, по истеченіи года, раздѣляется между правительствами союза, по числу душъ въ каждомъ владѣніи. Трактаты о семъ

между союзными владѣніями заключены на восемь лѣтъ.

Благодѣтельныя послѣдствія сего мудраго плана уже оказываются во всемъ своемъ блескѣ. Важнѣйшія жизненныя потребности упали въ цѣнѣ, и между тѣмъ произведеніямъ небольшихъ государствъ открылся обширный рынокъ. Фабрики, мануфактуры, промыслы всякаго рода оживились. Въ первое время существованія сего союза болѣе всѣхъ прочихъ земель потерпитъ сама Пруссія. Мнѣ сказывали, что она нынѣ теряетъ, отъ упраздненія таможенныхъ сборовъ на границахъ Германскихъ, около двухъ милліоновъ таллеровъ; сверхъ того правительство издерживаетъ значительныя суммы на поддержаніе Прусскихъ фабрикъ, пострадавшихъ отъ привоза дешевыхъ издѣлій Саксонскихъ. Но эти потери и пожертвованія будутъ вознаграждены вскорѣ и съ лихвою. Промышленость обратится

на предметы выгоднѣйшіе, а государственный доходъ пополнится другими сборами, по увеличеніи торговыхъ и мануфактурныхъ сношеній во внутренности. Между тѣмъ мало по малу исчезнутъ недовѣрчивость, недоброжелательство, зависть между разными Германскими землями: онѣ привыкнутъ почитать Пруссію своею защитницею и краеугольнымъ камнемъ въ зданіи Нѣмецкой Имперіи. Исчезнетъ и память о междоусобіяхъ, еще недавно обагрявшихъ поля доблестной, честной, трудолюбивой Германіи. А если бъ со временемъ и случилось, чтобъ которое либо изъ Нѣмецкихъ владѣній, особенно лежащихъ близъ предѣловъ Франціи, вздумало, какъ бывало встарину, искать союза съ давнишними врагами Германіи, и вредить общему благу, Пруссія, имѣя въ рукахъ важнѣйшую часть его доходовъ, могла бы образумить его и парализировать всѣ враждебныя дѣйствія.

И это великое дѣло произведено Пруссіею безъ шуму, безъ разглагольствій, силою опытности, истины и правды. Вотще умники и крикуны въ собраніяхъ земскихъ чиновъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ державъ, старались заглушить голосъ мудрости и благонамѣренности. Общее, единодушное одобреніе всей націи Германской было наградою за благой подвигъ мудраго Фридриха Вильгельма III.

XI.

БЕРЛИНЪ.

Прусскіе солдаты. Офицеры. Ученый Берлинъ. Риттеръ. Эрманъ. Мичерлихъ. Релльштабъ. Вилибальдъ Алексисъ. Литературное собраніе. Мундтъ. Юная Германія. Лирическая поэзія. Множество писателей. Книгопродавцы.

Выше назвалъ я Берлинъ городомъ *военно-ученымъ*. По сей причинѣ, читатели мои могутъ требовать у меня описанія его преимущественно въ двухъ отношеніяхъ — въ военномъ и въ ученомъ. Но что я могу сказать въ первомъ отношеніи — профанъ по военной части и дѣйствительной и приготовительной! Если бъ я былъ журналистъ Парижскій, то конечно имѣлъ бы нѣкоторую опытность въ наступательномъ и оборонительномъ дѣйствіи пистолетами

и шпагами, но, къ счастію, у насъ тактика журналистовъ ограничивается *бранью* другаго рода. Я смѣю судить о *военныхъ* и о *военной службѣ* только по наружности, и въ этомъ отношеніи, не могу скрыть особаго и не очень пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго во мнѣ Прусскими солдатами: они слишкомъ молоды. Я не видалъ въ Берлинѣ тѣхъ старыхъ гренадеръ, которые составляютъ силу и славу арміи, тѣхъ угрюмыхъ воркотуновъ (grognards), которые выносятъ на плечахъ судьбу сраженій. Попадавшіеся мнѣ солдаты были все ребята молодые, плохо выправленные, и, какъ кажется, скучающіе своимъ ремесломъ; мнѣ казалось, что у каждаго написано было на лицѣ: какъ бы скорѣе кончить годы, да махнуть обратно къ маменькѣ, на вассерсупъ! Не думаю, чтобъ съ этими новобранцами можно было одерживать побѣды. Впрочемъ, кажется, что

при нынѣшнемъ состояніи Европы, дѣло до того не дойдетъ, а въ караулъ можно ходить и безъ усовъ (*). — Офицеры Прусскіе, съ которыми мнѣ случилось видѣться, люди учтивые, благовоспитанные. Я имѣлъ порученіе къ одному капитану гвардейскаго Нёфшательскаго баталіона, и пришелъ къ нему не во-время, — когда онъ стригся. Капитанъ, принявъ меня очень учтиво, посадилъ меня и сталъ разговаривать. Между тѣмъ парикмахеръ стоялъ съ ножницами въ рукахъ, и *съ почтеньемъ ждалъ конца*. Разговоръ позатянулся, и капитану стало совѣстно, что парикмахеръ дожидается стоя: онъ взглянулъ на меня съ улыбкою, въ которой изображалось извиненіе, и потомъ, оборотясь къ парикма-

(*) Извѣстный военный писатель Графъ Бисмаркъ (Виртембергскій генералъ и посланникъ при Берлинскомъ Дворѣ) до того отвыкъ отъ старыхъ солдатъ, что не могъ удержать радостныхъ слезъ, взглянувъ въ Петербургѣ на нашихъ усачей, кавалергардовъ и конногвардейцевъ.

херу, сказалъ ему очень учтиво: «Садитесь, пожалуйте!» Разумѣется, что парикмахеръ поблагодарилъ за это приглашеніе и не воспользовался имъ, но мнѣ пріятно было видѣть такое уваженіе къ *человѣку*.

Эга черта въ Пруссіи значительнѣе нежели гдѣ нибудь: она показываетъ совершенное перерожденіе духа Прусской арміи. Семилѣтняя Война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ военныхъ, вознесла на высочайшую степень славу Прусскаго оружія и породила въ Прусакахъ справедливое чувство своего достоинства. Наступили годы мира и тишины; герои вымерли, а преемники наслѣдовали только ихъ гордость, которая, не будучи подкрѣпляема собственными дѣлами, превратилась въ надменность, хвастовство и дерзость. Эти пороки расторгли всѣ связи между воинами и гражданами Пруссіи. Воины презирали гражданъ; граждане ихъ ненавидѣли. Трудно повѣрить,

что въ 1806 году жители Пруссіи радовались несчастіямъ Прусской арміи, и рукоплескали Французамъ! Притомъ должно еще замѣтить, что нижніе чины Прусскіе тогда состояли большею частію изъ навербованныхъ рекрутъ, бѣглецовъ, негодяевъ, а въ офицеры принимались только природные дворяне. Несчастія, постигшія Пруссію, открыли глаза и правительству и народу. Армія была преобразована, и составлена изъ элементовъ національныхъ. Учрежденіемъ ландверовъ открытъ былъ входъ въ нее гражданамъ всѣхъ сословій, и чрезъ семь лѣтъ Прусская армія, совершенно перерожденная, пріобрѣла безсмертную славу.

Берлинъ *ученый* представляетъ любопытному наблюдателю обширное поле, но его можно разсмотрѣть и описать не въ *девять* дней изъ двадцати осьми, удѣленныхъ мнѣ на путешествіе. Я, признаюсь,

съ искреннимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Берлинскій Университетъ, вступилъ въ аудиторію съ невольнымъ трепетомъ уваженія къ корифеямъ наукъ Германскихъ, къ тѣмъ великимъ людямъ, которые преобразовали, усилили, развили умственныя способности человѣчества, обогатили его драгоцѣнными опытами, великими наблюденіями и важными выводами. И теперь, сидя въ уединенной келльѣ трактира Hôtel de Russie, слыша изрѣдка звуки Нѣмецкаго языка, несущіеся ко мнѣ съ улицы, я съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ воображаю, что нахожусь тамъ, гдѣ жили и дѣйствовали великіе мужи, мудрецы вѣковъ. Счастливы тѣ, которые пользовались ихъ уроками, живымъ изліяніемъ ихъ мыслей и чувствованій! Я съ горестью имъ завидую. Мнѣ скажутъ: у тебя есть книги. Книги — мертвыя буквы, угашающія духъ! Воображаю себя сту-

дентомъ, лѣтъ двадцати; переношусь на скамью въ аудиторіи Океиа, Шеллинга, Гегеля, Гееренa, Савиньи, — и потомъ вспоминаю, какъ провелъ свою молодость, съ какимъ трудомъ урывками почерпнулъ немногое изъ мутнаго канала, которымъ протекала къ намъ тогда *живая вода науки!* Молодые люди! питайте въ себѣ священный огнь любви къ безкорыстному служенію наукамъ! Пользуйтесь временемъ и случаемъ. Прійдетъ черствая зрѣлость: вы увидите, что̀ потеряли для всей жизни, и съ унылымъ сердцемъ будете смотрѣть на пройденный вами путь прозы и вседневности. Науки — вѣчные небесные лучи, проникающіе въ темную и временную храмину, гдѣ заключена душа безсмертная; Искусства — мгновенные порывы этой души къ неземному идеалу! вы одиѣ даете человѣку истинное его достоинство, возносите его надъ тлѣніемъ и чувственностію

въ міръ лучшій, посредничествующій между міромъ здѣшнимъ и тѣмъ немерцающимъ свѣтомъ, къ которому душа наша стремится за предѣлы гроба!

Кратковременность пребыванія моего въ Берлинѣ, не позволила мнѣ познакомиться и побесѣдовать со *многими* учеными людьми. Съ Боппомъ мы помѣнялись визитными карточками. Баронъ Ш. познакомилъ меня съ знаменитымъ географомъ Карломъ Риттеромъ, человѣкомъ кроткимъ, скромнымъ, пріятнымъ въ обращеніи. Я былъ у него на лекціи, и слушалъ обозрѣніе водяныхъ сообщеній Европейской Россіи. Это было для меня вовсе не ново, но любопытно то, что Риттеръ ни разу не ошибся ни въ одномъ Русскомъ словѣ, впрочемъ жалуясь на недостаточность пособій къ основательному познанію Россіи. Студенты, наполнявшіе залу, слушали его съ величайшимъ вниманіемъ, и рачительно записывали его

слова. — Я желалъ посѣтить и другія лекціи, особенно Савиньи и Ганса, но во-первыхъ не могъ удосужиться отъ визитовъ, во-вторыхъ боялся жару и духоты въ залѣ. Въ Берлинѣ господствуетъ странный обычай: давать отдохновеніе студентамъ не въ каникулы, когда жаръ прекращаетъ всякую возможность заниматься чѣмъ бы то ни было, а съ половины Августа. Это обыкновеніе, вѣроятно, получило начало свое въ южныхъ странахъ, гдѣ молодыхъ людей отпускали къ родителямъ на время собиранія винограда. Не худо было бы отмѣнить его въ Берлинѣ, гдѣ, въ песчаныхъ окрестностяхъ, едва ли родится брусника.

Самую пріятную бесѣду въ Берлинѣ нашелъ я въ обществѣ профессора Эрмана, извѣстнаго путешествіемъ своимъ по Сибири. Я познакомился съ нимъ и спутникомъ его, Норвежскимъ профессоромъ

Ганстееномъ, въ 1828 году, въ Петербургѣ, за обѣдомъ у Шведскаго посланника Барона Пальмшерны. Эрманъ въ подробности распрашивалъ меня о Россіи, о Русскомъ языкѣ, о средствахъ ему выучиться, и т. п. Я отвѣчалъ, какъ могъ, и увѣрялъ его, что въ самой Россіи, въ обращеніи съ Русскими, онъ нечувствительно узнаетъ и землю нашу и языкъ. Года черезъ два послѣ того входитъ въ мой кабинетъ молодой человѣкъ, котораго я, помнится, гдѣ-то видалъ, и спрашиваетъ по-Русски: «Вы не помните меня Н. И.? — Я Эрманъ, тотъ дикій Нѣмецкій профессоръ, съ которымъ вы обѣдали у Барона Пальмшерны.» — «Вы Эрманъ?» воскликнулъ я съ удивленіемъ: да у кого выучились вы Русскому языку? — «У Русскихъ мужичковъ!» отвѣчалъ онъ простодушне и замысловато. Эрманъ не удовольствовался изученіемъ нашего языка: онъ въ точности изучилъ Россію

и Русскихъ, узналъ и полюбилъ ихъ. Путешествіе его, любопытное во многихъ отношеніяхъ, было жестоко раскритиковано нѣкоторыми Россійскими Нѣмцами. «За что это такъ на васъ нападаютъ?» спросилъ я у него. «Какъ за что? Я пристыдилъ этихъ господъ, что они, живя въ Россіи лѣтъ двадцать, тридцать, не знаютъ Русскаго языка, не понимаютъ Русскаго народа, и все воображаютъ, что сидятъ въ тѣсномъ своемъ кабинетѣ въ Галлѣ или въ Іенѣ. Ваша Россія — цѣлый міръ! Стоитъ труда пристально разсмотрѣть и изучить ее!» Вслѣдъ за этимъ Эрманъ началъ читать наизусть стихи Державина, Жуковскаго, Пушкина, радуясь, что встрѣтилъ *Русское ухо*. Онъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе пригласивъ меня въ день моего отъѣзда, на обѣдъ, съ тестемъ его, знаменитымъ астрономомъ Кенигсбергскимъ, Бесселемъ, извѣстнымъ своими трудами, хи-

микомъ Мичерлихомъ и еще двумя или тремя пріятелями. Я провелъ съ ними время очень пріятно, и тутъ нашелъ еще одного полу-земляка. Разговаривая съ Мичерлихомъ по-Нѣмецки, я замѣтилъ въ его произношеніи что-то не Нѣмецкое, что-то похожее на тотъ языкъ, которымъ говорятъ по-Нѣмецки Шведы. На вопросъ мой, откуда онъ родомъ, Мичерлихъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ родился подданнымъ Россійскаго Императора, именно въ Графствѣ Еверъ, доставшемся Императрицѣ Екатеринѣ II по прекращеніи линіи Ангальтъ-Цербстской, и уступленнаго въ 1816 г. Императоромъ Александромъ Герцогу Ольденбургскому. — Сказываютъ, эта землица благоденствовала подъ верховнымъ владычествомъ Русскаго Императора. Честные Нѣмцы строго исполняли свои обязанности, хотя жили безъ всякаго надзора и контроля: придворные служители исправ-

не дежурили; во дворцѣ каждый вечеръ перестилали постель Государя; каждое утро наливали свѣжія чернила въ чернилицу его кабинета. — Кстати о слѣдахъ Русскихъ въ чужихъ краяхъ. Мы обѣдали съ Эрманомъ въ гостинницѣ придворнаго трактирщика, знаменитаго въ Берлинѣ *Ягора*. И кто былъ этотъ Ягоръ? Егоръ, бѣглый поваръ Русскаго посланника Барона Б***, родомъ Латышъ. Оставивъ своего господина, онъ пошелъ въ услуженіе къ одному Берлинскому трактирщику, женился на его дочери, наслѣдовалъ заведеніе, и прославилъ свое имя. Впрочемъ долгъ справедливости побуждаетъ меня сказать, въ наставленіе Русскимъ путешественникамъ, что лучшая ресторація въ Берлинѣ не у Ягора, а въ Café Royal, Подъ Липами, No 44.

Я имѣлъ случай познакомиться въ Берлинѣ, и съ нѣкоторыми литераторами, къ

сожалѣнію не со многими и на слишкомъ короткое время. При выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, одна бывшая артистка Берлинской сцены, просила меня отдать въ Берлинѣ два письма. Одно изъ нихъ было на имя извѣстнаго литератора Релльштаба. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и вскорѣ по пріѣздѣ въ Берлинъ, отыскалъ Г. Релльштаба. Онъ принялъ меня очень ласково, и пригласилъ на вечеръ. Г. Р. человѣкъ умный, образованный, съ необыкновеннымъ талантомъ, пишетъ въ повѣствовательномъ родѣ, и знатокъ въ музыкѣ. Онъ издаетъ музыкальный журналъ Isis, еженедѣльную литературную газету *Берлинъ и Аѳины*, и сверхъ того участвуетъ въ изданіи Фоссовой политической газеты, составляя въ ней извѣстія заграничныя. Въ досужее время пишетъ онъ романы и повѣсти. Онъ теперь въ жестокой войнѣ съ знаменитымъ капельмейстеромъ Спонти-

ни, который жестоко надоѣлъ всему Берлинскому музыкальному міру. Релльштабъ помѣстилъ въ одной Лейпцигской газетѣ критическую статью, въ которой, говоря о подписи подъ новымъ твореніемъ Спонтини, спрашиваетъ: что значитъ *Sp.*? Спонтини или Spitzbube (мошенникъ)? Спонтини, вмѣсто отвѣта, подалъ на него жалобу въ уголовный судъ, и Релльштабъ, въ то время, какъ я съ нимъ видѣлся, готовился просидѣть шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ (Hausvogtey). — «Что жъ?» говорилъ мнѣ одинъ Берлинецъ: «для литератора это не наказаніе а наслажденіе. Тюрьма помѣщается въ прекрасномъ домѣ. Комнаты въ ней теплыя, просторныя, свѣтлыя; книгъ можетъ онъ взять сколько хочетъ, писать можетъ, что угодно. Сверхъ того ему обѣщано, что молоденькая, миловидная и образованная его жена, въ которую онъ влюбленъ смертельно, получитъ по-

зволеніе провести съ нимъ все это время. Вообразите, онъ освободится отъ скучныхъ визитовъ, отъ необходимости отдавать ихъ.» — «Правда!» отвѣчалъ я, повертывая въ рукѣ визитную карточку Келльштаба, съ загнутымъ угломъ: «но если бъ это было такое наслажденіе, то не для чего было бы ждать судебнаго приговора.»

Я провелъ у Келльштаба пріятный вечеръ, и познакомился съ другимъ литераторомъ, Г. Герингомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вилибальда Алексиса. Онъ отличается въ ряду Нѣмецкихъ романистовъ, и нынѣ занимается редакціею литературной газеты: der Freymüthige. Герингъ прославился своимъ романомъ Валадморъ, который нѣсколько времени слылъ твореніемъ Вальтеръ-Скотта. Мнѣ понравился онъ какимъ-то пріятнымъ добродушіемъ, какою-то благородною откровенностію, которая съ перваго взгляда внушаетъ къ нему ува-

женіе и довѣренность. Либеральные критики издѣваются надъ его Прусскимъ патріотисмомъ, а я искренно его за то уважаю. Вообще можно сказать, что Берлинскіе ученые и литераторы очень учтивы и предупредительны. Въ нихъ вовсе нѣтъ той дурацкой спѣси (morgue), которую я замѣчалъ въ нѣкоторыхъ литераторахъ Французскихъ. Г. Герингъ пригласилъ меня на другой день (увы! это былъ день моего отъѣзда) въ засѣданіе литературнаго Берлинскаго общества. Въ условленное время, въ шесть часовъ послѣ обѣда, Г. Герингъ зашелъ за мною, и повелъ въ Café National, Подъ Липами. Тамъ, каждый Понедѣльникъ, собираются Берлинскіе литераторы и любители словесности, читаютъ другъ другу новыя свои произведенія, сообщаютъ свои замѣчанія и сужденія о новыхъ книгахъ, и т. п. Въ хорошую погоду все собраніе идетъ въ паркъ (Thiergarten),

и продолжаетъ литературную бесѣду на прогулкѣ. Въ этотъ разъ они были опечалены извѣстіемъ объ опасной болѣзни сочлена своего, Шамиссо, который занемогъ въ небольшомъ городкѣ, недалеко отъ Берлина. Я нашелъ тутъ нѣсколько умныхъ и любезныхъ людей, изъ которыхъ назову Штрекфуса, переводчика Тасса и Аріоста, и извѣстнаго географа Цейне, директора института слѣпыхъ. Герингъ отрекомендовалъ меня, и члены, разумѣется, стали распрашивать о моихъ произведеніяхъ. Назвавъ имъ заглавія книгъ, мною изданныхъ, я просилъ ихъ, ради Бога, не судить о насъ, Русскихъ писателяхъ, по тяжелымъ, деревяннымъ переводамъ нашихъ сочиненій, издаваемымъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, моя Поѣздка въ Германію, исковеркана какимъ-то псевдонимомъ Гейротомъ, безъ всякаго милосердія. Нашъ Булгаринъ, сказалъ я имъ, однажды такъ

разсердился на одного изъ своихъ переводчиковъ, что хотѣлъ было поколотить его. «Хорошо же, замѣтилъ смѣясь Штрекфусъ, что Аріоста и Тасса нѣтъ уже на свѣтѣ, а то досталось бы мнѣ отъ нихъ!» Цейне, какъ географъ, сталъ разспрашивать меня о Россіи. Это мой конекъ: гдѣ только можно пояснить мнѣнія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ, тамъ я забываю, что говорю не по-Русски, и Нѣмецкія фразы очень свободно ложатся у меня подъ языкъ. Я такъ заговорился, что Герингъ долженъ былъ напомнить мнѣ о наступленіи времени нашего отъѣзда. Уже было восемь часовъ, а Гамбургскій дилижансъ отправляется въ девять. Я простился съ добрыми, почтенными людьми, которые приняли меня такъ ласково и радушно. Они отправились въ паркъ, а я домой, и оттуда на почту, гдѣ уже прошелъ срокъ, назначенный для пріема пассажирскихъ вещей. Одно

мнѣ спасеніе было въ Русскомъ паспортѣ, а то бы я за пріятную беседу потерялъ свое мѣсто въ дилижансѣ.

Я видѣлъ въ Берлинѣ еще одного литератора, пріобрѣтшаго потомъ незавидную себѣ славу. Одинъ почтенный человѣкъ, въ Петербургѣ, обѣщалъ дать мнѣ письма къ Берлинскимъ литераторамъ, и дѣйствительно прислалъ въ день моего отъѣзда одно, подъ адресомъ: *Herrn Dr. Mundt*, Schönhäuserstrasse, No 11. Это письмо, вмѣстѣ съ другими, лежало на другой день послѣ моего пріѣзда, на письменномъ моемъ столикѣ. Г. Ш., увидѣвъ его невзначай, сказалъ мнѣ: «Вы увидите въ Мундтѣ одного изъ представителей Юной Германіи.» Это возбудило мое любопытство. Я поспѣшилъ съ письмомъ къ Г. Мундту, и нашелъ въ немъ молодаго человѣка пріятной наружности, учтиваго, скромнаго, почти застѣнчиваго. А я думалъ было встрѣ-

тить какого нибудь брамарбаса! Онъ обошелся со мною очень вѣжливо, и на вопросъ, чѣмъ онъ теперь занимается, отвѣчалъ, что пишетъ біографію несчастной Шарлотты Шт., которая, за полгода до того, въ какомъ-то странномъ изступленіи, лишила себя жизни кинжаломъ. Миніятюрный портретъ ея висѣлъ надъ софою. Мужъ этой несчастной мечтательницы, другъ Мундта, убѣдилъ его написать біографію молодой женщины, которая, своими дарованіями, умомъ и образованностію, достойна была лучшей участи, и тѣмъ избавить ея память отъ нареканій клеветы и злорадства. Г. Мундтъ занимался этимъ дѣломъ усердно и добросовѣстно. Вообще мнѣ казалось, что онъ человѣкъ съ умомъ, познаніями и душею, но огорченъ препятствіями въ жизни, и питаетъ ненависть къ людямъ. Въ бесѣдѣ его было какое-то безпокойство, какая-то нетерпѣливость. Въ

послѣдствіи нашелъ я его имя въ спискѣ тѣхъ полоумныхъ молодыхъ писателей Нѣмецкихъ, которые, въ пылу разгоряченнаго воображенія, задумали составить союзъ Юной Германіи по примѣру пресловутой Юной Франціи, написали нѣсколько вздорныхъ книжонокъ, но были усмирены мѣрами, принятыми на Германскомъ Сеймѣ. Кроткое Прусское Правительство, сожалѣя о нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ, вовлеченныхъ въ это общество обманомъ и коварствомъ, образумило ихъ отеческою снисходительностію, и обратило на путь полезныхъ граждань. Сказываютъ, что молодые люди охотно воспользовались указаніями благоразумія и кротости, и оставили стезю, которая могла ихъ вести только къ несчастію и безславію. Въ числѣ ихъ былъ и Г. Мундтъ, какъ я читалъ потомъ въ газетахъ. Эта Юная Германія, надѣлавшая много шуму въ журналахъ, въ

самомъ дѣлѣ не стоила большаго вниманія. Главными представителями ея были Бёрне и Гейне. Бёрне, родомъ Еврей, человѣкъ съ отличными дарованіями и быстрымъ умомъ, выросъ подъ гнетомъ жестокаго, унизительнаго ига, которымъ были обременены его соплеменники въ Германіи. Онъ крестился, но это не освободило его отъ нареканій: вездѣ встрѣчались ему непреодолимыя препятствія, горькія униженія, смертельныя обиды. Единовѣрцы его ищутъ спасенія и отрады въ пріобрѣтеніи богатства, и потомъ съ самодовольнымъ презрѣніемъ смотрятъ, какъ нынѣ пресмыкаются у ногъ ихъ тѣ самые, которые прежде того ихъ обижали. Бёрне не умѣлъ или не хотѣлъ употребить этого средства. Въ душѣ его затаилась глубокая ненависть къ людямъ. Она излилась въ смѣлыхъ и дерзкихъ сочиненіяхъ. Его стали преслѣдовать; онъ удалился въ Парижъ, и живетъ тамъ —

больной, глухой, оставленный всѣми — даже прежними своими друзьями и сотоварищами. — Гейне, племянникъ богатѣйшаго Гамбургскаго банкира, обратилъ на себя вниманіе Германской публики своими остроумными юмориститическими сочиненіями и прекрасными стихами. Отрывки изъ его Reisebilder, были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ (1832 г.), а Флорентинскія Ночи въ Московскомъ Наблюдателѣ. Успѣхъ блистательный и, можетъ быть, неожиданный избаловалъ молодаго человѣка. Онъ сталъ писать смѣлѣе и смѣлѣе, особенно послѣ іюльской революціи, отъ которой Нѣмцы ожидали себѣ не вѣсь чего. За нимъ начали присматривать; онъ улизнулъ въ Парижъ, думая найти себѣ тамъ пріютъ и раздолье. Но между тѣмъ мода демагогіи прошла во Франціи. Гейне не нашелъ во Французскихъ литераторахъ отзыва на свои возгласы; его увѣрили, что разгла-

гольствія о правахъ народа, о равенствѣ и свободѣ принадлежатъ уже къ Древней Исторіи, что хорошій тонъ Парижскаго общества предписываетъ хвалить благоустройство и повиновеніе, вспоминать съ сожалѣніемъ о временахъ старшихъ Бурбоновъ, и посылать вслѣдъ за удалившеюся королевскою фамиліею искренніе вздохи. Гейне образумился, и повернулъ направо кругомъ, взбилъ себѣ тупей, раздушился, надѣлъ лощеныя перчатки, взялъ въ руки тросточку съ золотымъ набалдашникомъ, и явился въ гостиныхъ. Съ тѣхъ поръ онъ работаетъ для Французскихъ первоклассныхъ журналовъ: переводы его статей печатаются въ Revue des deux Mondes, а подлинники въ Morgenblatt. Роль писателя-демагога крайне ему надоѣла. Недавно писалъ онъ къ одному пріятелю своему, служащему медикомъ въ Р — сіи: «Ты счастливъ въ службѣ царской. Я об-

рекъ себя на служенiе самому неблагодарному монарху — народу, и сто разъ въ этомъ раскаивался.» Съ Бёрне онъ совершенно разошелся. Однажды, когда у Гейне сидѣли нѣсколько Французовъ свѣтскихъ, опрятныхъ, нарядныхъ, ввалился къ нему въ комнату неуклюжій Бёрне, съ атмосферою кнастеру и чесноку, растрепанный и немытый, и съ перваго слова, самымъ дружескимъ тономъ, потребовалъ пива и трубки. Молодые Парижане расхохотались, а Гейне приведенъ былъ въ величайшее смущенiе. Потомъ выговаривалъ онъ земляку своему его неопрятность, невѣжливость и неумѣнье жить въ свѣтѣ. Бёрне разсердился, назвалъ его ренегатомъ и разбранилъ въ газетахъ.

Между тѣмъ, какъ эти корифеи юной словесности слагали съ себя оружiе и отрекались отъ дальнѣйшей службы — каждый по своей причинѣ, — подражатели и

послѣдователи ихъ продолжали пѣть прежнюю пѣсню. Это были Винбаргъ, Гейнрихъ Лаубе и Гуцковъ. Самый гнусный изъ нихъ послѣдній. Сначала былъ онъ сотрудникомъ Менцеля въ изданіи литературнаго листка при Morgenblatt, а потомъ сталъ писать на свою руку. Прошлаго года умеръ въ Берлинѣ профессоръ Богословія и пасторъ Шлейермахеръ, просвѣщенный и благочестивый пастырь, краснорѣчивый ораторъ. Весь Берлинъ сожалѣлъ о его потерѣ, искреннія слезы орошали его могилу. Среди этого справедливаго сѣтованія вдругъ появляется въ печати сочиненіе Шлейермахера: *Письма о Шлегелевой Луциндѣ*. Надобно знать, что Фридрихъ Шлегель, лѣтъ за тридцать слишкомъ, написалъ романъ Луцинда, въ которомъ не очень строго соблюдены были правила благопристойности. Старики, разумѣется, негодовали на эту смѣлость; молодые люди ею восхищались.

Шлейермахеръ, бывшій въ то время, кажется студентомъ, написалъ нѣсколько журнальныхъ статей въ защиту Луцинды. Гуцковъ выкопалъ эти забытыя статьи, и напечаталъ съ предисловіемъ, въ которомъ обругалъ всѣхъ Берлинскихъ пасторовъ, и наконецъ явно признался, что самъ онъ атеистъ. Противъ него возсталъ Менцель, и обнаружилъ всю низость этого поступка, всю гнусность излагаемыхъ Гуцковымъ правилъ. Этотъ не унялся, и напечаталъ еще нечестивый романъ: *Валли*, который, сказываютъ, цинисмомъ и презрѣніемъ ко всему святому, превосходитъ все прочее. Терпѣніе правительства лопнуло. Гуцкова предали суду въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, и приговорили къ трехмѣсячному аресту! Онъ высидитъ урочное время, а потомъ опять начнетъ свои подвиги. Кажется, на это должно бъ было употребить средства. дѣйствительнѣйшія. Впрочемъ излишекъ

зла, какъ обыкновенно, повредилъ самому злу. Многіе друзья и приверженцы новой школы, увидѣвъ, къ чему она ведетъ, наконецъ, какъ мы сказали, ужаснулись и отреклись отъ нея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что эти уродливыя исчадія безумныхъ вралей умрутъ своею смертію, и литература вновь обратится на свою благородную стезю. Объ этомъ господствуетъ въ Германіи одинъ голосъ. Это сдѣлается тѣмъ легче, что сіи жалкія произведенія суть творенія отнюдь не Германскія, а только отголосокъ революціонной школы Французской. Къ счастію, политическія мнѣнія Германіи, взволнованныя іюльскою революціею, примѣтно успокоились. Нѣмцы увидѣли на опытѣ, что насильственныя перемѣны въ правленіи не ведутъ ни къ чему хорошему; что репрезентативный образъ правленія не служитъ порукою въ счастіи народовъ, и что всякій быстрый переходъ

сопряженъ съ потерями, бѣдствіями и страданіями. При тщательномъ наблюденіи образа мыслей въ Германіи, дѣйствія производимаго треволненіями Франціи и Испаніи, и кротости, праводушія и благоразумія большей части Нѣмцевъ, я увѣрился, что спокойствіе въ Германіи будетъ укрѣпляться со дня на день, и вскорѣ возобновится то счастливое время, въ которое возникла Нѣмецкая литература. Этотъ періодъ продолжался отъ конца Семилѣтней Войны до начала Французской революціи. Науки и словесность процвѣтали въ Германіи подъ кровомъ мира и тишины. Веймаръ, гдѣ жили Гете, Гердеръ, Виландъ, Шиллеръ, прозванъ былъ Нѣмецкими Аѳинами. Берлинъ сдѣлался средоточіемъ умственнаго движенія Германіи. Волненія Французской революціи и послѣдовавшія за тѣмъ войны все восколебали, разрушили, ниспровергли. Съ тѣхъ поръ Нѣмецкая литература

не можетъ устояться. Но еще нѣсколько лѣтъ мира; еще нѣсколько опытовъ разочарованія въ несбыточныхъ мечтаніяхъ, — политика лишится правъ своихъ на умы, и все прійдетъ въ свой порядокъ. Дай Богъ!

Впрочемъ и въ нынѣшней Нѣмецкой литературѣ появляются произведенія превосходныя и заслуживающія уваженіе. Болѣе всего обработывается теперь, сколько я могъ замѣтить, поле поэзіи лирической, или лучше сказать пѣсенной. Лирическія стихотворенія Уланда, Шваба, Рюкерта, Шамиссо, Грина, Бехштейна, Зедлица, не говоря уже о прекрасныхъ мелкихъ пьесахъ Гейне, могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями всѣхъ народовъ. Въ Петербургѣ, рѣдко бывая въ обществахъ Нѣмецкихъ, я не могъ познакомиться съ этою частью литературы, поддерживаемой болѣе всего общественною жизнію и прекраснымъ поломъ; но здѣсь, въ сердцѣ Германіи, узналъ

много прелестныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя отнюдь не уступаютъ знаменитымъ произведеніямъ Беранже. Особенно хороши въ нихъ картины семейной жизни. Нѣмцы несносны мнѣ только, когда они хотятъ садиться въ чужія сани — умничать и остриться: это должны они предоставить Французамъ. Съ наслажденіемъ читая Германскихъ поэтовъ въ ихъ изліяніяхъ душевныхъ, я не въ состояніи постигнуть ихъ юмористовъ, не могу понять, что они находятъ въ своемъ Жанъ-Полѣ, Тюммелѣ и другихъ пресловутыхъ острякахъ Германскихъ: натянуто, тяжело, темно, скучно. Всякому свое. Es lebe die deutsche Gemüthlichkeit, и vive l'esprit français!

Мнѣ кажется, что въ Германіи много препятствуетъ возвышенію литературы на приличную ей степень — непомѣрное размноженіе числа пишущихъ: въ тысячахъ

Нѣмецкихъ писателей, геніи не могутъ считаться десятками, а люди съ талантомъ сотнями. Большинство состоитъ изъ цеховыхъ поставщиковъ, пишущихъ насущнаго хлѣба ради, передѣлывающихъ старыя вещи на новый ладъ, ухищряющихся, какъ бы изъ девяноста девяти черствыхъ книгъ, составить сотую свѣжую. Эти несчастные писаки, большею частію, состоятъ на жалованьѣ книгопродавцевъ, и пишутъ не то что знаютъ и чувствуютъ, къ чему влечетъ ихъ врожденная склонность и собственное занятіе — а то, что закажетъ благоразумный фабрикантъ. «Благоволите де къ Пасхальной Ярмаркѣ (Ostermesse) написать *Руководство къ винодѣлію*, въ одномъ томѣ, въ осьмушку, листовъ въ двадцать, съ тремя картинками, не болѣе!» гласитъ приказаніе, и голодный скрибентъ, который отъ роду не пивалъ вина, довольствуясь ужасною бурдою (ее въ Берлинѣ ве-

личаютъ Weisslagerbier), который никогда не видалъ винограду на стеблѣ — пишетъ требуемое! Отъ этого, когда я въ концѣ объявленій читаю: Herr N. N. (книгопродавецъ) gedenkt ein mässiges Octavband zu liefern, меня всегда морозъ по кожѣ подираетъ! Германскіе книгопродавцы составляютъ особенное, достойное вниманія и уваженія сословіе: въ числѣ ихъ есть люди весьма весьма образованные, ученые, ревнители просвѣщенія; таковы были или суть: Котта, Брокгаузъ, Бартъ, Ганъ, Реймеръ, Пертесъ, и многіе другіе. Механисмъ книжной торговли доведенъ въ Германіи до высшей степени совершенства. Въ Гамбургѣ простоялъ я битый часъ въ лавкѣ Пертеса и Бессера, любуясь на одного прикащика, который разбиралъ кипы новыхъ книгъ, привезенныхъ изъ Лейпцига, въ листахъ: по упаковкѣ или по веревочкамъ онъ угадывалъ, отъ какого книгопродавца

онѣ присланы, мигомъ схватывалъ фактуру (роспись съ обозначеніемъ цѣнъ), и ставилъ карандашемъ на каждомъ экземплярѣ цѣну его шифрами, разговаривая между тѣмъ со мною, и давая оцѣнку, очень справедливую, и издателямъ и авторамъ. Дѣло мастера боится! Но, какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и въ числѣ Нѣмецкихъ книгопродавцевъ есть корыстолюбцы и негодяи. Не говорю уже о тѣхъ, которые перепечатываютъ чужія сочиненія: они давно заклеймены печатію общаго отверженія. Есть изъ нихъ такіе, которые плутуютъ, не подвергаясь взысканію по словамъ и существу законовъ. Напримѣръ, затѣявъ большія изданія, въ нѣсколько томовъ, долженствующія продолжаться извѣстное число лѣтъ, они начинаютъ ихъ при помощи лицъ, пріобрѣтшихъ общую довѣренность и знаменитость въ Германіи, и по напечатаніи двухъ или трехъ томовъ, принимаются оскорблять

авторовъ разными придирками, грубостями, нелѣпыми требованіями. Писатели народъ рьяный и нетерпѣливый. Надѣясь на цѣну и важность своего имени, редакторъ или сотрудникъ подобнаго творенія отказывается отъ участія въ изданіи, а этого книгопродавцу и надобно. При извѣстности первоначальнаго редактора и его сотрудниковъ, собрано значительное число подписчиковъ, заведены важныя и необходимыя связи, устранены препятствія и затрудненія, сопряженныя съ началомъ всякаго большаго труда. Книгопродавецъ нанимаетъ какого нибудь поденьщика, беретъ въ помощники ему разстриженныхъ пасторовъ, бѣглыхъ жидовъ, изгнанныхъ студентовъ, и продолжаетъ начатое. Пойдетъ — хорошо, не пойдетъ — издатель-книгопродавецъ удаляется отъ изданія (zieht sich zurück), то есть объявляетъ себя банкрутомъ, и дѣло или совершенно останавливается, или продол-

жается другими спекулантами. Теряетъ одна публика. Такъ, я не могу смотрѣть безъ горестнаго чувства на недоконченное изданіе Общей Нѣмецкой Энциклопедіи: оно начато, въ 1819 году, Эршемъ и Груберомъ, и теперь продолжается Богъ знаетъ кѣмъ, и врядъ ли кончится въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Я слышалъ однако, что за эту книгу взялся знаменитый Брокгаузъ: авось-либо воскреснетъ.

Впрочемъ, гдѣ зло, тамъ и лекарство. Въ Лейпцигѣ издается книгопродавческая газета, въ которой раскрываются всѣ штуки и продѣлки книжныхъ торгашей. Нерѣдко видишь въ ней презабавныя объявленія, какъ, напримѣръ, слѣдующее: «Г. книгопродавецъ N. въ N. N. (имена всѣ выписаны) взялъ у меня книгъ на 500 талеровъ, и не заплатилъ ни гроша въ теченіе пяти лѣтъ. О чемъ, къ должному свѣдѣнію, симъ объявляется. Книгопродавецъ ***.» — Или вотъ

еще какія: «Сочинительница *Переписки Гете съ ребенкомъ*, изволитъ разглашать, что я взялъ съ нее лишніе проценты за продажу этой книги. Не желая имѣть дѣла съ людьми несправедливыми и съ безтолковыми бабами, объявляю, что отнынѣ не стану ни печатать, ни продавать ея сочиненій. Книгопродавецъ N.»

Что, если бъ у насъ издавалась такая газета? Матеріяловъ нашлось бы довольно.

XII.

БЕРЛИНЪ.

Поѣздка въ Потсдамъ. Монументъ на Крейцбергѣ. Павлиній Островъ. Гробъ Фридриха II. Санъ-Суси. Шарлоттенгофъ. Александровка. Земляки.

Во все время пребыванія моего въ Берлинѣ погода стояла прекрасная. Только 2-го Іюля было пасмурно, сыро, что-то по нашему, по-Петербургскому, и этотъ день я,, какъ на зло, назначилъ, по расписанію, на поѣздку въ Потсдамъ. Отъ того всѣ предметы, на этой прогулкѣ, казались мнѣ подернутыми какою-то сѣрою тѣнью. Насъ поѣхало трое, А. А. Ш., подполковникъ Сл. и я. Дорога въ Потсдамъ пролегаетъ по песчанымъ полямъ и угрюмымъ рощамъ. При выѣздѣ изъ города, на лѣвой рукѣ, на самой возвышенной точкѣ

окрестностей Берлина, такъ называемой Крестовой Горѣ, возвышается памятникъ освобожденія Пруссіи отъ Наполеонова ига, въ 1813 и 1814 годахъ. Памятникъ этотъ состоитъ изъ готической башни, вылитой изъ чугуна, по рисункамъ *Шинкеля*. Въ срединѣ башни находятся аллегорическія изваянія въ двѣнадцати нишахъ, надъ которыми начертаны наименованія двѣнадцати побѣдъ, одержанныхъ союзниками. На главномъ фронтонѣ монумента надпись: *Король народу, жертвовавшему, по его воззванію, достояніемъ и кровію для отечества; падшимъ въ память, живымъ въ признательность, грядущимъ вѣкамъ въ соревнованіе.*— Съ этого возвышенія представляется страннику прекрасный видъ: въ ясную погоду, говорятъ, видны оттуда двѣнадцать городовъ и болѣе пятидесяти деревень.

На половинѣ дороги въ Потсдамъ, лежитъ, на рѣкѣ Гавелѣ небольшой островъ,

называемый *Павлинымъ* (Pfaueninsel), длиною въ 2000, шириною въ 500 шаговъ. Въ концѣ XVII столѣтія жилъ тутъ знаменитый алхимикъ Кункель фонъ Левенштернъ, и варилъ золото въ своей лабораторіи. Потомъ этотъ островъ отошелъ въ казенное вѣдомство, и съ 1794 по 1797 годъ превращенъ въ прекраснѣйшій садъ. Мы переѣхали туда, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, на лодкѣ, и нагулялись досыта. Королевскій домъ выстроенъ въ видѣ Римской виллы, разрушающейся отъ ветхости — оригинально и прекрасно! Особенно любовались мы прекрасною оранжереею, въ которой собраны самыя рѣдкія растенія. Удовольствіе наше усугубилось еще тѣмъ, что въ числѣ посѣтителей случился здѣсь инспекторъ Королевскаго Ботаническаго Сада Г. Отто; онъ указывалъ и объяснялъ намъ самыя рѣдкія растенія. И внѣ теплицъ, есть на этомъ острову множество разно-

родныхъ деревъ — удивительно, какъ оии принялись въ такомъ песчаномъ грунтѣ! На этомъ острову Король проводитъ время съ своимъ семействомъ, въ удаленіи отъ свѣтскаго шуму. Здѣсь все тихо, просто, уютно. — Мы хотѣли было посѣтить Русскую усадьбу, Никольское, но намъ напомнили, что уже поздно, что пора ѣхать въ Потсдамъ, и успокоили патріотическій порывъ увѣдомленіемъ, что въ Потсдамѣ есть цѣлая Русская деревня. Не что! Поѣдемъ.

Потсдамъ городъ довольно обширный, прекрасно выстроенный, имѣетъ слишкомъ 30 тысячъ жителей, но удивительно тихъ, молчаливъ и — скученъ. Самое любопытное мѣсто въ Потсдамѣ есть тамошняя гарнизонная церковь, въ которой хранятся смертные останки двухъ Королей Прусскихъ. Церковь снаружи величественна и имѣетъ высокую башню, на которую ведутъ 365 ступеней, но внутреннее ея убран-

ство просто, по требованіямъ Вѣроисповѣданія Протестантскаго. Король, его фамилія и знатнѣйшіе сановники садятся на простыхъ старинныхъ стульяхъ. По стѣнамъ висятъ изображенія изъ земной жизни Спасителя, трудовъ знаменитѣйшихъ артистовъ Берлинскихъ. Великолѣпная каѳедра изваяна изъ бѣлаго мрамора. За нею, въ просторной нишѣ, стоятъ на полу два гроба — одинъ величины колоссальной, другой гораздо меньше: въ первомъ покоится Фридрихъ Вильгельмъ I, въ другомъ великій сынъ его, Фридрихъ II. Снаружи гробы обшиты деревомъ темнаго цвѣта; на нихъ нѣтъ ни какихъ украшеній, ни надписи. Гробъ отца выложенъ внутри мраморомъ, и отъ того такъ огроменъ; тѣло Фридриха лежитъ въ простомъ свинцовомъ гробу. Всегдашній полусвѣтъ господствуетъ этомъ пріютѣ усопшаго величія. Тѣни минувшаго вѣка носятся во мракѣ надъ брен-

ными останками одного изъ величайшихъ Государей, когда либо царствовавшихъ въ мірѣ. — — Подлѣ каѳедры висятъ Французскіе орлы и знамена, взятые Пруссаками въ 1813-1815 годахъ. Подъ ними хранится мундиръ, который носилъ Императоръ Александръ Павловичъ, въ званіи шефа Прусскаго гренадерскаго полка своего имени. На черной мраморной доскѣ начертаны имена офицеровъ Прусской гвардіи, падшихъ въ брани за независимость и честь отечества.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть знаменитый дворецъ *Санъ-Суси*, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Фридрихъ. Строеніе, въ одинъ этажъ, возвышается надъ садомъ, расположеннымъ шестью уступами по косогору. Съ другой стороны дворецъ окруженъ открытою колоннадою, подъ которою на старости Короля, бывали разводы въ дурную погоду. Всѣ комнаты передѣланы при

его преемникѣ; въ прежнемъ видѣ осталась только его библіотека, круглая комната, обставленная по сторонамъ до самаго потолка шкапами. На столѣ лежитъ большая книга въ листъ, въ сафьянномъ переплетѣ: *Военное Искусство* (l'art de la guerre) Пюнсегюра. Говорятъ, что великій Государь читалъ ее за нѣсколько дней предъ своею кончиною. Въ другой комнатѣ показываютъ кресла, въ которыхъ онъ испустилъ духъ свой; далѣе столовые часы, остановившіеся въ минуту его смерти. Вотъ галерея, великолѣпно украшенная во вкусѣ XVIII вѣка, по которой онъ прогуливался, играя на флейтѣ. Я выглянулъ въ окно: вотъ мельница, которой не уступилъ хозяинъ тому, кто не уступалъ Европѣ. — — Вотъ тамъ, на уступѣ терассы, подъ небольшими плитами, зарыты любимыя его собачки: Алкмена, Филлида, Тизбе, Паксъ, Діана, Амуретта, Бишь, Сюпербъ и пр. Вотъ за руч-

ку этихъ дверей хватались Вольтеръ, Даржансъ и другіе Французскіе любезники, забавлявшіе Короля въ часы отдохновенія. Здѣсь сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, и занимался дѣлами государственными: все читалъ, во все вникалъ, все рѣшалъ мудро, справедливо (сколько человѣкъ справедливъ быть можетъ) и остроумно. Онъ отправлялъ должность государя, какъ чиновникъ обязанный присягою и получающій жалованье, и не рѣдко говорилъ: «я только первый слуга государства.» — Наканунѣ смерти его, каммердинеръ сказалъ врачамъ: «Видно плохъ въ здоровьѣ нашъ Король: сегодня, въ первый разъ въ сорокъ шесть лѣтъ, онъ забылъ о дѣлахъ кабинетныхъ.» — Фридрихъ былъ истинно великъ умомъ и душею. Одно чувство, кажется мнѣ, въ немъ преобладало — это было презрѣніе къ людямъ: тѣ самые люди, отъ которыхъ онъ терпѣлъ въ своей молодости,

вдругъ превратились въ самыхъ низкихъ рабовъ и льстецовъ, лишь только увидѣли его на престолѣ. Онъ видѣлъ, какъ люди продаютъ честь, совѣсть, душу для удовлетворенія своей жадности къ деньгамъ и мишурнымъ почестямъ; видѣлъ слабости, низость, раболѣпство, коварство, клевету, доносы, — не терпѣлъ людей — и благотворилъ имъ. Если находилъ человѣка, отличнаго по нравственнымъ и умственнымъ отношеніямъ, то привязывался къ нему на всю жизнь, но какъ рѣдки были такіе люди! Первымъ его, неизмѣннымъ другомъ была достойная сестра его, умная Маркграфиня Байрейтская. Онъ уважалъ и любилъ Фельдмаршаловъ Шверина и Кита (Keith), Цитена, Алгаротти, котораго называлъ Италіянскимъ лебедемъ, Гишара, котораго прозвалъ по имени адъютанта Цесарева, Квинтомъ Ициліемъ, и съ которымъ часто ссорился какъ съ равнымъ себѣ,

Герцберга, ле-Канта и нѣкоторыхъ другихъ. Многихъ остряковъ и умниковъ держалъ онъ при себѣ для забавы, тѣшился ихъ спорами, шутками, насмѣшками, самъ дразнилъ ихъ, но не уважалъ въ душѣ, и при первой дерзости высылалъ за границу. Онъ привязанъ былъ къ своимъ собакамъ: онѣ его любили искренно, безкорыстно, не требуя ни денегъ, ни чиновъ. Бишь доказала ему всю свою вѣрность въ одномъ критическомъ случаѣ. Въ Семилѣтнюю Войну, послѣ одного проиграннаго сраженія, Фридрихъ спасался на усталой лошади отъ преслѣдованія непріятелей, и видя, что Венгерскіе гусары настигаютъ его, спрятался подъ мостомъ. Тутъ, откуда ни взялась, Бишь — бросилась къ своему господину, стала къ нему ласкаться, визжать, лаять на лошадь. Конскій топотъ приближался. Фридрихъ, боясь, чтобъ Бишь не измѣнила ему, приказалъ ей лечь. Смышленое жи-

вотцое поняло мысль своего господина, прилегло къ ногамъ его, и не шевелилось, доколѣ гусары не проскакали по мосту...... Одинъ иностранный министръ сказалъ ему однажды, что эта привязанность къ собакамъ очень удивительна въ такомъ великомъ Государѣ. — «Что тутъ удивительнаго?» возразилъ онъ: «Алкмена обходится мнѣ гораздо дешевле нежели Графиня Помпадуръ Королю Французскому, а любитъ меня нѣжнѣе и вѣрнѣе!»

Тысячи разнородныхъ мыслей толпились у меня въ головѣ, когда я ходилъ по опустѣвшимъ заламъ Санъ-Суси: я вспоминалъ о галереѣ Версальской, о Сенъ-Клу, о Мальмезонѣ, о Царскомъ Селѣ, о Петергофѣ, сравнивалъ, мечталъ. Весь осьмнадцатый вѣкъ носился въ моемъ воображеніи. Воля ваша, а этотъ вѣкъ имѣлъ свои достоинства — великія, неотъемлемыя. Начатый Петромъ Великимъ, продолжаемый

крестникомъ его, Фридрихомъ (*), Екатериною II, Іосифомъ, Густавомъ III, Георгіемъ III, Карломъ III Испанскимъ, Леопольдомъ, благороднымъ Ганганелли, увѣковѣченный талантами великихъ полководцевъ, украшенный геніемъ безсмертныхъ мыслителей и писателей, онъ и не мечталъ объ ужасной развязкѣ въ концѣ своемъ. Но — пути Провидѣнія неисповѣдимы!

Осмотрѣвъ Санъ-Суси, живущій воспоминаніемъ лѣтъ протекшихъ, мы поѣхали въ *Шарлоттенгофъ*, новый загородный дворецъ нынѣшняго Наслѣднаго Принца. Домъ не большой, но красивый и уютный, построенъ въ саду, богатомъ прекрасными и рѣдкими деревами, кустарниками и цвѣтами, посреди которыхъ бьютъ прохладительные фонтаны. Привратница водила насъ

(*) Воспріемниками Фридриха были: Римскій Императоръ Карлъ VI, Царь Петръ Алексѣевичъ, Республика Голландская и Кантонъ Бернъ.

по комнатамъ дворца, украшеннымъ и меблированнымъ съ изящнымъ вкусомъ. Стѣны расписаны арабесками съ Геркуланскихъ подлинниковъ. Въ комнатахъ висятъ гравюры превосходнѣйшихъ произведеній живописи. Крыльцо, озаренное пріятнымъ *лиловымъ* свѣтомъ, проникающимъ сквозь цвѣтныя стекла, служитъ иногда столовою комнатою для царственнаго семейства. Прелестна галерея, идущая въ садъ. Стѣны ея расписаны арабесками, въ которыхъ помѣщены медаліоны съ портретами особъ королевской фамиліи и ближайшихъ ея родственниковъ. Съ пріятнымъ изумленіемъ нашелъ я въ числѣ этихъ портретовъ лица знаменитыхъ Берлинскихъ художниковъ, Шинкеля и Рауха! — Въ комнатахъ много прекрасныхъ, дорогихъ, рѣдкихъ вещей, но самое пріятное впечатлѣніе произвелъ во мнѣ — что вы думаете? богатый часовой футляръ (porte-montre), въ которомъ

вставлены были оловянные часы, дѣтская игрушка, съ грубою тесемкою, вмѣсто цѣпочки. Принцъ Вильгельмъ купилъ за два гроша эту игрушку на дорогѣ въ Шарлоттенгофъ, куда ѣхалъ въ первый разъ, и поднесъ ее своей невѣсткѣ, Наслѣдной Принцессѣ, на новоселье. При общемъ смѣхѣ всей фамиліи, Принцесса вложила эти часы въ великолѣпный футляръ, и хранитъ какъ самый драгоцѣнный подарокъ. Такія черты семейственной добродѣтели, братской любви, довѣренности, откровенности, между особами царственныхъ семействъ — лучшая конституція для народовъ, самое прочное ручательство въ ихъ счастіи и благоденствіи. Добрый сынъ, добрый братъ, добрый отецъ — не можетъ не быть добрымъ государемъ.

Впрочемъ не все въ этотъ пріятный день было намъ истинно пріятно. Мы испытали жестокое разочарованіе. Расспрашивая въ

Потсдамскомъ трактирѣ о достопамятностяхъ города и окрестностей, мы узнали, что верстахъ въ двухъ отъ Потсдама лежитъ Русская деревня, населенная нашими пѣсенниками 1-го Прусскаго гренадерскаго полка, переведенными, по желанію Короля Прусскаго, въ его службу, въ 1814 году. Какъ не поглядѣть земляковъ! Какъ отказаться отъ удовольствія — побесѣдовать по-Русски! Мы отправились туда пѣшкомъ. Дорогою сталъ перепадать дождикъ, и мы спрятались подъ парусинный навѣсъ, гдѣ миловидная дѣвушка продавала вишни. «Далеко ли до деревни Александровки?» спросилъ я. — «Нѣтъ!» отвѣчала она: «шаговъ двѣсти — не болѣе.» — «Что, любите ли вы нашихъ земляковъ!» спросилъ я далѣе. «Почему жъ нѣтъ?» возразила она улыбаясь: «они люди предобрые; только жаль, что они еще болѣе любятъ *шнапсъ*.»

Дождь пересталъ. Мы пошли далѣе, и

вскорѣ очутились посреди тринадцати Русскихъ крестьянскихъ домовъ, бревенчатыхъ съ рѣзными украшеніями, — словно на Московской дорогѣ. Мило, весело, любо! Мы постучались у первыхъ воротъ. Калитка отворилась, и оттуда вышло разочарованіе въ видѣ низенькаго Русскаго солдатика, уже на второмъ взводѣ. Увидѣвъ Русскія ленточки въ петлицахъ, услышавъ Русскія слова, онъ всеусердно старался вытянуться и промолвить: здравія желаю, ваше — но слова замирали на устахъ его, и весь станъ колебался — не знаю, отъ радости ли, что видитъ земляковъ, или отъ Бранденбургскаго шнапсу. На вопросъ нашъ, гдѣ можно бъ было намъ найти людей потрезвѣе, онъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ: «Вотъ здѣсь, въ трактирѣ, ваше . . . . .» Мы подошли къ одному домику, подъ вывѣскою Русскаго орла, съ надписью: Zum Kaiser von Russland, и были встрѣчены Фран-

цузскимъ привѣтствіемъ хозяйки: Qu'est ce qui est à votre service, messieurs?—Вотъ-тѣ на! Этотъ домъ принадлежитъ унтеръ-офицеру, который женился во Франціи, и мадамъ его завела здѣсь гостинницу. Къ сожалѣнію нашему, мужа ея не было дома. Она позвала троихъ мальчиковъ, лѣтъ отъ десяти до четырнадцати. Ихъ звали Николай, Александръ и Михаилъ; крещены они были по-Русски, но не знали ни одного Русскаго слова. Представительницею Россіи въ этомъ домѣ была толстая дѣвка, Ярославская уроженка, родственница унтеръ-офицера, выписанная имъ на подмогу. Ça travaille comme quatre! говорила намъ съ удовольствіемъ хозяйка. На распросы наши, всѣ ли жители этой деревни такіе пьяницы, какъ первый попавшійся намъ навстрѣчу, она отвѣчала, что большая часть изъ нихъ люди трезвые и порядочные, теперь они на работѣ, или въ городѣ, по

своимъ дѣламъ, и что нѣкоторые изъ нихъ конечно, отъ праздности, отъ воли и отъ дешевизны водки, утѣшаются съ горя по отчизнѣ! — — Мы хотѣли зайти въ Русскую церковь, прекрасное зданіе на возвышеніи, но она была заперта, священникъ уѣхалъ въ Берлинъ, а дьячка не могли отыскать.

Мы простились съ хозяйкою по-Французски, побранили пьяницу по-Русски, и съ горемъ пополамъ, отправились обратно — Подъ Липы.

XIII.

БЕРЛИНЪ.

Музей Искусствъ. Музей Египетскій. Театры. Опера. Драматическій Театръ. Кенигсштадтскій Театръ. Вурмъ. Діорама. Мороженое. Красавицы. Народъ. Остроуміе. Нѣтъ зрѣлищъ. Память Королевы. Шарлоттенбургъ.

Изъ перемѣнъ, найденныхъ мною въ Берлинѣ съ 1817 года, болѣе всего поразило меня зданіе Музея, воздвигнутаго насупротивъ королевскаго дворца, гдѣ прежде сего было пустое обсаженное деревьями мѣсто, называвшееся увеселительнымъ садомъ (Lustgarten). Это прекрасное зданіе построено въ 1824 - 28 годахъ, по рисункамъ Шинкеля. Огромное крыльцо, въ 21 ступень, ведетъ въ открытую колоннаду. Оттуда входишь въ ротонду, или круглую

залу, уставленную древними статуями, и получающую свѣтъ сверху, изъ купола. По сторонамъ ротонды находятся залы для помѣщенія произведеній ваянія. Въ залахъ втораго яруса хранятся картины. Надъ фронтономъ надпись: Fridericus Guilielmus III studio antiquitatis omnigenae et artium liberalium Museum constituit, MDCCCXXVIII. Музей открытъ 3-го Августа 1829 г., въ день рожденія Короля. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) картины, 2) древнія произведенія ваянія, 3) вазы, 4) рѣзные камни, 5) древнія и новыя монеты, 6) древнія бронзы, 7) маджоники, или глиняные сосуды среднихъ вѣковъ. Для наполненія его достойными храненія произведеніями искусствъ и древностями, наряжена была особенная коммиссія, которой позволено было, для пополненія сего хранилища, брать статуи, картины и прочее, не только изъ дворцевъ въ Потсдамѣ и въ Санъ-

Суси, но и изъ собственныхъ комнатъ королевскихъ. Сверхъ того куплены были двѣ превосходныя картинныя галереи, Джустиніани и Солли. Такимъ образомъ составилась единственная въ своемъ родѣ картинная галерея, въ которой можно слѣдовать за исторіею искусствъ съ самаго ихъ возрожденія. Произведенія Италіянскихъ живописцевъ XIII, XIV и XV столѣтій принадлежатъ большею частію къ собранію Англичанина Эдуарда Солли. Этотъ страстный любитель искусствъ торговалъ въ Лондонѣ дровами, и наскучивъ симъ прозаическимъ ремесломъ, уступилъ свою контору брату, а самъ переѣхалъ на жительство въ Берлинъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ искусствъ, Гиртомъ, который сообщилъ ему подробный списокъ всѣхъ произведеній живописи, хранящихся въ Италіи въ церквахъ, монастыряхъ, всенародныхъ зда-

ніяхъ и частныхъ домахъ. Солли, впрочемъ самъ незнавшій толку въ картинахъ, посылалъ въ Италію своихъ коммиссіонеровъ и содержалъ тамъ агентовъ, которые должны были закупать для него поименованныя Гиртомъ произведенія, не стѣсняясь цѣною. Равнымъ образомъ покупалъ онъ рѣдкія картины въ Германіи и Нидерландахъ. Владѣлецъ знаменитыхъ шести мѣстныхъ образовъ Іоанна и Губерта фанъ-Эйковъ, привезъ ихъ въ 1818 г. въ Аахенъ, надѣясь найти покупщиковъ между собравшимся на тамошнемъ конгресѣ Монархами, но никто изъ нихъ не рѣшался дать требуемыхъ двухъ сотъ тысячъ франковъ. Солли вошелъ въ аукціонную залу, услышалъ въ чемъ дѣло; не глядя на картины, заплатилъ требуемыя деньги, и приказалъ тутъ же заколотить ящикъ, въ которомъ онѣ лежали. Такія покупки его разорили: онъ нашелся принужденнымъ уступить свою

галерею Королю Прусскому за 700 т. талеровъ; она стоила ему самому болѣе милліона.

Въ этой галереѣ достойны особеннаго замѣчанія: Рафаэлева Богородица со Христомъ (Madonna della Colonna), принадлежавшая фамиліи Колонна въ Римѣ, и купленная Королемъ Прусскимъ за 10,000 талеровъ. Двѣ картины Корреджія достойны вниманія своимъ превосходствомъ и любопытными приключеніями. Онѣ представляютъ Іо въ объятіяхъ Юпитера, и Леду съ лебедемъ. Эти картины, во время Тридцатилѣтней Войны, попали изъ Италіи въ Швецію, и служили тамъ ширмою въ окнѣ королевской конюшни. Королева Христина увезла ихъ съ собою въ Италію, а послѣ ея смерти онѣ достались Герцогу Орлеанскому, Регенту Франціи. Сынъ его, человѣкъ набожный и суевѣрный хотѣлъ сжечь эти соблазнительныя изображенія, но

духовникъ удовольствовался тѣмъ, что Герцогъ приказалъ только вырѣзать головы Іо и Леды. По смерти Герцога (1752), купилъ ихъ Фридрихъ Великій, и украсилъ ими галерею въ Санъ-Суси. Наполеонъ увезъ ихъ въ Парижъ, а оттуда онѣ возвращены въ 1814 году. Не могу сообщить подробнѣйшаго свѣдѣнія обо всѣхъ превосходныхъ произведеній живописи, которыми глаза мои и душа наслаждались въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Это надобно видѣть: каталогъ ничего вамъ не скажетъ.

Не менѣе замѣчательны произведенія скульптуры. Въ 18 нишахъ ротонды, стоитъ такое же число колосальныхъ древнихъ статуй, изображающихъ разныя божества. Меня восхищаетъ въ древнихъ статуяхъ тотъ видъ мягкости, который (временемъ ли, художествомъ ли) приданъ мрамору: кажется, это живое *тѣло* человѣческое, которое уступитъ легкому давленію пальцемъ. Въ

произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Даннекера вижу прекрасный *мраморъ*. — Изъ ротонды входишь въ большую залу, въ которой помѣщено 148 статуй и бюстовъ. Между ними отличается бронзовая статуя мальчика, найденная въ Тибрѣ при Климентѣ IX, и купленная Фридрихомъ II за 10,000 талеровъ. Въ другой, меньшей залѣ выставлены статуи знаменитыхъ Грековъ, Софокла, Ксенофонта, Геродота, Ѳемистокла, Сократа, Перикла, Демосѳена и пр.; въ третьей статуи безсмертныхъ Римлянъ. Насупротивъ статуи Юлія Цесаря, поставлена, по приказанію Короля, статуя Наполеона, работы Шоде. — Не распространяюсь о вазахъ, бронзахъ, медаляхъ, геммахъ. . . . Странное чувство какого-то благоговѣйнаго трепета проникаетъ въ душу посреди этихъ вѣковыхъ обломковъ генія, посреди этихъ произведеній искусствъ, не-

режившихъ, на земли, творцевъ своихъ. Великое дѣло жить въ потомствѣ!

Еще достоинъ вниманія Египетскій Музей, во дворцѣ Монбижу, но для меня въ немъ не было ничего новаго: мнѣ кажется, что Египетскій Музей нашей Академіи Наукъ не уступитъ Берлинскому. Монбижу небольшой одноэтажный дворецъ, посреди сада, любопытенъ мнѣ былъ по тому, что въ немъ останавливался Петръ Великій во время пребыванія своего въ Берлинѣ.

Отъ произведеній древняго, или по крайней мѣрѣ *постояннаго* искусства, обратимся къ дѣйствіямъ музы животрепещущей настоящимъ, измѣнчивой и разнообразной.

Однимъ изъ главныхъ желаній моихъ, при нынѣшнемъ посѣщеніи Берлина, было — увидѣть хорошій Нѣмецкій театръ. Оно исполнилось.

Въ Берлинѣ три театра: оперный, драматическій и Кенигсштадскій.

Оперный театръ, построенный Подъ Липами, насупротивъ зданія университета, сооруженъ въ первые годы царствованія Фридриха II, и отличается простою, благородною архитектурою. На фронтонѣ его надпись: *Fridericus Rex Apollini et Musis.* Внутренность его очень проста: стѣны и перила ложъ и галерей сдѣланы изъ дерева и выкрашены зеленою краскою, съ позолоченными рамочками. Зала величиною и красотою не можетъ выдержать ни какого сравненія съ театрами Петербургскими. Мѣста для зрителей очень неудобныя: ложи узки, такъ, что не болѣе двухъ человѣкъ могутъ сѣсть рядомъ; за то онѣ очень глубоки, рядовъ въ пять скамеекъ, но сидящіе на третьей уже ничего не видятъ. Въ креслахъ неудобство еще большее. Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, широкаго прохода между рядами креселъ; сидящіе во второмъ ряду, упираются плотно колѣнями въ спину

креселъ перваго ряда, такъ, что по поднятіи завѣсы нѣтъ никому прохода. Этимъ, разумѣется, выиграно мѣсто, на счетъ удобства. Притомъ это и не кресла, а отдѣльныя, на каждаго человѣка, лавочки, приподнимаемыя къ спинкѣ (Sperrsitze), когда должно проходить. Де́корацiи прекрасныя. Я видѣлъ на этомъ театрѣ Фиделіо, Бронзоваго Коня и Оберона съ балетомъ. Оперы здѣшней похвалить нельзя. Въ ней нѣтъ хорошаго тенора. Бадеръ устарѣлъ. Недавно поступилъ на театръ молодой докторъ философіи Манціусъ: крошечная фигура, съ жиденькимъ, хотя и пріятнымъ голосомъ. Пѣвицъ отличныхъ не имѣется. Но оркестръ чрезвычайно хорошъ. Въ числѣ танцоровъ отличается Таліони, братъ знаменитой артистки Парижской. Я не знатокъ въ хореографіи, но мнѣ показалось, что наши Петербургскіе балеты несравненно полнѣе, живѣе, блистательнѣе, изящнѣе.

Гораздо болѣе удовольствія нашелъ я въ театрѣ драматическомъ. Я говорилъ уже о его наружности. Зданіе театра воздвигнуто на Жандармской Площади, Шинкелемъ; оно окончено въ 1821 году. Оно снаружи кажется огромнымъ, но собственный театръ занимаетъ только небольшую его часть; въ остальномъ пространствѣ заключаются концертныя залы, комнаты для репетицій, гардеробныя, бутафорскія, и т. п., Зала этого театра выстроена очень странно: она очень неглубока по ширинѣ своей; это не такъ красиво для глаза, но чрезвычайно выгодно: отвсюду можно хорошо видѣть и слышать. Стѣны также обиты деревомъ, темно-желтымъ съ золотыми каемками. На авансценѣ съ боковъ, подъ королевскими ложами, прекрасные барельефы Тика. Мѣста такъ же тѣсны и неудобны, какъ и въ оперномъ театрѣ; но всѣ эти неудобства и странности исчезаютъ, лишь толь-

ко поднимется завѣса. Я никогда не видалъ такой хорошей Нѣмецкой труппы для трагедій и комедій, какъ здѣшняя. Леммъ, Крюгеръ и еще нѣкоторые другіе первостепенные артисты были въ отпуску, но и остальные принесли мнѣ большое удовольствіе. Я видѣлъ на здѣшнемъ театрѣ Шекспирова Венеціянскаго Купца, Раупахову трагедію Корона Салуццо, и три небольшія комедіи, данныя въ одинъ вечеръ. Венеціянскій Купецъ, въ Русскомъ переводѣ, данный въ Петербургѣ, произвелъ недоумѣніе и смѣхъ въ большинствѣ нашей публики, необразованномъ и незнакомомъ съ Исторіею и достоинствомъ произведеній изящнаго искусства. Здѣсь, въ Берлинѣ, слушали эту піесу съ вниманіемъ и уваженіемъ къ генію Шекспира, видѣли въ ней не фарсъ, а близкое изображеніе нравовъ среднихъ вѣковъ, и характеровъ, достойныхъ изученія. Главную роль, Жида Шейлока, игралъ Роттъ,

актеръ съ умомъ и дарованіемъ, но Берлинцы увѣряли меня, что онъ отстоитъ на тысячу миль отъ покойнаго Девріента, о которомъ вспоминаютъ съ величайшимъ сожалѣніемъ. — Въ Раупаховой трагедіи, которая впрочемъ не заключаетъ въ себѣ ничего отмѣнно хорошаго, отличалась Шарлотта Гагнъ, извѣстная и нашей публикѣ, актриса прекрасная собою, одаренная необыкновеннымъ талантомъ. Но болѣе всего позабавила и утѣшила меня комедія: die Familie Hellbrandt, переведенная съ Французскаго. Въ ней играли Шнейдеръ, Рютлингъ и другіе съ неподражаемымъ искусствомъ, веселостью, ловкостью: мнѣ казалось, что я перенесенъ въ Парижъ!

Кёнигштадтскій театръ содержится частнымъ лицемъ, кажется Евреемъ. Этотъ театръ построенъ на акціяхъ въ 1824 г., въ подражаніе Парижскому des Variétés, собственно для представленія мелкихъ ко-

мическихъ водевилей, народныхъ оперъ, фарсовъ и т. п. Онъ знаменитъ тѣмъ, что на немъ дебютировала и образовалась Генріетта Зонтагъ. Нынѣ играютъ на Кенигсштадтскомъ театрѣ большею частію волшебныя оперы, шутовскіе водевили, и пр. На немъ есть хорошіе артисты, напримѣръ комикъ Шмелька, но все въ немъ носитъ особенный жидовскій характеръ. Вообще Берлинскіе Евреи, богатствомъ и вліяніемъ своимъ, играютъ важную роль. Лучшіе загородные домы въ звѣринцѣ принадлежатъ Жидамъ. Лѣтъ за двадцать предъ симъ появился на Берлинской сценѣ Вурмъ, извѣстный и у насъ, въ Петербургѣ. Онъ игралъ Жидовъ съ неподражаемымъ искусствомъ, исторгалъ у Христіанъ громкія рукоплесканія, а Евреевъ выводилъ изъ терпѣнія. Они рѣшились погубить его, взвели на него обвиненіе въ гнусномъ порокѣ, представили свидѣтелей. Вурма посадили

въ тюрьму, но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что обвиненіе основано на клеветѣ и подкупленныхъ доводахъ, то его выпустили тайкомъ, съ совѣтомъ не въѣзжать въ Прусскія владѣнія. Вскорѣ послѣ этого (осенью 1817) видѣлъ я его на Лейпцигскомъ театрѣ, гдѣ онъ забавлялъ Саксонцевъ насмѣшками надъ Берлиномъ и Берлинскими Жидами.

Который же изъ этихъ театровъ лучше прочихъ? спросите вы. Не знаю, отвѣчаю я. Лучше всего въ Берлинѣ двѣ вещи. Во-первыхъ, *діорама Гропіуса*. На углу Университетской и Георгіевской Улицъ, представляется вамъ зданіе оригинальное и красивое: это домъ славныхъ братьевъ живописцевъ Гропіусовъ. Въ немъ помѣщаются выставка художественныхъ произведеній (Kunstsaal) и Берлинскій кабинетъ, т. е. собранія всего, что относится къ Берлину, описаній его, плановъ, видовъ; тутъ

же продаются разныя искусственныя и ремесленныя издѣлія превосходной работы. Но важнѣйшее отдѣленіе въ этомъ домѣ есть діорама. Меня впустили въ темную комнату. Я дощупался до скамьи и сѣлъ. Поднимается завѣса: вижу предъ собою внутренность огромнаго зданія, въ которомъ устроены лѣса для передѣлки одной его части; на лѣсахъ и внизу работники; подлѣ лежатъ камни, лѣсъ и другіе матеріялы. Вотъ прекрасно! подумалъ я: показываютъ зданіе въ то время, когда оно еще достраивается. — Но эта работа что-то производится безъ стуку; замѣчаю, что и работники неподвижны. Догадываюсь наконецъ, что это картина: я былъ обвороженъ оптическимъ обманомъ въ продолженіе довольно значительнаго времени. На этой картинѣ представлена внутренность знаменитой Кордовской каѳедральной церкви. Во время Аравитянъ она была Магометанскою мечетью; вид-

ны еще остатки Мавританскихъ украшеній и позолоты. Сквозь отверзтіе въ куполѣ проницаетъ солнечный лучъ, и падаетъ на саркофагъ, въ которомъ схороненъ Герцогъ Альба. Восемьсотъ порфировыхъ столбовъ поддерживаютъ потолокъ. Несравненно! Чрезъ нѣсколько минутъ завѣса опускается, и я остаюсь въ совершенной темнотѣ. Слышу вдругъ шумъ моря, плескъ волнъ, вой вѣтра; завѣса поднимается, и мнѣ является видъ Средиземнаго Моря, при Сорренто. Вдали острова Искія, Прочида, Капо Мизено. Вечеръ. Послѣдній лучъ солнца догараетъ на горизонтѣ. Влѣво рыбаки разсѣлись въ пещерѣ вокругъ огня. Море кипитъ; волны его пѣнясь разбиваются объ утесы берега и надъ столбами пещеры. Рыбачья лодка и челнокъ качаются у берега; вдали тихо плыветъ корабль. Очарованіе совершенное! Я перенесся въ Италію: видѣлъ на берегу этомъ Тасса, мечталъ о

Нипиіи..... Не могу выразить наслажденія этимъ несравненнымъ зрѣлищемъ. Все, что мы видѣли въ этомъ родѣ въ Петербургѣ, можетъ назваться дѣтскою игрушкою въ сравненіи съ діорамою Гропіуса. На обратномъ пути нашемъ въ Кронштадтъ стоялъ я у борта парохода, и любовался пѣнящимися волнами, разсѣкаемыми кораблемъ. Не правда ли, это прекрасно? спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ. Прекрасно! отвѣчалъ я, а у Гропіуса море лучше..... Сорренто, Мизенскій Мысъ! Суждено ли мнѣ увидѣть васъ въ натурѣ!

Другая прекрасная вещь въ Берлинѣ — *морожсное* въ кандитерской лавкѣ Кранцлера, Подъ Липами, на углу Фридриховой Улицы. Удивительно вкусное! Можетъ быть, это предразсудокъ, но лучшаго я не ѣдалъ и въ Парижѣ. Мы, Русскіе, сбирались каждый вечеръ, послѣ театра, на галереѣ предъ кандитерскою, услаждали

вкусъ свой мороженымъ, а душу бесѣдою о холодномъ и любезномъ отечествѣ, и забавлялись картиною шумной толпы народной, тѣснившейся Подъ Липами. Иногда заходилъ я въ другую кандитерскую, подлѣ драматическаго театра; зачѣмъ, вы думаете? читать Сѣверную Пчелу, которую тамъ держатъ для нашихъ Русскихъ студентовъ. Забавно и странно мнѣ было видѣть ее въ Берлинѣ!

Неужели болѣе нѣтъ ничего хорошаго въ Берлинѣ? спросите вы. Какъ не быть! Да въ девять дней всего не разглядишь. На одно, грѣшный человѣкъ, не разъ засматривался, на хорошенькихъ женщинъ. Какія личики! какіе глазки! Однажды вхожу я въ ворота дома оберъ-шенка Барона Арнима (временнаго директора театровъ). Кого вамъ надобно? спрашиваютъ у меня тоненькимъ голоскомъ. Оборачиваюсь влѣво, откуда несется голосъ. Херувимская

головка смотритъ на меня изъ форточки. Я разинулъ ротъ и остолбенѣлъ. Она засмѣялась и сдѣлалась еще милѣе. Вдругъ кто-то проговорилъ подлѣ меня сиплымъ басомъ: «Да что вы не отвѣчаете? или вы въ жизни вашей женщинъ не видали?» — «Такихъ хорошенькихъ не видалъ!» отвѣчалъ я. «Это дочь моя!» прибавилъ привратникъ, смягчившись комплиментомъ, и съ тѣхъ поръ принималъ меня очень учтиво, и херувимская головка всегда съ улыбкою привѣтствовала меня какъ знакомаго. Здѣсь, въ Берлинѣ, я не разъ и сѣтовалъ и радовался, что мнѣ сорокъ восемь лѣтъ отъ роду.

Мужчины здѣсь не такъ милы, какъ женщины. Я разумѣю не высшія, образованныя сословія общества, а среднее состояніе, публику пятнадцатаго класса, въ которой заключаются низшіе чиновники, неважные торгаши, ремесленники и т. д.

Здѣсь я узналъ, что значитъ Нѣмецкая поговорка ein Berliner Narr (Берлинскій дуракъ). Изъ пяти человѣкъ, которые вамъ встрѣтятся на улицѣ, конечно трое одѣты шутами: одинъ въ голубомъ фракѣ, другой въ гусарскихъ сапожкахъ съ кистями, третій въ розовомъ галстухѣ, иной вовсе безъ галстуха. Я насмотрѣлся на нихъ, въ лѣтнемъ воксалѣ, въ Кенигсштадтской улицѣ. Тамъ, въ извѣстные дни, даются сельскіе балы. Картина презабавная! Франты Берлинскіе описаннаго мною класса уморительны. Счастіе и довольство самимъ собою выказываются у нихъ во всѣхъ пріемахъ, взглядахъ и словахъ. Самый низкій классъ Берлинцевъ отличается нахальствомъ и грубостью: трактирные слуги, привратники и т. п. несносны своею дерзостью. Въ Hôtel de Russie украли у меня дюжину шелковыхъ носовыхъ платковъ, и когда я сталъ жаловаться главному прислужни-

ку (Oberkellner), онъ отвѣчалъ мнѣ чрезвычайно грубо (*). Впрочемъ нельзя отнять у простолюдиновъ Берлинскихъ природнаго ума и какой-то особенной живости въ характерѣ, чуждой другимъ Нѣмцамъ. Больше всѣхъ славятся остроуміемъ и скорыми отвѣтами тамошнія рыночныя торговки и носильщики, стоящіе по угламъ улицъ (Eckensteher). Ихъ каламбуры и экспромты служили пищею многимъ водевилямъ и карикатурамъ. — «Послушай, Фрицъ!» говоритъ одинъ такой носильщикъ своему товарищу: «сходи-ко въ кабакъ, да принеси водки на два гроша.» — Нѣкогда! отвѣчаетъ товарищъ. — «Коли на два нѣкогда, такъ принеси хоть на грошъ!»

Въ послѣднее Воскресенье пребыванія моего въ Берлинѣ, я сидѣлъ поутру въ

(*) Послѣ того узналъ я, что этотъ самый человѣкъ уличенъ былъ въ воровствѣ, и посаженъ въ Шпандау. Покраденныя вещи конечно были бы мною получены, если бы я былъ еще въ Берлинѣ.

своей комнатѣ, и думалъ, въ какой театръ, въ какое собраніе пойти мнѣ вечеромъ. Мнѣ приносятъ завтракъ и афишку съ надписью крупными буквами: Sonntag, den 19 July, kein Schauspiel. *(Въ Воскресенье, 19 Іюля, нѣтъ зрѣлищъ.)* Это что? спросилъ я у слуги. Онъ отвѣчалъ мнѣ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «За двадцать пять лѣтъ предъ симъ, 19-го Іюля скончалась Королева.» — Въ этотъ день я помирился съ Берлинцами. Во всемъ городѣ господствовала совершенная тишина. Не слышно было ни музыки, ни пѣнія. Многочисленныя толпы прогуливались по улицамъ и по звѣринцу въ глубочайшемъ безмолвіи. И все это дѣлалось не по приказу начальства, а по собственному внутреннему влеченію народа. Я думаю, если бъ театры были открыты, въ нихъ не было бы въ этотъ день ни одного зрителя. Это прекрасно! Прекрасно, за предѣлами гроба,

по истеченіи четверти столѣтія, жить въ благодарныхъ сердцахъ милліоновъ! Не смотря на необыкновенно сильный жаръ, жители Берлина тысячами ѣхали и шли, на поклоненіе драгоцѣнному праху возлюбленной Государыни, въ Шарлоттенбургъ. Я присоединился къ одному такому каравану, съ любезнымъ *Шам.*, моимъ путеводителемъ по Берлину.

Шарлоттенбургъ есть загородный дворецъ королевскій, построенный въ концѣ XVII столѣтія, и названный такъ въ честь Курфирстины Софіи Шарлотты. Онъ лежитъ на берегу Шпре, въ одной милѣ отъ Берлина. Вокругъ дворца выстроился мало по малу городокъ, въ которомъ нынѣ слишкомъ 450 домовъ и 6000 жителей. Всѣ Государи Пруссіи украшали и распространяли этотъ дворецъ. Въ немъ жила, до кончины своей, супруга Фридриха II. Король, сопряженный съ нею бракомъ, основан-

нымъ на политикѣ, а не на взаимной склонности, чтилъ и уважалъ ее искренно, и въ день рожденія ея всегда являлся къ ней съ поздравленіемъ; въ одинъ этотъ день въ году, онъ надѣвалъ башмаки и черные шелковые чулки — великое съ его стороны пожертвованіе! Въ новыя времена, Шарлоттенбургъ былъ любимымъ мѣстомъ пребыванія покойной Королевы Луизы, супруги нынѣ царствующаго Короля: здѣсь родилась Императрица Александра Ѳеодоровна. При дворцѣ разведенъ прекрасный садъ въ Англійскомъ вкусѣ съ тѣнистыми аллеями. На одномъ изъ островов, образуемыхъ каналами, прокопанными изъ Шпре, называемомъ Луизинымъ, воздвигнутъ бронзовый бюстъ Королевы, отлитый по модели Рауха. Далѣе, среди густой рощи, возвышается гранитный мавзолей, въ которомъ хранятся смертные останки Незабвенной. На фронтонѣ, поддерживаемомъ

четырьмя дорическими колоннами, изображены альфа и омега, символъ начала и конца всѣхъ дѣлъ земныхъ. Во внутренности мавзолея дверь, никогда не отворяемая для посѣтителей, ведетъ въ склепъ, гдѣ покоится тѣло Королевы, въ свинцовомъ гробѣ. Въ самомъ мавзолеѣ возвышается мраморный саркофагъ. На немъ представлена, изъ бѣлаго мрамора, Королева, лежащая на одрѣ покоя. Сходство лица ея поразительное. На стѣнахъ мавзолея висятъ четыре поблекшіе вѣнка, сплетенные ея дочерьми. Въ этотъ день весь помостъ мавзолея и саркофагъ усѣяны были свѣжими цвѣтами. Народъ толпился вокругъ него въ безмолвіи, и проливалъ слезы. . . .

XIV.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Выѣздъ изъ Берлина. Хорошее мѣсто. Товарищъ. Пребываніе въ Гамбургѣ. Любекъ. Общество на пароходѣ. Буря. Un déjeuner dansant. Кронштадтъ. Усердная таможня. Петербургъ.

8-го Іюля вечеромъ выѣхалъ я изъ Берлина. Опытъ научилъ меня: я взялъ заблаговременно мѣсто въ кабріолетѣ, No 5. Кабріолетомъ Берлинскаго дилижанса называется передняя его часть, то есть наша двумѣстная карета, раздѣленная на три мѣста. Одно изъ нихъ занимаетъ кондукторъ, два остаются для пассажировъ. Лучше такого мѣста нельзя найти. Во-первыхъ, видишь, куда ѣдешь. Во-вторыхъ, имѣешь только одного

товарища, слѣдственно менѣе подверженъ неудобствамъ, капризамъ, сигаркамъ и т. п. помѣхамъ, отъ своихъ спутниковъ. Да и сообщество кондуктора не такъ непріятно, какъ вообще можно бъ было предполагать. Эти люди обыкновенно выбираюся изъ хорошихъ, заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ, и если съ ними обходишься учтиво и привѣтливо, то очень легко ужиться. Вообще я замѣтилъ, что Прусаки, въ первыя минуты бесѣды или дѣла, кажутся упрямыми, неласковыми, спесивыми, но лишь только увидятъ, что съ ними обходятся хорошо, перемѣняютъ обращеніе, и сами дѣлаются вѣжливыми, услужливыми и словоохотными. Другой пассажиръ въ кабріолетѣ былъ молодой Французскій купецъ, Г. Кюрсіяль, племянникъ и товарищъ знаменитаго винопродавца Флорентина Фора, въ Сенъ-Пере. Г. Кюрсіяль понравился мнѣ своею учтивостью, скромностью и пріятнымъ обра-

щеніемъ. Дорогою узналъ я отъ него статистику всѣхъ Французскихъ винъ, способъ ихъ выдѣлки, развозки, продажи, и т. п. Это общество было мнѣ вдвое пріятнѣе отъ того, что всѣ остальныя мѣста дилижанса наполнены были разношерстыми Жидами, которыхъ бесѣда не могла быть усладительна. На третій день, съ ударомъ девяти часовъ до полудня, дилижансъ остановился предъ Прусскимъ почтовымъ дворомъ въ любезномъ моемъ Гамбургѣ. Г. Кюрсіяль пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ, и тутъ, на практикѣ, показалъ, какія вина добываются у его дяди. — Я провелъ въ Гамбургѣ пять дней: похожденія мои въ теченіе этого времени описаны мною выше. 15-го Іюля, въ часъ по-полудни, отправился я въ Любекъ, по ужасной дорогѣ, и прибылъ туда уже ночью. На другой день посѣтилъ Г. Шлецера, и на легкомъ рѣчномъ пароходѣ поплылъ по рѣкѣ

Травѣ къ ея устью. Тамъ, на рейдѣ, стояла уже наша Александра, готовая везти насъ обратно въ милое отечество.

Въ нынѣшній рейсъ общество наше было такъ же пріятно, какъ и въ первый. Въ числѣ пассажировъ были посланникъ нашъ при Минхенскомъ Дворѣ, Князь Г. И. Гагаринъ, Баварскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ, Графъ Лерхенфельдъ, съ молодою прекрасною супругою, семейство знаменитаго нашего врача, лейбмедика Рауха, одинъ путешествующій семидесятилѣтній Англичанинъ, генералъ Дюгальдъ-Стюартъ, жаждавшій посмотрѣть Россію, и еще нѣсколько человѣкъ умныхъ, любезныхъ и благовоспитанныхъ. Но погода была уже не прежняя. На другой день вечеромъ сгустились тучи на горизонтѣ, и въ ночь поднялась буря. Всѣ прилегли въ своихъ койкахъ. Помня, что въ первое путешествіе мое по морю, погода меня не укачивала, я

бодро вышелъ изъ каюты, и взобрался наверхъ, но радъ, радъ былъ, когда опять доплелся до своего ложа. Въ бурю, кажется мнѣ, пароходъ несноснѣе всякаго другаго корабля: качка на немъ происходитъ тройная; одна вдоль судна, другая боковая, и третья — подергиваніе отъ колесъ паровой машины. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего лучше, какъ лежать въ своей укромной хижинѣ, и въ воображеніи сочинять романы. Къ полудню качка и вѣтеръ приутихли, и мы сѣли завтракать, но колебаніе все еще продолжалось, и мы ежеминутно придерживались за столъ. Каютъ-компанія танцовала если не мазурку, то польской. Voilà un déjeuner dansant! сказалъ одинъ пассажиръ, Французъ, упавъ съ вилкою въ рукахъ подъ столъ.

Въ Среду отъѣхали. Четвертокъ, Пятница — все это цѣлыя вѣчности; наконецъ, въ Субботу, возникла надежда на скорое

освобожденіе изъ пловучей тюрьмы, и дѣйствительно, въ восемь часовъ вечера мы остановились на Кронштадтскомъ рейдѣ. Тутъ надобно было видѣть расторопность и усердіе къ службѣ нашей Кронштадтской таможни! Въ минуту явились смотрители, помощники, досмотрщики. — Tous les bics imaginables! сказалъ прежній Французъ. У портовъ поставили часовыхъ, у люковъ, или сходовъ, другихъ. Прибыли чиновники Кронштадтской полиціи, взяли наши паспорты, и стали ихъ отмѣчать и повѣрять. Нѣтъ! ужъ тутъ, я думаю, ниточки запрещенной не провезешь — это будь сказано въ утѣшеніе господамъ Московскимъ фабрикантамъ.

Въ четыре часа утра опять застукала машина, зашумѣли колеса, пароходъ двинулся. Мы всѣ вышли на палубу. Мало по малу открылся Петербургъ. Вотъ мы и въ Невѣ. Вотъ Васильевскій Островъ,

Англійская Набережная. Иностранцы смотрѣли на великолѣпныя массы, и дивились имъ. Это зрѣлище было для нихъ тѣмъ поразительнѣе, что въ пятомъ часу утра солнце стояло уже высоко, и освѣщало прекрасную картину, какъ въ полдень. Но жители столицы еще погружены были въ глубокій сонъ: все было пусто, безмолвно. Если бъ не часовые, тихо расхаживавшіе предъ будками, то можно бъ было подумать, что это новая Помпея, возникшая волшебною силою изъ подъ тысячелѣтняго пепла. — По мѣрѣ приближенія нашего къ цѣли плаванія, набережныя начали оживляться. Мы искали глазами друзей и любезныхъ. Дымъ, клубившійся изъ высокой трубы парохода, подавалъ сигналъ ждавшимъ нашего пріѣзда.

Расторглись легкія узы пріязни и довѣренности, заключенныя на тѣсномъ пароходѣ: мы разойдемся съ своими спут-

никами, сдѣлаемся чуждыми другъ другу, и развѣ при случайныхъ встрѣчахъ изрѣдка будемъ видѣться и вспоминать о бывшемъ товариществѣ. Такъ дружныя струи тихой рѣки разсыпаются брызгами, вливаясь въ просторный Океанъ!

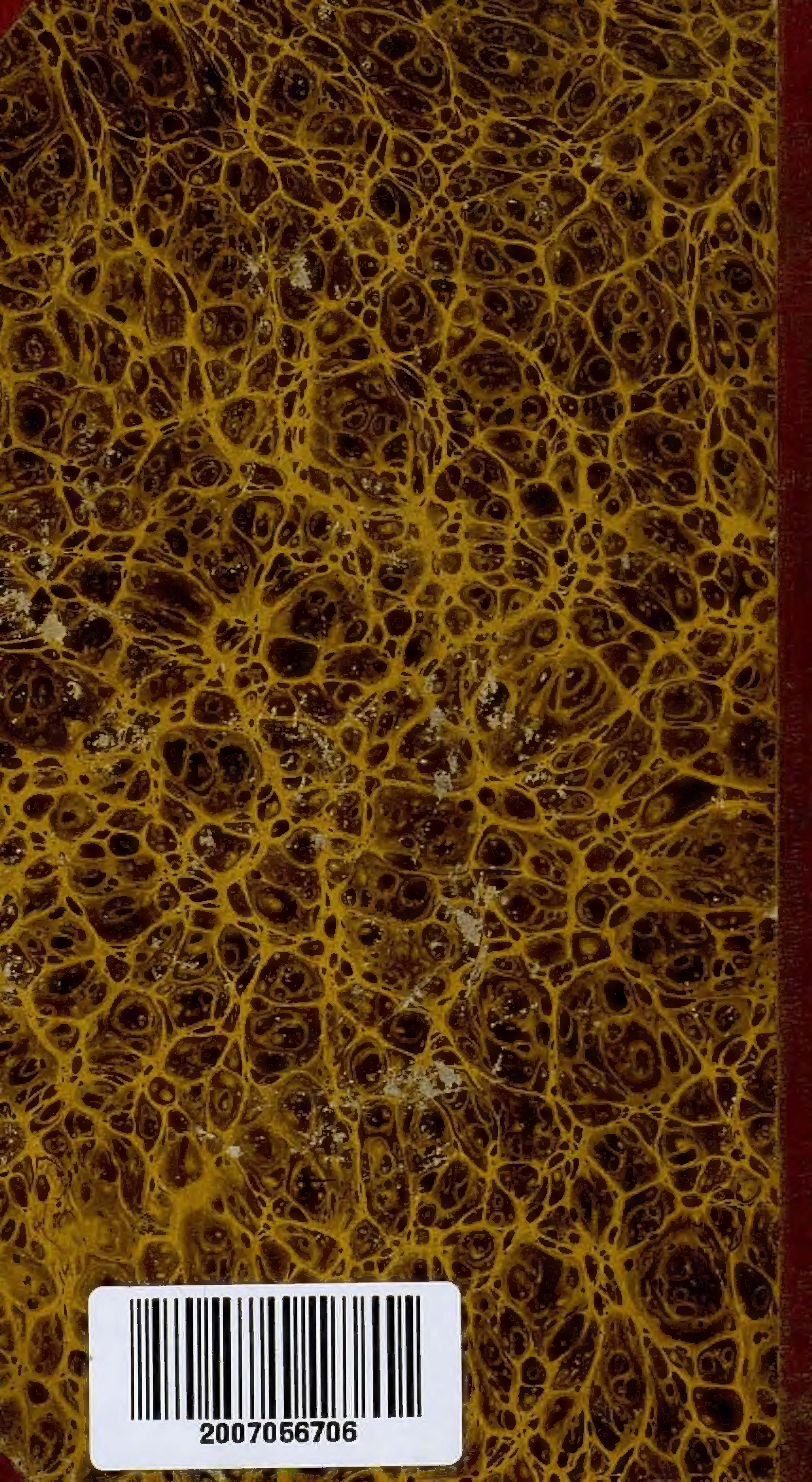
Катитъ поспѣшно, на дрожкахъ, членъ таможни, всходитъ на пароходъ, трапъ упадаетъ, и мы бросаемся на берегъ.

Остальное написано не для печати.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 178	строк. 14	*вм.*	уступленнаго	*чит.*	уступленомъ
— 200	— 10	—	весьма весьма	—	весьма
— 228	— 9	—	произведенiй	—	произведенiяхъ,
— 250	— 13	—	обходятся	—	обходишься


2007056706